

ББК 63.3(2)
УДК 94/47
Т 47

Рецензенты:

член-корреспондент РАН *С.А. Арутюнов*,
доктор исторических наук *Ж.Ж. Гакаев*

Тишков В.А.

Общество в вооруженном конфликте (этнография чеченской войны). – М.: Наука. 2001. – 000 с., ил.

ISBN 5-02-008755-6

Монография посвящена анализу социально-культурной динамики чеченского общества в условиях вооруженного конфликта. В ее основу положены более 100 интервью с участниками событий (политическими деятелями, полевыми командирами, беженцами, представителями всех слоев чеченского общества). В книге нашли отражение семейно-родственные отношения чеченцев, формирование идеологии национализма и сепаратизма, анатомия заложничества и торговли людьми, эскалация насилия, характер политического режима в этом регионе.

Для историков, политологов, социологов и всех интересующихся современной политической ситуацией на Кавказе.

ТП-2001-II-№ 35

ISBN 5-02-008755-6

© В.А. Тишков, 2001

© Издательство “Наука, 2001

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение.....	
Глава I	
Этнография и политика исследовательского проекта.....	
Моральная дилемма	
После битвы как этнографическое поле	
Метод делегированного разговора	
“не те чеченцы”	
Глава II	
Объяснительные модели и теория исследования.....	
Глобальные теории и метапроекты	
Чечня и концепция самоопределения	
Цивилизационно-этнографический романтизм	
Частные объяснительные модели	
Демодернизация как антропологическое явление	
Глава III	
Политика репрессий и политика престижа.....	
О пользе и вреде истории и этнографии	
XX век и чеченские версии истории	
Политика коренизации	
Последствия коллективизации и индустриализации	
Повседневность ссылки	
“Так это было”: поиск ответа	
Глава IV	
Противоречивая модернизация	
Возвращение на родину	
Политический статус и чеченские “верхи”	
Раскол местного сообщества	
Социально-культурная ситуация накануне конфликта	
Новое поколение и его культура	
О языке и истории	
Глава V	
Чеченцы: внутренние образы	
Подходы к пониманию идентичности	
Разновременные низовые версии	
Элитные версии	
Комплекс народа-изгоя	
Какофония чеченской попсы	

Внутричеченские диспозиции	
Новая архаика тейпов и “новые чеченцы”	

Глава VI

Чеченцы: внешние версии	
Кто они чеченцы? Сомнения по поводу общих истин	
Российские восприятия: личный опыт	
Масс-медийные образы и динамика античеченских фобий	
Академические версии	
Бремя внешних предписаний	
Ближний внешний круг	
Симпатии и соперничество	
Дальняя внешняя версия	

Глава VII.

Амбиции лидеров и надменность силы	
“Национальная революция” Джохара Дудаева	
Три года чеченской свободы	
Ответ центра	
Фактор Хасбулатова	
Чечня и российское общество	
Диаспора и международное сообщество	
Оценка чеченского кризиса	

Глава VIII

Джохар: миф о герое и дьяволе	
Постсоветские харизматические лидеры	
Журналистские версии лидера	
Личная версия лидера	
Лидер как народная версия	
Война как игра лидера	
Послевоенная апологетика	

Глава IX

Боевики: доблесть и мародерство	
Идеологический образ и литературная версия	
Как становились боевиками	
Начало мобилизации	
Страх и отвага	
Калашниковская культура	
Нравилось воевать	
Отщепенцы, бездельники, дармоеды	
Мародерство	
“Не на что жить, когда стало так много воевавших”	

Глава X

Семья и конфликт	
О чеченской семье и о тейпах	
Социология чеченской семьи	
Супружеские отношения и статус женщины	
Заботы и жертвы родителей	

Дети войны	
Потери близких	
“Чистый ислам” как новый порядок	
Глава XI	
Религия и конфликт	
Уход ислама	
“Новые мусульмане”	
Приход ваххабизма	
После войны	
Новый раскол	
Глава XII	
Война как тотальное насилие	
Теория и этнография насилия	
Образ врага как введение в войну	
Неверие и шок начала войны	
Жестокость федералов и чеченцев	
Преодоление цикла насилия	
Мечь как аргумент против мира	
Война как заговор	
Война как болото и как преисподня	
Война как всеобщее безумие	
Глава XIII	
Этнография заложничества	
Как появилась эта глава?	
Сложности анализа: политический аспект	
Мифологический и психологический аспекты анализа	
Мотивы похищения	
Кого и как похищают	
Евреи как жертвы	
Организаторы торговли и обращение с заложниками	
Домашние тюрьмы	
Похищение людей и чеченская политика	
Глава XIV	
Во имя “великого народа” к новому насилию	
Самообман “великой победы”	
Постконфликтная экономика	
Социальная жизнь	
Мжегрупповые противоречия	
Шариат для Чечни?	
Глава XV	
Чеченский дискурс как идеология крайностей	
Чеченская пресса	
Судьба чеченского обществознания	
Чеченская антропология	
Враги Чечни	
Миссия освобождения Кавказа	
Ислам и нация	
Чеченский антисемитизм и теории заговора	

Глава XVI

Чечня как сцена и как роль

 Истина и мораль в конфликте

 Тексты и образы возлюбивших войну

 “Либеральные интервенционизм”

 Конструирование чеченцев из этнографического мусора

Приложение документов.....

Карта Чечни.....

Библиография.....

Указатель имен.....

ВВЕДЕНИЕ

“Если говорить по отдельности об этой войне, о разных там операциях, вроде бы все понятно. А вот все собрать вместе, связать, чтобы всякое лыко в строку – это уж, видно, ваше дело, ученых. Одно только хочу сказать, не хотел я воевать, да вот и после войны героем себя не чувствую, хоть и наградами осыпан. Так что беспутное это дело – война

Таус А.

“Сегодня Россия вступила в клуб примерно 30–40 государств с внутренними вооруженными конфликтами и с не контролируемыми центральным правительством территориями. Выйти из членов этого клуба будет очень и очень трудно”

Из интервью автора книги корреспонденту “Радио России”, 12 декабря 1994 г.

Эта книга о социально-культурной динамике общества, ввергнутого в вооруженный конфликт. В ней анализируется ситуация в Чеченской республике в период так называемого чеченского кризиса или чеченской войны. По своей изначальной форме и политико-правовой сути конфликт в Чечне является вооруженным мятежом против федеральной власти Российской Федерации со стороны одного из этнотерриториальных автономных образований, провозгласившего в 1991 г. в одностороннем порядке выход из состава России и создание независимого государства. Подобные вооруженные конфликты в форме “войн за самоопределение” возникли в конце 1980-х – начале 1990-х годов в ряде регионов бывшего СССР (Нагорный Карабах в Азербайджане, Южная Осетия и Абхазия в Грузии, Приднестровье в Молдове). Почти все они закончились своего рода военной победой сепаратистов, но ни один из конфликтов не достиг цели создания отдельного государства и до сих пор не нашел политического решения.

Попытка федеральных властей покончить с сепаратистским режимом в Чечне вооруженным путем вылилась в затяжную и разрушительную военную кампанию 1994–1996 гг., закончившуюся выводом войск из Чечни и подписанием соглашений о мире в августе 1996 г. и в мае 1997 г. По официальным данным, в первую чечен-

скую кампанию только федеральные вооруженные силы и милиция потеряли убитыми около 4 тыс. человек. Вооруженный конфликт 1994–1996 гг. в Чечне привел к огромным человеческим и материальным потерям: около 35 тыс. человек погибло, более трети населения этой территории (почти 450 тыс. человек, включая выехавших перед войной) оказались вынужденными переселенцами и беженцами, были сильно разрушены г. Грозный и многие другие поселения. Война стала трагедией для народа Чечни и самым большим кризисом в истории новой России.

Конфликт между российскими федеральными властями и сторонниками вооруженной сецессии в Чечне не был разрешен, а последствия войны не ликвидированы. В 1997–1999 гг. внутри Чечни существовал социальный хаос и режим соперничающих вооруженных групп. Последние пытались обрести легитимность через обращение к радикальному исламу, а материальные средства найти через торговлю людьми и внешние заказы на террористическую деятельность. Крах основ общественного порядка в самопровозглашенном и непризнанном образовании, дестабилизация на сопредельных территориях Северного Кавказа, кризисное состояние российской государственности в период трансформаций, внешние манипуляции, включая западные симпатии к чеченскому сепаратизму и его прямую поддержку со стороны исламского радикализма в конечном итоге привели к новому циклу масштабного насилия.

С целью расширить район вооруженного сепаратизма под лозунгом распространения истинного ислама и войны против неверных (*джихада*) в августе 1999 г. с территории Чечни были осуществлены вооруженные вторжения в западном Дагестане и террористические акты (взрывы жилых домов) в Махачкале и Москве. В ответ последовали массивные военные действия и разгром радикальных исламистов на территории Дагестана федеральными вооруженными силами и местными дагестанской милицией и вооруженным ополчением осенью 2000 г. Из-за вынужденного перемещения населения в зоне боевых действий серьезный ущерб был нанесен уникальной этнокультурной мозаике западной части Дагестана. Но в целом Дагестан вышел из серьезного кризиса более консолидированным на платформе общероссийской лояльности и смог достаточно быстро устранить последствия вооруженных действий, за исключением разрушений в так называемой Кадарской зоне (селения Кармахи и Чабанмахи).

В отличие от председателя правительства РФ С.В. Степашина, который дарил именные пистолеты лидерам сепаратистского режима в Чечне, хвалил деятельность религиозных экстремистов, взявших под вооруженный контроль ряд сел Дагестана, и, наконец публично произнес растерянную фразу: “Дагестан можем потерять!”, возглавивший в сентябре 1999 г. правительство, а затем избранный президентом Российской Федерации В.В. Путин занял жесткую по-

зицию в отношении сепаратистского режима в Чечне. Осенью 1999 г. была начата масштабная военная кампания по разгрому вооруженных формирований в Чечне и по восстановлению контроля федеральной власти на этой территории, которая получила официальное обозначение как антитеррористическая операция.

Страна пережила новый вооруженный конфликт с тысячами убитых и раненых из числа федеральных военнослужащих, чеченских боевиков и мирных жителей. К июню 2001 г. вторая война уже унесла жизни около 3 тысяч военнослужащих и около 8 тыс. было ранено. Еще больше погибло российских граждан в Чечне из числа мирных жителей и чеченских боевиков. Еще 150–200 тыс. человек покинули территорию Чечни, и только часть вернулась после прекращения интенсивных боев.

Утратив контроль над основной территорией и понеся большие потери, сепаратистские вооруженные группы перешли к методам партизанской борьбы и к тактике террористических действий против федеральных вооруженных сил, а также лояльно настроенного мирного населения. Масштабное присутствие армии и других федеральных сил Чечне сопровождается попытками создать эффективную и легитимную местную администрацию, восстановить основы жизнедеятельности населения и осуществить постконфликтную реконструкцию чеченского общества.

Чеченская война была и остается одной из важнейших проблем российского общества. По разным причинам к ней проявляют внимание другие государства, международные организации и мировая общественность. Она является предметом многих журналистских описаний и академических исследований. Последние представляют собой преимущественно политологический анализ. Мною предлагается версия чеченской войны, выполненная преимущественно в дисциплинарных рамках социально-культурной антропологии. Это не описание войны, а скорее ее этнография – этнография чеченского конфликта, которую до этого никто не изучал, хотя она того, безусловно, заслуживает.

Я вряд ли могу сказать, что наказ одного из чеченцев “собрать все вместе и связать”, чтобы получилась цельная картина войны, выполнен. Скорее, наоборот, моя версия столь радикально отличается от всего написанного до сих пор о Чечне, что она лишь увеличивает интеллектуальный разброд и продолжающиеся дебаты. Один из моих российских коллег готовил, как он объявил приглашенным авторам, “первую книгу о чеченской войне без ангажированности и политических предпочтений”. Однако заявленное, а затем и опубликованное ее название – “Чечня и Россия: общества и государства” выдавало столь высокую степень идеологической заданности, что с трудом верилось в осуществимость данного проекта.

Для меня, не приемлющего клише “Россия и Чечня” и сомневающегося, что в условиях войны в последней есть государство, пре-

тензии на объективность и идеологически стерильную версию маловероятны. Такая задача мною и не ставилась. Цель книги – донести прямые голоса участников драмы, их собственные версии пережитого и дать свое понимание рассказанных историй скорее как комментарии на страницах полевого дневника. Это не означает, что у меня нет позиции, в том числе и политической, моя позиция будет заявлена. Но все же главная цель – выполнить, базируясь на этнографическом методе, научный анализ феномена общества, оказавшегося вовлеченным в глубокий насильственный конфликт, и на основе нового знания сделать теоретические выводы, имеющие значение для науки и общества.

Прилагаемая работа была начата не для того, чтобы написать историю одного из многих насильственных конфликтов конца XX в. Мне, как историку и этнологу, понятна необходимость временной дистанции, и отсутствие ее было серьезным препятствием, особенно из-за ежедневного эмоционального воздействия происходящих событий и при оценке действий отдельных персоналий, многие из которых знакомы мне лично. Препятствием стало также наличие пространственной дистанции между традиционно понимаемым этнографическим полем и местонахождением исследователя: война сделала для меня фактически невозможной работу на территории Чечни. Оба обстоятельства идут вразрез с моими профессиональными стандартами как историка и этнолога (первому нужна временная дистанция, второму необходим прямой доступ к изучаемому объекту). О преодолении возникшей методологической трудности речь пойдет в первой главе. Замечу только, что я не первый и не последний из историков и этнологов, кто оказывался в подобных ситуациях.

Вполне естественно, что мне трудно рассчитывать на однозначно позитивную реакцию предлагаемой версии конфликта как со стороны коллег, авторов, писавших на эту тему, тексты которых в той или иной степени подверглись моей критике, так непосредственных участников конфликта – чеченцев, особенно тех, кто посвятил себя обоснованию “войны за самоопределение”. Главный идеолог чеченской сецессии Мовлади Удугов уже давно поместил на свой интернетовский сайт (www.kavkaz.org) текст моих предложений по мирному урегулированию чеченского конфликта, которые были представлены председателю правительства Российской Федерации В.С. Черномырдину весной 1995 г. (см. Приложение. Док. 1), снабдив их таким комментарием:

“Следующий текст российского специалиста по этнографии Тишкова – один из многих свидетелей того, что практически все российские политики, общественные деятели и ученые вместо поддержки естественного права каждого народа на свободу и независимость и на свою собственную государственность пропагандируют наукообразные рецепты как сохранить боющийся за свободу народ в имперской клетке России”.

Каким образом к Удугову попал этот конфиденциальный документ, остается загадкой как и многое другое в сложной драме чеченской войны. Тем более интригующей выглядит задача написать этнографию одного из наиболее жестких внутригосударственных конфликтов нашего времени.

Многие организации и конкретные люди оказали содействие и поддержку данному исследованию и его изданию. Прежде всего моя признательность Фонду Гарри Фрэнка Гуггенхайма (The Harry Frank Guggenheim Foundation), который предоставил грант для этой работы. Благодаря Фонду Рокфеллера я имел возможность в течение месяца находиться в Центре для конференций и исследований в Белладжии (Италия), где в феврале 1998 г. написал первые главы книги, параллельно работая с профессором Мартой Олкотт над другим проектом. Особую признательность выражаю профессору Робу Брофски, которого в нашей переписке по электронной почте я прозвал “кнутом” (термин, используемый в США для боссов партийных коалиций), ибо его настойчивость получить мною рукопись в срок заставила меня закончить ее с задержкой всего лишь на два года. Он предложил написание англоязычного варианта книги для начатой им серии “Антропология для общества”, которую выпускает Издательство Калифорнийского университета, и взял на себя труд по редактированию перевода. Англоязычный вариант выйдет в свет после русского издания и в несколько сокращенном виде.

Из моих коллег по Институту этнологии и антропологии Российской академии наук я признателен члену-корреспонденту РАН С.А. Арутюнову, который высказал ценные замечания по рукописи, продемонстрировав в очередной раз свои фундаментальные познания и интеллектуальную терпимость. Выражаю благодарность доктору исторических наук М.Ю. Мартыновой за внимательное прочтение рукописи, правку и замечания.

Глубоко благодарен моим партнерам по исследованию (интервьюерам, информантам, кросс-рецензентам) из числа чеченских ученых – докторам исторических наук Джабраилу Гакаеву и Андарбеку Яндарову, кандидаткам наук Галине Заурбековой, Вахиту Акаеву, Хеде Абдулаевой, Мусе Юсупову и Исмаилу Мунаеву, кросс-рецензенту Рустаму Калиеву. И, конечно, огромная признательность всем участникам и свидетелям конфликта, которые поделились своими рассказами, размышлениями и оценками.

Некоторые из информантов погибли в новой войне, а Юсуп Сосламбеков был убит летом 2000 г. недалеко от своей московской квартиры. Здесь уже более уместно выражать скорбь и соболезнования. Война как пожиратель человеческих жизней и здоровья настаивает далеко за пределами зоны вооруженной борьбы. Этого не может не чувствовать исследователь, на какой бы пространственной и морально-психологической дистанции он ни находился, изучая

конфликт. Мне в равной мере стали сопереживаемыми гибель и страдания моих сограждан независимо от их этнической принадлежности. Будь это федеральные военнослужащие и их близкие, мирные жители Чечни и даже воюющие чеченцы, многие из которых стали жертвами идеологических и политических манипуляторов и заложниками кровавой спирали насилия. Как сказал в 1996 г. тяжело раненный и неоднократно награжденный 30-летний “чеченский генерал” Таус А., *“от Дудаева мне тошно, хоть реви. А от злодейств российской армии душа разрывается”*.

Глава I

ЭТНОГРАФИЯ И ПОЛИТИКА ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОГО ПРОЕКТА

МОРАЛЬНАЯ ДИЛЕМА

Помимо исследовательского смятения перед автором встала моральная дилемма, которую хотя и непросто, но необходимо объяснить. В течение восьми лет тема Чечни в разных вариациях была частью моей жизни: проблема мятежной республики и ее жесткого конфликта с российской федеральной властью в период когда я был министром по делам национальностей Российской Федерации в 1992 г., участие в составе федеральной делегации в переговорах с делегацией мятежного руководства Чеченской республики в декабре 1994 г. во Владикавказе, работа в правительственной комиссии по мирному урегулированию конфликта в 1995–1996 гг., встречи и беседы с людьми, выступления на конференциях, газетные публикации и комментарии в СМИ, размышления и беседы в институтском кабинете и дома, наконец, замечания жены: “опять формулируешь про Чечню?”. Она первой и определила моральную проблему исследования войны, насилия и людских страданий как форму интеллектуального цинизма профессионалов, для которых конфликт – это всего лишь “тема” и источник карьерного вознаграждения.

Возможно, это слишком категоричное суждение, но ясно, что как бы ни декларировались сострадание и симпатизирующая позиция в отношении объекта исследования, ученые и другие авторы, пишущие об обществе, ввергнутом в войну, находятся *вне событий*. Даже если они были и остаются его “включенными наблюдателями” или идеологическими бойцами за “справедливое дело”. Даже если они сами прошли через страдания и опасности, как это происходит часто с журналистами и реже с учеными. Все равно – это не их война и не их конфликт; они находятся на войне, но не *в войне*. Они находятся в зоне конфликта, но не *в конфликте*.

Это ощущение узурпации конфликта аутсайдерами в целях его анализа или урегулирования, но всегда для внешней презентации (“на продажу”) не покидало меня во время работы над книгой. Каж-

дый раз, когда мой московский кабинет посещали чеченцы или другие, выражаясь традиционным языком этнографа, “мой информаторы”*, я испытывал чувство неловкости за свое отстраненное благополучие. Ибо я знал, что большинство из них пребывает в состоянии психологической травмы и непоправимых жизненных потерь. Партнеры по исследованию, как я предпочитаю их называть, уходили после наших встреч, но часто, к сожалению, не домой. В ходе конфликта почти все они потеряли прежнее жилье и накопленное имущество, а многие из них и близких.

После короткого пребывания в Москве в надежде получить денежную компенсацию и подлечить подорванное здоровье Малика Сальгириева возвращалась в пригород Грозного, в дом своего брата, где она живет после смерти мужа в апреле 1996 г. (мужний родительский дом теперь стал домом ее свекрови и сестры мужа). Ахъяд Д. со своим другом Лом-Али снимал номер в гостиничном комплексе “Измайлово” после годовой отсидки в тюрьме “Лефортово” (правда, у него есть “военный трофей” – квартира в Грозном, где живет жена с тремя детьми). Вахит Акаев после встречи со мной шел пешком от здания института к общежитию МГУ на Воробьевых горах, где посещал курсы повышения квалификации. Он строил планы, как перевезти семью и даже ближайших коллег-ученых из Грозного (по его словам, “ученым там места нет”). Хеда Абдуллаева жила с младшей сестрой в оплаченной дядей до следующего месяца однокомнатной квартире в Москве, а дальше ситуация была неясной. Джабраил Гакаев, потеряв две квартиры в Грозном и лучшую в Чечне гуманитарную библиотеку, купил в долг трехкомнатную квартиру в добротном московском доме, где разместился с пятью взрослыми детьми. Андарбек Яндаров за время нашей работы сменил несколько мест в Москве и, наконец, договорился о комнате в общежитии Сельскохозяйственной академии, где живет с женой и двумя малыми детьми.

Чеченские профессора, мои ровесники по возрасту, Джабраил и Андарбек были последними, с кем я разговаривал в феврале 1999 г.

* Понятие “мой информатор” я стал избегать за его спекулятивный смысл особенно после того, как прочел раздел с анализом чеченского конфликта из труда одного известного антрополога. В нем имелась одна единственная ссылка такого содержания: “как мой информатор ... сказал...”. Это было сделано явно для того, чтобы получить право на описание конфликта в соответствии с дисциплинарным стандартом. То, что отсылка “мой информаторы” – довольно часто служит ритуальным усилителем исследовательской презентации, достаточно хорошо известно. Через подобное клише мы узурпируем не только право на сам рассказ, но и на его источники, или выдаем эти источники за “свои”. В нашем случае расхожее понятие оказалось неприемлемым и по чисто лингвистическому признаку. В русском языке, а тем более в Чечне в период конфликта, слово “информатор” однозначно воспринималось и воспринимается как “агент спецслужбы”. Поэтому в книге употребляется несколько менее нагруженное понятие “информанты” для авторов личных историй и понятие “партнеры по исследованию” в отношении моих чеченских коллег-обществоведов. Некоторые из них выступают в той и другой роли одновременно.

Карта

накануне отлета в Италию на виллу Сербеллони в Белладжио, чтобы приступить к написанию текста книги в одном из самых красивых и комфортных для ученых мест в мире – рокфеллеровском Центре конференций и научных занятий. Здесь я испытал ощущение противоположных жизненных траекторий тех, кто по моде современной антропологии составляет единую диалогичную пару “антрополог – информатор”, каждый раз, когда переводил взгляд от разложенных на столе текстов жизненных историй-интервью на красоты озера Комо и Итальянских Альп. Острота этой моральной проблемы несколько уменьшилась, когда я получил от администрации Центра дополнительное денежное довольствие как “представитель страны с низким жизненным уровнем”.

По сравнению с западными коллегами мое московское благополучие выглядело скромным, и сама благополучность стала понятием относительным. Глядя на норковые манто итальянских дам, я вспомнил, что и чеченки, с кем я беседовал в зимнее время, почти все были одеты в меховые шубы, а чеченские мужчины носили дорогие костюмы и безупречно чистую обувь. Позднее я побывал в гостях у Джабраила и порадовался не только за его новую квартиру, но и еще раз подивился способности многих вынужденных переселенцев-чеченцев преодолевать трудные жизненные ситуации.

Еще одна моральная дилемма присутствовала в факте моей принадлежности к доминирующей в России русской этничности и моего местонахождения в Москве. Как известно, оба адресата (культурный и политико-географический) далеко не нейтральны по отношению к чеченской войне. Именно на них (“Россия”, “Москва”, “русские”) направлена распространенная проекция как на одну из конфликтующих сторон и как на главного виновника случившейся трагедии. Эти слова – самые частые категории в объяснительных моделях причин войны и ее виновников, включая язык многих чеченцев. Как призналась моя помощница, Хеда Абдуллаева, ее коллега по прежней работе в представительстве Чечни в Москве как-то задала ей вопрос: “А ему не стыдно еще и писать об этом после всего, что русские натворили в Чечне?”

Мне удалось заметить, что “Россия, Москва, русские” как собирательные понятия виновника войны больше присутствуют среди тех чеченцев, которые проживают в Чечне. Но и в этом случае под “русскими” понимаются или непосредственные исполнители вооруженного насилия, или русские как “пассивные виновники”. По словам моего чеченского кросс-рецензента Рустама Калиева, “виновность видится только в том, что русские не так активно протестовали и тем самым не смогли предотвратить войну”. Чеченская исследовательница Залпа Берсанова провела серьезное социологическое обследование во время войны. На заданный в 1995 г. вопрос “Считаете ли Вы русский народ виновником трагедии, происходящей с чеченцами?” она получила следующие ответы: среди людей старшего

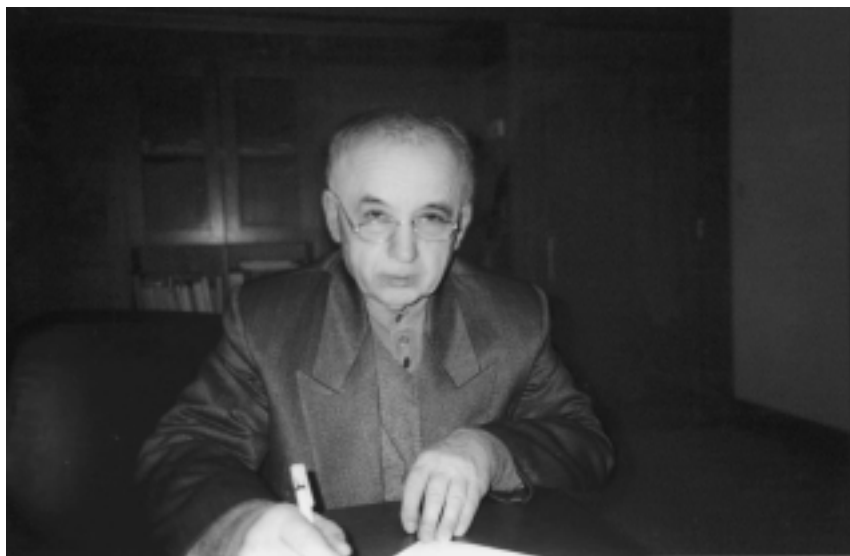
возраста (60–80 лет) 15% сказали “да” и 67% – “нет” (18% не смогли ответить); среди молодых людей (17–30 лет) 32% сказали “да” и 46% – “нет” (22% не смогли ответить). Полученные результаты позволили ей сделать такое заключение: “чеченцы все же резко отличаются Россию, ее власть и русских, и то, что, несмотря на все пережитое, большинство из них все же русский народ не винит, говорит о потенциале чеченской терпимости”¹.

Было только два случая, когда я почувствовал фактор “аутсайдера” при сборе материала для книги. Один из бывших активных бойцов Дудаева остерегся встречи и разговора с “русским”, когда ему было сделано такое предложение. Сотрудница аппарата Министерства образования Чечни, находясь в Москве в 1998 г., не захотела разговаривать со мной из-за возможных негативных последствий или, вероятно, просто по причине застенчивого характера. В остальных случаях я находил в чеченцах хороших партнеров, интересных собеседников и добрых друзей. Мне не нужно было скрывать собственную позицию, в том числе и то, что мною уже было написано о чеченском кризисе. Многие знали об этом, а также об участии в переговорах с представителями правительства Дудаева в декабре 1994 г., когда начались военные действия федеральных войск в Чечне.

В период работы над книгой я старался не участвовать в экспертных работах, выступать с комментариями по российскому телевидению и публиковаться в периодических изданиях на чеченскую тему. Однако в полной мере сделать этого не удалось. После нового цикла войны и встречи с Президентом В.В. Путиным 8 февраля 2000 г. мною были опубликованы в популярных российских газетах статьи “Как предотвратить третью чеченскую?” (“Труд-7”, 2000. 6 апр.), “Слова и образы в чеченской войне” (“НГ – Сценарий”. 2000. 11. 10 дек.).

Возможная реакция на газетные публикации или на телевизионные выступления могла повредить прежде всего тем, кто работал со мной по сбору полевого материала. Эта проблема остается и на будущее, когда книга увидит свет и к ней появится отношение, причем, вполне вероятно, негативное со стороны части чеченских интеллектуалов и политиков (не думаю, что книгу будут читать простые чеченцы, хотя последнее совсем не исключено*). Джабраил Гакаев заверил, что *“очень многие чеченцы в Чечне и за ее пределами будут разбирать по строчкам Ваш текст, потому что это им важно и интересно”*.

* Одним из поразительных моментов была просьба чеченца Ахьяда, который с трудом в свое время закончил сельскую среднюю школу, дать ему “еще что-нибудь прочитать про Чечню”, так как взятые у меня ранее сборник исторических документов о русско-чеченских отношениях и мои публикации он уже прочитал и ему это было очень интересно. Я снял с полки несколько исторических книг по Чечне и отдал ему.

А.Д. Яндаров. Январь 1998 г. (Фото В.А. Тишкова)

Х.Р. Абдулаева с автором книги. Ноябрь 1997 г. (Фото В.А. Тишкова)

Учитывая жесткий характер длительно существовавшего политического режима в Чечне, готовность и способность вооруженной части общества практиковать насилие против “врагов чеченской государственности” и “предателей нации”, а также сильную эмоциональную вовлеченность чеченской элиты в объяснительную сторону конфликта, я был вынужден принять некоторые меры безопасности в отношении интервьюируемых. Почти все они представлены в книге без указания фамилий (только имена). Это не касается основных партнеров по сбору интервью: профессора Андарбека Яндарова вместе с женой Галиной Заурбековой, защитившей кандидатскую диссертацию в Институте этнографии РАН, и филолога Хеды Абдуллаевой, также защитившей кандидатскую диссертацию в Институте мировой литературы РАН. Под полными именами идут и мои чеченские кросс-рецензенты Вахит Акаев и Рустам Калиев, перекрестные комментарии которых приводятся в ряде глав.

Следует сказать, что анонимность в данном случае носит довольно условный характер и не всегда необходима или возможна. Мой партнер по исследованию, информант и кросс-рецензент Джабраил Гакаев не нуждается в конспирации, ибо открыто выступает с позиции осуждения курса на вооруженную сецессию, политики Дудаева и Масхадова. Среди чеченских боевиков он давно находится в списке “предателей нации”. Уже в период восстановления в Чечне федерального контроля летом 2000 г. некоторые известные чеченские лидеры называли его имя вместе с именами Саламбека Хаджиева и Лечи Магомадова как возможных руководителей республики в период постконфликтной реконструкции после нового цикла войны. В частности, один из руководителей временной администрации Беслан Гантамиров высказался так: “Я сделаю все возможное, чтобы наладить мирную жизнь. Нашей республике был бы полезен также Саламбек Хаджиев, но есть и другие лидеры. Это Джабраил Гакаев, Леча Магомадов”. (“Время новостей”. 2000. 6 мая. С.2)

ПОЛЕ БИТВЫ КАК ЭТНОГРАФИЧЕСКОЕ ПОЛЕ

Условия войны и послевоенная ситуация не позволили выполнить главное правило антропологического исследования – провести полевую работу в самой Чечне. Я осознаю эту слабость моей книги: в ней нет автора на поле сражения и даже в опасной ситуации – волнующий момент в книгах западных журналистов и антропологов, “прошедших войну”². Но ситуация недоступности стимулировала переосмысление самого понятия “этнографическое поле”, чему способствовала также последняя работа об антропологических местоположениях, изданная под редакцией Акхила Гупты и Джеймса Фергюссона³. В ней ставится фундаментальная проблема цеховой основы социально-культурной антропологии и этнологии: что есть поня-

тие “поля” в современной исследовательской стратегии, когда погружение аутсайдера в локальную общину “другой культуры”, долгое время считавшееся торговой маркой антропологического исследования, во многих случаях превращается в авторитарную эпитимию, не позволяющую реализовать исследовательскую задачу. Не локальность, а создаваемое самим антропологом поле с его особыми границами (ментальными и пространственными), то, что Гупта и Фергюссон называют местоположением (*локацией*), является более свободным и обещающим подходом к профессиональному методу. Мы разделяем следующие суждения этих авторов:

“Включенное наблюдение продолжает оставаться основной частью стационарной антропологической методологии, но оно все меньше фетишизируется. Разговоры и жизнь среди членов общины продолжают сохранять свою значимость наряду с чтением газет, анализом правительственных документов, наблюдением за действиями правящих элит и выявлением внутренней логики транснациональных институтов развития и международных корпораций. Вместо вымощенной дороги к цельному знанию “другого общества” этнография все больше признается в качестве гибкой и оппортунистичной стратегии для более разнообразного и более сложного понимания различных мест, людей и существующих преград познания через внимание к разным формам знания, которое имеется в разных социальных и политических местоположениях”⁴.

Мною разделяется также и тезис о более свободном понимании этнографического метода, который в современных условиях не может не включать анализ общественно-политического дискурса, журналистики, литературных текстов, статистики, интервью и массовых опросов. Некритическая лояльность идеальному представлению об этнографическом поле и полевой работе на самом деле представляет собой продолжение научной традиции, которая сложилась во времена жесткого пространственного деления мира на “дом”, где живет антрополог (естественно, “белый” европеец), и “поле”, где находятся “аборигены в их естественном состоянии” и откуда этот антрополог сообщает о “другой” культуре⁵.

Ментальная (хотя и не пространственная) дистанцированность и одновременно экзотизация традиционного этнографического поля все меньше подходят для анализа нетерриториальных культурных систем и более широких взаимодействий, тем более для анализа обществ, где локальная целостность и культурная отличительность взорваны внешними воздействиями или, наоборот, являются результатом и продолжением этих внешних воздействий. Изучаемый нами объект под названием “чеченское общество”, – безусловно, в большей степени феномен, созданный самим конфликтом, ибо в таком социально-культурном и особенно в пространственном (более половины чеченцев находятся за пределами территории Чечни) облике чеченское общество никогда до этого не существовало.

В моей работе встал также важный вопрос о связи политики и этнологического исследования, что немаловажно для анализа феномена насилия, где невозможны научная стерильность и идеологическая отстраненность. Последних никогда не было и в прошлой антропологии, начиная от Н.Н.Миклухо-Маклая и Б.Малиновского. Принцип идеального поля и полевой работы (их обычное определение – это “детальное исследование ограниченного пространства”) только внешне призывался в главные критерии достижения научной истины и политической нейтральности, но сам этот призыв почти всегда скрывал конкретную политику и идеологию ученого или его спонсора. В этой связи Гупта и Фергюссон справедливо пишут:

«Традиционная приверженность “полю” привела к своего рода особой форме политической заангажированности в смысле как производимого знания, так и характера создаваемого дисциплинарного субъекта. Наша установка больше на меняющиеся местоположения, чем на четко обозначенные поля, связана с другим политически видением, – тем, которое рассматривает антропологическое знание как форму ситуативной интервенции. Вместо того, чтобы рассматривать этнографическую интервенцию как беспристрастный поиск истины на службе универсального гуманитарного знания, мы рассматриваем ее как средство отправления особых политических целей одновременно с поиском линий общего политического целеполагания среди единомышленников-союзников, которые могут быть повсюду... Прикладная антропология и особенно антропология действия уже давно связывали этнографическую практику с особыми и откровенно политическими проектами. Отчасти по этой причине такого рода проекты подвергались сомнению в сфере академической антропологии. И все же мы бы отметили, что связь того или иного исследования с политической позицией сама по себе не ставит под сомнение местоположение антрополога как общественного активиста. Поскольку даже самые политически заангажированные “эксперты” могут рассматривать самих себя как занимающих внешнюю и эпистемологически безупречную позицию.

Вместо того, чтобы смотреть на антропологов как на носителей уникального знания и научных проникновений, которыми они могут поделиться или которые могут задействовать к пользе “простых людей”, наш подход придерживается того, что антропологическое знание сосуществует с другими формами знания. Мы видим политическую задачу не столько в дележе определенного знания с теми, кто им не обладает, сколько в создании связей между *разными* знаниями, которые возможны из разных местоположений, и в установлении между ними линий возможного альянса и общего целеполагания. В этом смысле мы рассматриваем исследовательскую область в меньшей степени как “поле” для собирания данных, а скорее как место для стратегических интервенций»⁶.

Ясно, что современные культуры и “антропологические события” уже не так жестко привязаны к географическому месту: они путешествуют столь же интенсивно, как и профессиональный этнограф, а часто опережают его. Во время пребывания в Женеве на конференции неправительственных организаций в июне 1999 г., за два вечера в гостиничном номере чеченец Умар Джавтаев рассказал

мне больше о дагестанских чеченцах-аккинцах и об их отношении к войне в Чечне, чем если бы я поехал к нему на родину в пограничный с Чечней Хасавюртовский район Дагестана. Хотя для себя я сохраняю его предложение⁷

“Я же приглашаю Вас к себе! Это значит, что я лично несу за Вас полную ответственность, никто и ничего не может Вам сделать. Здесь уже действует наш закон и моя личная честь, которую я не могу потерять, если моему гостю будет нанесен вред, а я его не смог защитить. Это у нас чеченцев и дагестанцев самый святой закон”.

Кстати, именно тогда, в июне, Умар убежденно говорил мне: *“Вы что не понимаете, что скоро, максимум в сентябре, в Дагестане начнется большая война. Это абсолютно точно”.* Умар ошибся всего на пару месяцев: военные действия в Дагестане начались в конце июля.

В ситуации с Чечней обнаружился феномен, который вообще заставил меня усомниться в неизбежности постулата “полевой работы на месте”. Разорванное войной и насилием общество и пребывающий в нем исследователь мистически теряют способность к осмыслению и даже к адекватному описанию. Информация “фонит” разного рода манифестными проявлениями и эмоциональными отношениями, которые в спокойной обстановке обычно отсутствуют. Этот фон становится основным смыслом, за которым больше ничего нет и в принципе быть не может, ибо сам рассказ становится посланием или лозунгом.

Один из ведущих специалистов по этнографии чеченцев, Я.В. Чеснов, совершал отважные поездки в Чечню и проводил там полевые исследования до и в период разрушительных военных действий. В опубликованных им текстах⁷ есть много историко-этнографических наблюдений и культурно-цивилизационных конструкций, но только нет самих чеченцев и самого конфликта. В данном случае чеченцы нужны исследователю скорее как современная отсылка к некому древнему субстрату, к некому идеальному (нормативному) образу жизни, утраченному в современной жизни.

Скорее всего в этом виновата советская этнографическая школа с ее третирующим современности и с ее неумением антропологически исследовать человека, кроме как этнофора, “сколка с этноса”, или как материал для выявления “родового обособленного тела этноса” или, наконец, в нашем случае – уникальной чеченской цивилизации. “Ну, вот, скажи, Исмаил, ведь есть же где-то и существовала чеченская цивилизация, и я все равно ее отыщу!”, – говорил Ян Чеснов, когда мы сидели в столовой Дома правительства в разбитом Грозном в октябре 1995 г. Исмаил Мунаев, бывший тогда заместителем министра информации и печати в правительстве Саламбека Хаджиева, и другие чеченцы согласно кивали головами: “Наверное, должна быть. Это хорошо, что ты нас так любишь, но ты, Ян, наивный и романтик”.

Изучая общество в состоянии конфликта, я допускаю, что само поле (прежде всего информанты) может пребывать в столь возмущенном и ментально узурпированном состоянии, что фиксировать возможно только лишь сам этот фон и навязанную реальность, которая иногда бесосновательно называется *ирреальностью*. Интересно, что аудиозаписи, которые Ян Чеснов привез мне после своего очередного посещения Чечни в 1996 г., оказалось невозможным использовать: почти все вопросы были мимо; ответы на них чеченцев были стандартны и поверхностны или в них явно сквозили кураж и ирония. Это был такой же заданный и пустой разговор, как в российских и зарубежных телерепортажах из Чечни или на видео, снятых журналистами или любителями в ходе войны.

“*За что воюете?*”, “*Зачем пришли в Чечню?*”, “*Как с Вами обращаются?*”, “*Кто во всем виноват и что происходит в Чечне?*” – эти много раз публично заданные вопросы создали выгученный набор ответов, превратив массовое мышление в вариант мифомедийного образа.

“*Воюем неизвестно за что*”, – говорят военнослужащие федеральной армии в зоне вооруженного мятежа. “*Чечня – это не наша земля*”, – заявляют в микрофон российские граждане про свою страну.

“*Кормили и обращались нормально, сильно не били*”, – сообщают униженные и истощенные пленники чеченцев.

“*Мы воюем, чтобы защищать своих матерей и свои дома*”, “*У нас право на самоопределение*”, “*За что нас бомбит Россия?*”, – отвечают воюющие чеченцы.

Спустя три года те же федеральные военнослужащие, от генерала до солдата, произносят: “*Мы здесь навсегда. Это наша земля и это часть России. Мы покончим здесь с бандитами*”.

Что касается заявлений чеченцев перед микрофонами и камерами в условиях изменившихся настроений и более жесткой полевой цензуры, то они примерно следующие:

“*Устали жить при бандитах и под бомбежками. Уж если советская(!) власть вернулась, тогда хотя бы не уходила. Мы против России не воевали и не воюем, но если в дом свои боевики попросятся, выдавать не станем. Этих бандитов сами уничтожим: такое горе от них*”.

Этнографическое поле во время разрушительного конфликта оказывается не более чем газетной страницей, упрощенной до полуживой и пропагандисткой тривиальности. Информант видит и показывает только на руины и жертвы, его слова – это не рассказ, а обращение с жалобой или с гневным посланием, это просьба-мольба или слова мести. Он демонстрирует оружие борьбы и насилия как знак самоутверждения, говорит лозунгом, написанным на стене дома или сказанным по телевизору. Он мало что понимает в происходящем. Слухи и верхушечные версии – вот что фор-

мирует и содержит сознание информанта в обществе, ввергнутом в конфликт.

Ситуация становится еще хуже, если спрашивает внешний обозреватель, который почти всегда получает ожидаемую версию, чтобы встроить ее в собственное сочинение о войне. Две обстоятельные книги⁸, написанные западными авторами (журналисты Шарлотта Галл и Томас де Ваал и журналист-антрополог Анатолий Ливен) и пользующиеся успехом, имеют одну слабость: все “прямые голоса” в этих текстах политически декларативны и часто лживы, подобным свидетельствам невозможно верить, а тем более принимать их как позицию “народа”, “чеченцев”, “Чечни” и т.п. Эти книги не о конфликте, а в большей степени о словах по поводу конфликта, что, конечно, не отменяет профессионализм авторов и то обстоятельство, что в книгах содержится богатый и разнообразный материал.

Если основной источник информации и предмет описания – военный штаб или дом Шамиля Басаева, то это одна версия конфликта. Если источник – госслужащий грозненской администрации в период правительств Саламбека Хаджиева и Доку Завгаева, то это совсем другая версия. Московский чеченец из числа интеллектуалов или предпринимателей – третья версия. Одни по-журналистски хлестко пишут в академическом сочинении о “кровавой бане”, устроенной российскими военными в чеченском селе Самашки, и воспринимают как рутинную корректность истребление такого же числа людей при нападении на военную колонну федеральных войск (подспудная логика такова: так им и надо: не надо вторгаться на “чужую” территорию)⁹. Ничего подобного в оценке действий американских военных против гражданского населения Ирака или Югославии, а также действий парамилитарных групп против американских военных в Сомали встречать не приходилось. Здесь как бы есть или общий консенсус “международного сообщества” или какая-либо ссылка на международно-правовую норму.

С противоположных, но равно поверхностных позиций другие авторы описывают недоказанные зверства чеченцев и “криминального режима” Дудаева¹⁰. Эта абсурдность происходящего, включая сферу восприятия и объяснения, была отмечено мною в октябре 1995 г. Свои впечатления о Грозном я тогда записал в своем дневнике:

«До этого я знал Грозный как привлекательный и мирный город. Сейчас, после года войны, город лежал в руинах. Чеченские мужчины в черных кожаных куртках снуют вокруг, держа в руках автомат или папку с бумагами. Чеченские и русские женщины кладут кирпичи и красят постройки, пытаясь восстановить места для жилья. Федеральные военные и местные милиционеры – все с напряженными лицами, прошло всего пару дней после взрыва автомобиля, в котором ехал командующий войсками генерал Анатолий Романов... Саламбек Хаджиев, тогдашний глава временного правительства в Грозном, зажатый множеством проблем и групповых противо-

борств, обращается к участникам круглого стола “Россия и Чечня: испытание государственности” с просьбой о “конструктивных идеях и конкретных рекомендациях по преодолению кризиса”. Табличка на его кабинете гласит “Академик Хаджиев”, чтобы напоминать каждому о подлинной мудрости этого человека. В коридоре правительственного здания я встретил Беслана Гантамирова, мэра города Грозный, который в декабре 1994 г. во время нашей первой встречи на переговорах во Владикавказе представился как “бевик”. Сейчас он был окружен охранниками, которые сопровождали его даже до двери туалета.

Здесь же, во дворе здания федеральной администрации я встретил еще одного хорошо охраняемого человека, заместителя секретаря Совета безопасности РФ Владимира Рубанова, который высказал мрачную, но крайне пронизательную реплику: “Научный анализ – это хорошая вещь, но некоторые решения могут приниматься по причине или накануне лишку выпил, или утром рассола не хватило”. Вахит Акаев, директор Чеченского института общественных наук, показывает мне разбитое здание института и сгоревшие архив и библиотеку. Он же передает через меня заявку в Российский гуманитарный научный фонд на исследовательский проект “Национально-освободительные движения в Чечне в XIX веке”.

Что-то происходит явно не то с политикой и с наукой в обществах, ввергнутых в конфликт. Та и другая начинают выглядеть основательно глупыми и аморальными во многих аспектах. Ни политики, ни ученые еще не готовы сделать признание “Мы были не правы”, как это сделал Роберт Макнамара в отношении Вьетнамской войны спустя только 20 лет. Возможен ли объективный и самокритичный анализ, когда столько много вещей поставлено на карту, в том числе и десятки тысяч погибших? Или мы также обречены ждать 20 лет, чтобы извлечь все политические уроки и выполнить исследовательскую миссию? Неужели этот пожар в умах мешает нам делать выводы и заключения до тех пор, пока общество само не остынет от конфликта? И все же я полагаю, что некоторые заключения возможны и даже крайне необходимы. Даже если они будут не более пронизательны, чем ремарка одного грузинского интеллигента-политика, который сопровождал меня на встречу с Эдуардом Шеварднадзе в 1992 г. через разрушенный проспект Шота Руставели в Тбилиси: “Посмотри, как вдруг все грузины разом сошли с ума!”».

Тогда, в 1995 г. из всех зафиксированных разговоров я не смог выстроить даже фрагментов анализа: все рассыпалось от политизированности сообщений, их полумифического содержания и чрезмерной драматизации публичного дискурса, в который было вовлечено как обычное, так и элитное сознание. Необходим был момент хотя бы частичного успокоения политических эмоций. Это время пришло спустя три года, хотя данное заключение оспорил мой кросс-рецензент Рустам Калиев:

«Мне было всего 17 лет в 1995 г., когда я начал вести свой дневник, проживая в пригороде Грозного, Ермоловке, и вел записи в последующие годы. Я уже тогда решил стать журналистом. Потом, при попытках что-либо “собрать” на основе этих записей, я столкнулся с той же проблемой: полумифические истории, чрезмерная драматизация, эмоции по

поводу всего и не только личных моментов жизни. Фактов почти нет. Зато ни одного момента и даже намек на озлобленность или упрек в адрес русских, хотя в моих записях слова “российские власти” пестрели в весьма отрицательных смыслах. Но снова без фактов, а на основе эмоционального состояния, общих заключений и слухов.

Я уверен, что “момент частичного успокоения”, который “пришел спустя три года”, едва ли изменил основное правило, о котором Вы пишете выше: одни политические эмоции улеглись, но на смену пришли другие и они не менее сложные и острые. По-прежнему, вольно или невольно, наблюдатель чеченской реальности рискует увязнуть в тех же проблемах политизированности и эмоциональности, но только в отношении других обсуждаемых сюжетов».

Рустам, пожалуй, более точен в своем анализе. Успокоение политических эмоций после окончания войны едва ли наступило. Доказательство тому – сама послевоенная ситуация, когда поездка в Чечню для обозревателей уже стала невозможной по причине личной безопасности. Бесспорно, это касалось и автора, который смог побывать в зоне конфликта только однажды, в октябре 1995 г. Необходимо была какая-то методологическая новация для сбора материала и для доступа к “другой истории”.

МЕТОД ДЕЛЕГИРОВАННОГО РАЗГОВОРА

Приступая в начале 1998 г. к работе над книгой, я применил *метод делегированного разговора*, поставив на место московского антрополога-визитера выбранных мною партнеров из числа чеченцев, обладающих достаточными образованием и наблюдательностью, чтобы вести разговор на чеченском или на русском языках вокруг вопросов, которые меня интересовали. Это были простые вопросы, а вернее, темы для бесед: где находился тот или человек во время войны, что делал и как обеспечивал свою жизнь, как оценивает то, что произошло с ним и с его семьей, что думает о правителях и их целях, что изменилось в Чечне и чего ожидает от будущего? Вопросы также были о довоенной жизни, об истории семьи и обо всем другом, что хотел рассказать собеседник в ходе разговора. Я особо просил побеседовать с теми, кто воевал, и спросить, что означала для них эта война. Мне очень хотелось получить записи бесед не только с воевавшими мужчинами, но и старыми людьми, женщинами, подростками, чтобы полнее представить то, что называют “чеченским народом”.

Мои партнеры выполнили эту работу самым лучшим образом и, безусловно, удачнее, чем если бы я сделал ее сам. Привезенные из Чечни тексты интервью поразили меня своей искренностью и проницательностью, образным и точным мышлением, великолепным простым языком, на котором уже разучились говорить сами ученые. Собранные материалы дополнили записи бесед, которые я сделал в

Москве и в других местах, особенно с политическими деятелями и интеллектуальными лидерами. Все тексты, вместе взятые, казались мне сами по себе гораздо более значимыми, чем то, о чем я собирался писать по их поводу. И все-таки мне, как автору, пришлось подчиниться закону жанра и создавать собственную версию.

Мой анализ строится на свидетельствах 55 человек, из которых 50 – чеченцы, один – ингуш, один – еврей и двое – русские, долго жившие и работавшие в Чечне, в том числе и во время конфликта. Мне не удалось выполнить часть задуманного плана и включить в исследование свидетельства российских военнослужащих, а также солдатских родителей. Это было бы нетрудной задачей, но уже полученный материал оказался вполне достаточен. Анализ так называемых федералов – фактически новая тема, которая еще ждет своего исследователя.

Что касается моих собственных бесед, то мне бы не хотелось их недооценивать. Большинство из них для меня были не менее значимы, чем любое интервью “в поле”, сделанное делегированными партнерами. На протяжении почти двух лет не было недели, чтобы в моем институтском кабинете не побывал кто-то из чеченцев и не состоялся бы тот или иной разговор. Эти встречи и беседы начались еще задолго до войны, когда в 1993 г. ко мне пришел ныне покойный Юсуп Сослаббеков – один из авторов чеченской “национальной революции”, лидер полумифической, но громко заявленной Конфедерации народов Кавказа. Колоритный Юсуп, постоянно носивший высокую каракулеву папаху, дал мне тогда достаточно пронизательный ответ на вопрос о том, что происходит в Чечне: “Если говорить кратко, то в Чечне выросла новая элита – в основном активная и образованная молодежь – и ей нужно место под солнцем”.

Годом ранее, в этом же кабинете я получил не менее примечательный ответ от Артура Галстяна, аспиранта нашего института и тогдашнего мэра Еревана, когда спросил, в чем суть Карабахской войны для Армении. “Мы всегда были нацией побежденных и терзируемых, а сейчас впервые в истории армяне стали нацией победителей”, – сказал Галстян. Обоих молодых харизматических лидеров сегодня нет в живых. Оба стали жертвами заказных убийств.

Это были не только разговоры на тему книги. Отношения с некоторыми чеченцами переросли в дружеские и беседы касались житейских проблем. Ахьяду нужно было помочь найти врача для консультации по поводу извлечения осколка из головы (“голова болит, и иногда становится совсем плохо, а без медицинской страховки нигде не принимают”). Андарбек Яндаров получил исследовательский грант РГНФ на изучение конфликта в Чечне и нуждался в консультации по поводу зарубежной литературы на сходную тему. Исмаилу Мунаеву нужно было место в общежитии, чтобы как-то закрепиться в Москве и решать проблемы семьи, которую пришлось всю вывезти из Чечни.

Д.Д. Гакаев (справа) со своим родственником. Январь 1998 г. (Фото Г. Финклера)

Горная Чечня (Фото В. Бышовца)

Я глубоко пережил личную трагедию, постигшую моего друга Джабраила. 7 июля 1999 г. его старший сын Мед погиб в автомобильной аварии всего в нескольких сотнях метров от их дома на Ленинском проспекте. Вывезти из-под бомбежек и спасти от ужасов войны всю семью, пристроить в хорошие вузы детей, радоваться диплому престижного вуза и первой зарплате сына на перспективной работе и... нелепо потерять его в Москве! Это большая беда.

Рассказ Джабраила после смертельно опасной для него поездки в Грозный, чтобы похоронить сына в родном селе, заслуживает особого места в книге, но мне хотелось бы привести его в первой главе, чтобы читатель мог почувствовать с самого начала всю степень драматизма, переживаемую чеченцами в ситуации личного горя во время продолжающегося конфликта. Ибо даже горечь утраты сына становится политикой и актом личного мужества.

«Я не мог не похоронить его по нашим обычаям и у себя дома. Все произошло в ночь на субботу, и в госпитальном морге даже получить документы было невозможно, а ждать два дня мы не могли. Не мог я позволить и делать вскрытие: это совсем против нашего обычая. Но справки без вскрытия давать не положено. Чудом удалось договориться и забрать сына. С цинковым гробом сразу в аэропорт. До этого позвонил племяннику в Чечню, чтобы подготовили встречу. Мне ехать туда было опасно: я у них первый стою в черном списке "врагов народа". Но и не ехать нельзя. Я бы тогда перестал себя уважать. Считал бы, что я их испугался. Ведь многие не смогли в таких ситуациях поехать. Саламбек Хаджиев в прошлом году не смог поехать, чтобы похоронить свою мать. А некоторых они возвращали прямо из аэропорта.

Вышел из самолета, а весь аэропорт полон моих людей. Человек семьдесят, и все с оружием. Сели в машины и в родное село Гехни-чу. Это примерно километров 50 от Грозного. Там наш родной дом и кладбище, где похоронены родственники и два наших умерших младенцами ребенка. Могила уже была выкопана. Такое место хорошее. Рядом дерево красивое и вид на долину. Завернули в ковер и положили в землю. А когда только засыпали, подул такой свежий ветер, и стало как-то всем легче. Как будто кто-то сверху дал команду. Пошел дождь. Спала многодневная жара.

Село наше большое и все пришли выразить соболезнование. Уже до этого резали корову в жертву и мясо раздали сельчанам. Потом еще две коровы и несколько баранов зарезали для угощения. А поминки сделали в доме у брата. В нашем доме надо было наводить порядок, приносить посуду. У брата все есть. Он бы мог обидеться. Народу было за эти дни тысяча пять. Вся плоскостная Чечня собралась. Это была своеобразная демонстрация поддержки моей политической позиции.

Как только так быстро узнали. Некоторые приехали, потому что не верили, что Джабраил Гакаев в Чечне. Им было важно самим в этом убедиться. Все выражали соболезнования и руку пожимали даже те, кто еще некоторое время назад считал меня за "предателя". Настроение сильно изменилось за последнее время. О чем я говорил и предупреждал, то и получилось. Война ничего, кроме беды и лишения, нашему народу не дала.

Я все три дня стоял и всех встречал у дома. Очень трудно было. Спал всего часа два. Все дни на похоронах присутствовал мой тесть – дед Меда, а при нем я садиться не могу, хотя он мне и предлагал. Потом жена, сын Заурбек и племянники остались, а я поехал назад. Опять со мною родственники и по отцовской, и по материнской линии. Некоторые воевали на стороне Дудаева, но здесь они меня были готовы защищать до последнего. Я даже себе попросил автомат. Уж если что, то я буду первым. Не смог бы пережить, чтобы из-за меня опять кто-то погибал...

Сын меня подвел: столько было вложено. Надежда была, что станет опорой, и на него другие ребята будут равняться. Но, видимо, не судьба. Хотя я ему столько раз говорил быть осторожнее, но разве все предусмотреть. Но вот смертью своей мне помог. Я теперь спокоен. Правда не на стороне этих бандитов. Им скоро с их автоматами как бы из Чечни драпать ни пришлось. Многим они опостытели. Я несколько дней назад об этом написал в газете “Труд”, которую и в Чечне получают. Но все равно поехал, чтобы выполнить свой долг перед мертвыми и живыми родственниками и доказать этим подлецам, что я выше их.

Все было сделано, как положено. Когда в Москву вернулся, столько людей пришло за эти дни. Народ наш такой: разойдутся – друг друга только ругают, а когда горе – все стараются быть вместе и поддерживать. У нас водку на похоронах не пьют, но давайте по-русскому обычаем выпьем и помянем. Только я себе коньяку немного налью, чтобы не пахло. Иначе будет неудобно».

“НЕ ТЕ ЧЕЧЕНЦЫ”

На одной из конференций, организованных Международным институтом исследований мира в Осло и Норвежским комитетом защиты прав человека, я услышал удивленную реплику по поводу выступлений двух представителей Чечни: “Да это же не те чеченцы?!” Такая реакция была вызвана тем, что выступавшие чеченцы осуждали режим Дудаева и излагали не ту версию, которую большинство присутствовавших имело в своей голове и хотело еще раз услышать. Сразу же внимание всех, включая и журналистов, переключилось на третьего участника конференции из Чечни, который находился на Западе в качестве “представителя Дудаева” и уже хорошо выучил роль, которую от него ожидала аудитория.

“Те” или “не те” чеченские голоса звучат в моем повествовании? Вопрос этот не такой простой. Мои личные беседы и беседы партнеров по исследованию строились без строгой выборки и политических предпочтений. Безусловно, на мою долю больше пришлось тех, кто не воевал на стороне Дудаева и далеко не симпатизировал курсу на чеченскую независимость. В самой Чечне выбор был широким, и, к моему удовлетворению, “дудаевцев” в списке интервьюируемых оказалось достаточно. В книге есть разные чеченцы, хотя, может быть, и не все являются таковыми, если иметь в виду некую социологическую совокупность.

Коллективный портрет информантов получился следующим: мужчин – 40, женщин – 15; старшего возраста (старше 50 лет) – 14, среднего возраста (30–49 лет) – 21, молодого возраста (до 29 лет) – 20 человек. География информаторов достаточно широкая – 18 человек из Грозного, остальные из других населенных пунктов, в том числе из горных сел. Их социальный статус можно считать примерным срезом социального состава чеченского общества. Среди них есть государственные и партийные работники, профессора-преподаватели вузов, школьные учителя, журналисты и архитекторы, врачи и медицинские сестры, коммерсанты и мелкие торговцы, рабочие и технический персонал, сельские работники (водители, механизаторы, пастухи), студенты и домохозяйки. В этом списке нет представителей дудаевского-масхадовского руководства, мулл-священнослужителей и главных военных (полевых) командиров.

Почти вся мужская молодежная группа – это активно воевавшие на чеченской стороне так называемые боевики (как и когда утвердился этот термин, мне не удалось выяснить). Из двадцати молодых человек только двое не участвовали в боевых действиях. Из группы среднего возраста семь мужчин – активные участники и пять – оказывавшие вспомогательные действия (“разведка”, обслуживание транспортом, другая помощь). В старшей группе воевавших нет, хотя нам известны случаи, когда воевали чеченцы и старше 60 лет. Среди боевиков есть лица, получившие звание “генерал”, т.е. командиры, члены дудаевской президентской гвардии, но большинство – рядовые бойцы. Многие имеют ранения и контузии. Женская группа – это в основном матери-домохозяйки без постоянной работы, некоторые без семьи по причине смерти супруга или не вышедшие замуж. Есть молодые, незамужние женщины.

Политические предпочтения информантов самые различные: от последовательных дудаевцев и сторонников независимости до пророссийски настроенных противников радикального сепаратизма или просто не имеющие определенных политических ориентаций. А чаще всего – это противоречивая смесь представлений и убеждений с преобладанием общего осуждения войны и ее инициаторов.

Возможно, строгая социология требует так называемой выборки, но для этнологического анализа она не столь необходима, а в условиях вооруженного конфликта просто невозможна. Встречающиеся попытки социологических опросов в Чечне, сделанные московскими и местными специалистами в период войны и после¹¹, производят слабое впечатление и их достоверность очень низкая.

Наша последняя новация состоит в построении трехуровневого текста. Помимо авторского описания и анализав книге приводятся многочисленные и порою пространственные свидетельства информантов и жизненные истории* (своего рода антропология “прямых голо-

* В тексте выделены курсивом.

сов”, в пользу сохранения которых решительно высказался мой рецензент С.А. Арутюнов).

Уже после того как был написан основной текст, он был передан нескольким чеченцам, в том числе и партнерам по исследованию – Д. Гакаеву, В. Акаеву, А. Яндарову, Х. Абдуллаеву, а также Р. Калиеву, чтобы они могли не только сверить свои свидетельства и дать согласна их публикацию, но и высказать замечания. Эти замечания обрели самостоятельный характер своим уточняющим или дискутирующим смыслом. Они были включены в книгу, составив тем самым еще один уровень изложения в форме постраничных примечаний. Тем самым текст стал сложнее по конструкции, но, на мой взгляд, интереснее с точки зрения презентации сложности проблемы и совершенствования этнографического метода.

¹ Берсанова З. Система ценностей современных чеченцев (по материалам опросов) // Чечня и Россия: общества и государства / Ред.-сост. Д.Е. Фурман. М., 1999. С.247.

² Напр. см.: *Lieven A. Chechnya. Tombstone of Russian Power.* New Haven; L., 1998.

³ *Gupta A., Ferguson J., eds. Anthropological Locations. Boundaries and Grounds of a Field Science.* Berkeley, 1997.

⁴ *Ibid.* P. 37.

⁵ Ортодоксальный взгляд на понятия “этнографическое поле” и “полевая работа” см.: *Чеснов Я.В. Историческая этнология.* М., 1998.

⁶ *Gupta A., Ferguson J. Op. cit.* P. 38–39.

⁷ *Чеснов Я.В. Быть чеченцем: Личность и этнические идентификации народов / Чечня и Россия: Общества и государства.* С. 63–101 и др. (см. библиографию).

⁸ *Gall C., Th. de Waal. Chechnya: Calamity in the Caucasus.* N.Y., 1998; *Lieven A. Op. cit.* Есть скороспелые издания западных авторов, построенные только на газетных источниках и опросах общественного мнения. См.: *John B. Dunlop. Russia Confronts Chechnya. Roots of a Separatist Conflict.* Cambridge, 1998.

⁹ См.: *Khazanov F. After the USSR Ethnicity, Nationalism and Politics in the Commonwealth of Jendependent States.* Michigan, 1996. P. 222.

¹⁰ См. пропагандистское издание МВД РФ: *Криминальный режим. Чечня, 1991–1995 гг. Факты, документы, свидетельства.* М., 1995.

¹¹ См.: *Скакунов Э.И. Чеченский конфликт.* М., 1996; Ойла. Журнал социальных наук и публицистики. 1998 1. С.86–89.

Глава II

ОБЪЯСНИТЕЛЬНЫЕ МОДЕЛИ И ТЕОРИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ

В современной литературе существует большое число работ, в которых с разных дисциплинарных позиций рассматриваются ситуации вооруженных сепаратистских конфликтов в тех или иных государствах и регионах мира, а также обзоры литературы по этническим и сепаратистским конфликтам¹. Ряд интересных монографий и коллективных трудов, не говоря о многочисленных статьях, опубликован по войне в бывшей Югославии². Неправительственная организация “Европейская платформа по предотвращению конфликтов” готовит обзоры по конфликтам в основных регионах мира и издала обстоятельный том по 31 конфликту в африканских странах³, а в настоящий момент завершает том по Европейскому региону. “Сеть этнологического мониторинга и раннего предупреждения” (EAWARN) с 1998 г. публикует ежегодные доклады о состоянии межэтнических отношений и конфликтов в постсоветских государствах. Еще одна экспертная сеть “Инициатива по разрешению конфликтов и проблемам этничности” (INCORE) с 1998 г. издает регулярный журнал “Этнический конфликт. Дайджест исследований” (“Ethnic Conflict. Research Digest”), публикующий рецензии на выходящие в данной области книги и доклады.

В 1995–1999 гг. Исследовательским институтом по социальному развитию при ООН (United Nations Research Institute for Social Development – UNRISD) осуществлялся масштабный проект по изучению обществ в состоянии вооруженных конфликтов. Эта работа была ближе всего к моим исследовательским интересам, но она, к сожалению, дала скромные результаты по причине слабого академического обеспечения⁴. Проект по проблемам постконфликтной реконструкции разрабатывается Женевским Центром прикладных исследований в области международных переговоров (CASIN), который провел специальный симпозиум в ноябре 2000 г. в рамках Женевского форума по безопасности и опубликовал мой доклад “Понимание насилия для постконфликтной реконструкции в Чечне”⁵.

В отечественной российской литературе имеются серьезные работы по отдельным конфликтам, а также издания обзорного

характера, выполненные главным образом политологами и социологами, которые в последние годы избрали данную тему приоритетным направлением и даже сконструировали новую дисциплину – так называемую *конфликтологию*, т.е. науку о конфликтах и их разрешении⁶. Что касается анализа чеченского конфликта, то наиболее обстоятельный историко-политологический анализ был дан Джабраилом Гакаевым⁷. Изданы многочисленные хроники и публицистические произведения, но научная ценность их невелика.

Несмотря на серьезное продвижение в понимании данной проблематики, есть два аспекта, которые вызывают неудовлетворенность. Прежде всего это, недостаточное участие социально-культурных антропологов в изучении феномена вооруженных конфликтов (особенно по региону бывшего СССР). Многие десятилетия мировая антропология продолжала быть вовлеченной преимущественно в историко-археолого-этнографические реконструкции форм военной деятельности и современной практики насилия в так называемых племенных сообществах⁸. Только в самые последние годы вышли замечательные исследования по антропологии насилия, современных конфликтов и культурно-антропологическим аспектам проблем международной безопасности⁹.

В целом, нынешняя ситуация радикально отличается от первой половины 1980-х годов, когда по инициативе Мэри Фостер и Роберта Рубинштейна на Всемирном конгрессе антропологов и этнологов в Ванкувере в 1983 г. была учреждена специальная Международная комиссия по изучению проблем мира, одним из сопредседателей которой я стал с момента ее создания. Это еще были времена генсека К.У. Черненко. Мой плохой доклад в Ванкувере с цитатами из партийных документов не был опубликован, но другие и последующие материалы комиссии вышли в свет в очень достойной форме¹⁰. И все же некоторые фундаментальные проблемы теории насилия и конфликтов еще ждут своего разрешения на основе этнографического метода и с позиций социально-культурной антропологии¹¹.

Второй аспект – отсутствие убедительных теоретических концептов или вообще игнорирование социальной теории, как это имело место с проектом UNRISD, где упор делался не науку, а на “участие”. Таким образом, современная обществоведческая мысль остается в рамках схоластичных метатеорий и популярных методологий, которые доминируют в исследованиях по проблемам мира и конфликтов. Почти все они слабо работают на уровне конкретного анализа и скорее служат политическим целям и амбициям глобальной теоретической схоластики¹². Рассмотрим некоторые из них.

ГЛОБАЛЬНЫЕ ТЕОРИИ И МЕТАПРОЕКТЫ

То, что мы часто называем *теориями*, таковыми на самом деле не являются. Порой это слово выступает лишь как дополнительный усилитель той или иной научной презентации. Такое явление распространено как в отечественной, так и в зарубежной литературе. Например, прекрасные американские ученые Ион Ластик и Дэвид Лэйтин, работы которых я часто использую, определяют свои научные изыскания и выводы как “теории” (в первом случае речь идет об идентичности как о легитимной основе государства с оспариваемыми границами¹³, во втором – о трансформации идентичностей среди русскоязычного населения ближнего зарубежья¹⁴). Зато другие не менее глубокие теоретики в сходной по тематике области, как, например, Роджерс Брубейкер и Рональд Суни, данной категоризацией собственных академических презентаций фактически не пользуются¹⁵.

Известный российский социолог А.Г. Здравомыслов назвал свою книгу “Релятивистская теория нации”¹⁶, содержание которой до теории не дотягивает даже в смысле изложения стандартных релятивистских подходов. В то же время, если придерживаться минимальных требований в отношении понятия *теория* и трактовать его как обоснование научных положений, выдвигаемых для объяснения фактов, событий и явлений, тогда проблема с данным словоупотреблением отчасти снимается, что не освобождает от необходимости критического анализа того, что называется подходом или теорией. Рассмотрим некоторые из теоретических концептов в области анализа конфликтов.

Теория базовых человеческих потребностей (basic human needs theory) является одной из наиболее популярных. Она носит скорее мифопоэтический характер, ибо исходит из постулата, что глубоко укоренившийся социальный конфликт возникает как следствие неудовлетворенных основных (базовых) потребностей и задачей разрешения конфликта является развитие методов их понимания и удовлетворения. В начале 1990-х годов эту теорию активно продвигал американский ученый Джон Бертон и его последователи¹⁷, а сейчас ее разделяют многие российские специалисты. Фундаментальная слабость такого подхода, на мой взгляд, заключается в том, что он исходит из факта безусловного существования групп (прежде всего этнических) как коллективных тел, которые обладают некими природными потребностями, как-то стремление к сохранению своей целостности, к политическому самоопределению и прочее. Отсюда следует провоцирующий вывод, что “люди будут стремиться удовлетворить свои потребности тем или иным путем, даже не останавливаясь перед тем, что другие будут относиться к ним как к “преступникам” (или “террористам”)»¹⁸.

Онтологизация этнической группы, а тем паче наличия у нее коллективной воли “по поводу потребностей” и даже самих потреб-

ностей игнорирует более современный взгляд на конструктивистскую природу этничности и социальной коллективности, не говоря уже о самих потребностях, как на результат ощущения, объяснения и даже внешнего предписания, что есть “потребность”. Этот подход не объясняет, почему инициаторами насилия, а также в ситуации разрушительного конфликта оказываются чаще представители группы с относительно высоким уровнем обеспечения “базовых потребностей”, тогда как лишенные многих возможностей и имеющие явно низкий статус, могут не воспринимать его таковым и не выступать за изменение статус-кво; почему относительно благополучные сообщества бывших Нагорно-Карабахской, Абхазской, Юго-Осетинской, Чечено-Ингушской автономных республик оказались в глубоком конфликте и почему абхазы, карабахские армяне, южные осетины, чеченцы, состояние “потребностей” которых было сходным с положением представителей десятков других этнических меньшинств бывшего СССР, выступили инициаторами бескомпромиссной вооруженной сецессии*.

Но самое уязвимое в данном подходе то, что его последователи видят путь к разрешению конфликта только в полном удовлетворении “базовых человеческих потребностей”, что, по их мнению, способно согласовать интересы и привести к разрешению противоречия, спорных вопросов и установить новые отношения между противниками. При всем желании нам не удалось выявить какие-либо единые базовые потребности у узкой группы чеченской элиты, расставшей свои деньги и родных по дальним странам; у боевиков, фанатично сражающихся за несколько сот долларов и под влиянием смутных идей, и у значительной части населения, лишившегося элементарных источников жизни. Тем более наивными и надуманными выглядят некогда элегантно изложенные сначала Роджером Фишером¹⁹, а затем многими его последователями “одиннадцать человеческих характеристик, являющихся универсальными и независящими от специфики определенной культуры, общества или политической системы, представляющие существенные составляющие общечеловеческого опыта”²⁰.

Это как бы и должен быть реестр “базовых потребностей”, но только его явная книжность разбивается об одно единственное замечание моего коллеги Веналия Амелина, который уже целый ряд лет отвечает в Администрации Оренбургской области за политику в об-

* Мой кросс-рецензент Джабраил Гакаев заметил, что благополучие советской Чечено-Ингушетии было внешним, а контрасты социальной жизни в Чечне более глубокими, чем в других регионах страны, и именно это обстоятельство было одной из причин конфликта. Данное замечание я намерен обсудить ниже, но сама ссылка на приниженное положение чеченцев и их дискриминацию является почти всеобщей в литературе о чеченском кризисе. Разница лишь в степени оценок: от “этноцида” и “народоубийства” до трудовой дискриминации и аккультурации.

ласти межэтнических отношений и очень много сделал для развития и поддержки культурного многообразия и политического представительства меньшинств в данном регионе: “Понимаете, Валерий Александрович, чем больше мы делаем и чем больше даем, тем больше требуют. До этого не знали национально-культурной автономии и все было тихо, а сейчас дай все – от зданий до компьютеров”. Таким образом, “потребности” нужно не только объявить (например, через закон) и объяснить (через собрания и печатные тексты), но и нужна позвольительная среда (прежде всего политические условия), чтобы о потребностях заявить.

В подтверждение приведу еще один пример из своего опыта министерской работы. Моя инициатива реабилитации национально-культурной автономии (наряду с этнотерриториальной автономией) в 1992 г. встретила ожесточенное сопротивление как со стороны ортодоксов “национального вопроса” (тогдашний председатель Палаты национальностей Верховного Совета РФ Рамазан Абдулатипов), так и радикальных демократов (советник президента РФ Г.В. Старовойтова), которые как раз в этом вопросе занимали также ортодоксальную позицию полного “национального самоопределения”. Так, в итоге “базовая потребность” в национально-культурной автономии “отложила” на несколько лет, пока не пришло время принятия соответствующего федерального закона в 1996 г.

В равной мере неубедительно объяснение и не менее популярной *Теория групп меньшинств в состоянии риска*, на основе которой определяются “меньшинства в состоянии риска” (minorities at risk) как источник нестабильности, конфликта и международной или национальной озабоченности. Естественно, когда группой американских исследователей под руководством Теда Гурра составлялась мировая номенклатура таких меньшинств (233 групп), да еще по впечатляющему количеству “объективных параметров” (96 показателей)²¹, ее авторы даже не ведали о существовании таких групп, как чеченцы, абхазы или карабахские армяне. Но даже если бы им было известно о них, едва ли они попали бы в этот список, ибо политическая повестка до 1991 г. диктовала включить в него грузин, украинцев, эстонцев – группы на самом деле с благополучным культурным статусом и с далеко не худшим социальным положением как по меркам СССР, так и по мировым стандартам, а также других, более политически корректных клиентов на международную защиту и, возможно, на сецессию.

Эта так называемая теория слаба тем, что “группа риска” в конечном итоге отбирается не беспристрастным компьютерным анализом, а заложенными в машину предпочтениями исследователя, зависящими от горизонта его знаний и политических взглядов. Не прошло и пяти лет, как весь мировой список меньшинств в состоянии риска оказался курьезом. Кстати, при желании в этот список можно было включить любую этническую единицу на территории бывше-

го СССР, начиная с русских, не говоря уже о сотнях этнических групп в странах Азии, Африки и Америки.

Дело в том, что при всем разнообразии статусов групп и наличии среди значительной их части серьезных социально-политических и историко-культурных проблем конфликт происходит по другим причинам. Дебаты о ситуации риска – это не более чем предписания и аргументы для постфактических рационализаций, объясняющих уже произошедший конфликт. Самое несостоятельное в теории “группового” риска то, что она не признает право на риск за группами большинства, отдавая безраздельно это право меньшинствам, в то время как последние тоже могут и выступают инициаторами насилия и дестабилизации.

Кстати, и теория базовых потребностей фактически не признает таковые потребности за группами большинства, тем самым обнажая свою ограниченную политизированную сущность. Априори, как бы имеется в виду, что “базовые человеческие потребности” у украинцев, татар, чеченцев и других меньшинств в России есть, а у русских их быть не должно, ибо они изначально как доминирующая группа занимаются только тем, что отбирают или присваивают “потребности” других. В равной мере, озабоченность и страхи по поводу базовых потребностей у косовских албанцев есть, а у сербов (про цыган вообще забыли!) их быть не должно. Но тогда почему считают оправданным беспокойство турок в отношении курдского сепаратизма или протестантской части населения Северной Ирландии?

Амбициозные исследовательские проекты с глобальными выводами, особенно в сфере анализа международных отношений и конфликтов, достаточно легко “продать” потенциальным донорам и потребителям, многие из которых также имеют обширные (но только экономические или политические) интересы. Именно по этой причине, на наш взгляд, произошла эволюция методологии риска, отвечающая потребностям глобальных дебатов прошлого десятилетия о правах меньшинств, в проект *государственного коллапса* (state failure project), т.е. всеохватывающей инвентаризации государств на предмет их возможного краха или распада. Это был ответ западного (точнее американского) исследовательского сообщества на распространявшуюся среди бюрократии и экспертов эйфорию либеральной победы и геополитической спешки “переделать” или “досамоопределить” посткоммунистический мир. В неофициальном разговоре после распада СССР одна из руководительниц Госдепартамента США, в то время профессор Стэнфордского университета хвастливо заметила: “Мы это задумали, и мы это осуществили”. Сейчас этот эксперт-политик в еще более высоком ранге получила возможность для попыток нового геополитического дизайна, о котором можно прочесть в одной из ее предшествовавших новому назначению статей²².

После распада СССР для многих политиков и экспертов появилась интригующая возможность высказаться по поводу “нового порядка”. “Пришло время изменить Америку и всю остальную человеческую расу”, – заявил в 1994 г. в победной речи после выборов в Конгресс США лидер республиканцев Нют Гиндрич. Именно тогда по заказу вице-президента Эль Гора и на средства ЦРУ США был выполнен крупный исследовательский проект, когда 2 млн. единиц информации о 113 случаях “государственного коллапса” по 75 переменным и за 40-летний период (1955–1994) были подвергнуты анализу, чтобы в итоге составить список государств с высокой, средней или низкой “степенью риска распада”²³.

Этот проект, особенно окончательный список государств, носил закрытый характер, хотя некоторые его результаты все-таки были опубликованы. Интерес представляет выделение четырех важнейших факторов, которые чаще всего оказываются связанными с крахом государственного режима или сигнализируют о возможности его тотальной дестабилизации и даже распада. К ним относятся: отсутствие демократии, крупная внешняя задолженность, большая детская смертность, значительный процент молодежи и среди населения. По некоторым сведениям, Россия была зачислена в список государств с высоким риском распада, добавив тем самым энтузиазма тем, кто видел в событиях типа кризиса в Чечне как бы подтверждение академических предсказаний.

Именно в этом предписывающем характере подобных научных проектов видится их политическая заангажированность и даже несостоятельность. Совсем неважно, что подобные прогнозы распада государств могут не реализоваться. Важно другое – вложение в эти проекты влиятельными ведомствами определенных интеллектуальных и материальных ресурсов. Привлеченные специалисты, а также клиенты на потребление результатов исследований (последние определены как “разведывательное сообщество, правительство, политики, ученые”) становятся невольными заложниками сделанных прогнозов и готовы трудиться в пользу их осуществления, а не наоборот.

Именно с этих стартовых моментов и именно таким образом война в Чечне с самого начала приобрела мощных внешних акторов (под этим термином имеются в виду действующие в социальном пространстве лица или коллективные силы). Не случайно в кабинетах некоторых чиновников Госдепартамента США и еврочиновников появились портреты Джохара Дудаева, а не Абдуллы Оджалана или Усама Бен Ладена.

ЧЕЧНЯ И КОНЦЕПЦИЯ САМООПРЕДЕЛЕНИЯ

В контексте моего исследования наиболее сложной для оценки является концепция самоопределения, которая преимущественно находится в сфере политической теории и права, особенно международного. Ее суть и исторический генезис достаточно хорошо известны, они вытекают из вильсоновского понимания самоопределения как управления с согласия большинства народа²⁴. Эта доктрина с момента возникновения служила формой воленавязывания победителями своих целей в военных и политико-идеологических глобальных противостояниях XX в. Она никогда не применялась ее духовными отцами и политическими инициаторами в отношении собственных реалий и всегда была ориентирована на внешнее потребление. Новый всплеск интереса к доктрине возник в связи с радикальным переустройством посткоммунистического мира и прежде всего в связи с распадом таких государств, как СССР, Югославия и Чехословакия.

Риторика самоопределения была и остается основным эмоциональным и правовым аргументом процессов дезинтеграции и всех насильственных конфликтов. Посткоммунистическая инженерия, особенно со стороны победителя – либерального Запада, с энтузиазмом обратилась к теме самоопределения. Многие специалисты, прежде всего бывшие советологи, призвали к пересмотру и модернизации принципа самоопределения в контексте новой геополитической ситуации. Причем в силу явной идеологической заангажированности борцов против последней империи (имеется в виду СССР) и “мини-империи” (имеется в виду Россия) коррекция и пересмотр пошли не в сторону снятия прошлых фундаментальных противоречий в доктрине, а в сторону их еще большей легитимации. Активное участие в этом приняли и российские эксперты, также в подавляющем своем большинстве мыслящие в пределах ущербного советского варианта доктрины самоопределения как огосударствления этнических общностей (этнонаций)²⁵.

Тем не менее, наиболее обстоятельные исследования так называемой коллизии между правом на самоопределение и принципом территориальной целостности государства, а также соотношения самоопределения и прав меньшинств не привели к каким-либо серьезным переоценкам в последнее десятилетие. Автор одной из самых последних работ по проблеме самоопределения и национальных меньшинств, признавая разные смыслы и интерпретации, которые вкладываются в данное понятие в странах Запада, бывшего советского блока и в странах так называемого третьего мира, все же делает следующий итоговый вывод:

“Насколько самоопределение представляет собою законное право до сих пор точно не установлено, поскольку содержание термина “народ” никогда не было точно определено и поскольку сама международная практи-

ка в отношении самоопределения является во многом непоследовательной. Хотя деколонизация была всеобщее признана в качестве составляющей части законного самоопределения, правовой статус других аспектов самоопределения остается неясным. Теория, что самоопределение влечет за собой представительное правление, широко признается западными государствами и большинством стран бывшего советского блока. Однако такое понимание самоопределения на принимается в качестве элемента международного права многими государствами третьего мира. Еще более неясным является статус этнического самоопределения. Хотя многие этнические группы в мире считают его для себя законным правом, этого не признает большинство государств. Этническое самоопределение не вписывается в систему международного права... Примат государства в международном праве означает, что все население государства рассматривается как основной атрибут этого государства. Традиционный примат государства в международном праве находится поэтому в фундаментальном противоречии с требованиями выступающих за самоопределение этнических групп, потому что по сути такие группы стремятся подчинить позицию государства позиции группы»²⁶.

У меня всегда вызывало удивление, как однозначно и жестко советский и постсоветский менталитет связывал право на «национальное самоопределение народов» с этническим смыслом. Хотя это удивление мне не к лицу, ибо под моей редакцией вышли фундаментальные энциклопедии «Народы России» (1994) и «Народы и религии мира» (1998), дополнительно под утверждая тем самым этнический смысл понятия «народ». Научно точнее было бы использовать термин «этнические группы», а не «народы», но такова отечественная традиция академического и общественно-политического языка. Мне же хорошо запомнились еще со времен моих занятий Канадой в 1970–1980 гг. слова Пьера Трюдо: «Государство, которое определяет свою деятельность преимущественно в понятиях этнических и религиозных характеристик, неизбежно становится шовинистическим и нетерпимым. Националисты... политические реакционеры, поскольку они руководствуются при определении общего блага интересом этнической группы или религиозного идеала, а не понятием «всего народа» независимо от индивидуальных характеристик»²⁷.

Абсолютно точно сказал в своем программном документе бывший генеральный секретарь ООН Бутрос Бутрос-Гали: «Мир не может позволить себе роскоши, чтобы каждая культурно отличительная группа имела свое собственное государство и это в принципе неосуществимо»²⁸.

В случае с Чечней риторика самоопределения пронизывает все ментальное пространство: от главного аргумента лидеров чеченского сопротивления до языка простого чеченца. Но, как показывает наш материал, смысл этого слова и его использование чаще находятся в конфликте с непоследовательными интерпретациями политиков и ученых, тем не менее с ними связанными. Интерпретация чеченского кризиса как проявление национально-освободительного

движения чеченского народа и как попытка его подавления имперскими силами была и остается крайне популярной среди российских и подавляющего большинства зарубежных экспертов.

За незначительным исключением, все работы по истории “чеченской революции” и войны в Чечне построены на основе холистских категорий “народ”, “свобода”, “суверенитет”, “государство”, “религия” и т.п., а также на выяснении фундаментальных “исторических закономерностей”. Л.С. Перепелкин одним из первых пришел к выводу, “что своеобразный ход современного политического развития Чеченской Республики предопределен уникальной комбинацией исторических, социально-экономических, этнических, демографических, психологических и иных факторов, в силу исторической случайности сконцентрированных на территории именно этой небольшой республики”²⁹. Н.В. Петров вместе с соавторами, анализируя ход войны в Чечне, так же в сугубо геополитических категориях, выносят безоговорочное суждение, что “выход Чечни из России теперь уже неизбежен при любом развитии событий”, ибо “чеченский народ кровью заплатил за свою свободу”³⁰.

Эмоциональную и политическую заангажированность при оценке событий в Чечне продемонстрировали западные эксперты, в среде которых прочеченская позиция соединилась с неожиданно сильным рецидивом антирусских и антироссийских (кстати, в англоязычной литературе различие этих двух понятий вообще отсутствует) позиций. Комплиментарность в оценке сепаратизма в России была и остается свойственной бывшим воинам холодной войны, которые продолжают по инерции бороться с “империей зла”. Об этом свидетельствует, например, доклад, подготовленный по итогам миссии, направленной в Чечню неправительственной организацией “Международная тревога” осенью 1992 г., его основным автором был давний сотрудник Корпорации РЭНД (США) Пол Хенце.

Главное содержание доклада – история чеченского и в целом северокавказского “освободительного движения против российской колонизации” и демонстрация радикальной культурной отличительности чеченцев и их исключительной внутренней солидарности в вопросе достижения государственной независимости. Многое в этой интерпретации идет от западной историографической традиции исламоведения в России, которая была заложена историком российского происхождения Александром Бенигсенем³¹. Основной вывод доклада – предостережение против попытки решить конфликт силовыми методами, но его общий тон был безоговорочно в пользу чеченской независимости как состоявшегося факта. Для таких западных экспертов, как Пол Хенце, не говоря о многочисленных версиях журналистов, не было никаких сомнений, что в 1991 г. в Чечне под руководством Дудаева произошла народная демократическая революция против имперского центра и местной номенклатуры. Война 1994–1995 гг. – ответ неоимперской России.

Для авторов доклада Чечня и даже весь Северный Кавказ – это не Россия и даже не территория Российской Федерации. Приведем итоговое заключение документа, который для чеченских радикалов стал своего рода моральным благословением сессии:

«Чеченская республика совершила впечатляющие начальные шаги по созданию государственных и правительственных структур. Чеченское общество характеризуется примечательной степенью политической открытости и свободы выражения. Все партии несут ответственность за сохранение этой благоприятной ситуации. В некоторых отношениях по причине временной краткости своей эволюции политическая система не всегда работает гладко. Ответственные граждане постоянно поднимают оправданные вопросы о правомочности выборов, открытости правительства, отношениях Чечни с соседями. Руководству необходимо найти пути как реагировать на эти озабоченности.

Чечня не может решить проблему своего статуса и отношений с Россией и другими частями бывшего Советского Союза путем силы. Россия не может “решить” свою чеченскую проблему или связанные с ней более широкие проблемы стабилизации и конструктивной политической эволюции на Кавказе путем политической интриги или подрывных действий, или экономическими санкциями. Российское правительство несет ответственность за информированность своего народа о подлинной природе кавказских проблем и тех реалистических выборах, которые перед ней стоят в этой связи. Чтобы приостановить дальнейшее ухудшение ситуации и избежать больших человеческих страданий, необходимы для всех сторон терпение и желание вести переговоры»³².

Случаи переоценочной рефлексии крайне редки среди сторонников радикально-демократических или антиимперских интерпретаций. Наиболее очевидно такую критическую переоценку продемонстрировал автор обзора в газете “Известия”, задавшей вопросом о причине утверждения Дудаева в Чечне главным образом силами московских политиков:

“Думается, дело тут не в личности самой по себе, а в той идее, которую олицетворял мятежный генерал и в соответствии с которой и лепился его героический образ. Речь идет об идее “национально-освободительного” (т.е. сепаратистского) движения нерусских народов как якобы естественной и неизбежной форме реализации их демократических устремлений. С момента зарождения первых “национальных фронтов” в республиках СССР идея эта оказалась столь популярна среди российских демократов, что как-то само собой повелось не замечать больших и малых грешков националистов, прощать им сперва тихое беззаконие, а потом и открытое насилие.

Несомненно, в “перестроечную” эпоху борьбы с еще живым советским коммунизмом демократические движения действительно нередко развивались в оболочке этнонациональных. Но после падения коммунизма и распада СССР, когда бывшие союзные республики сами оказались в роли метрополий и эстафета “национально-освободительной борьбы” перешла от них к их же автономиям, сущность сепаратизма предстала в своей первозданной наготе. И надо было быть слепым или политически очень ангажированным человеком, чтобы за призывами к “борьбе за самоопределение коренных

народов” не увидеть элементарного стремления освободившихся от московской длани местных вождей “оседлать” комплекс национальной ущемленности этнических меньшинств в своих целях, далеких от интересов демократии и национального возрождения. Примерами подобной политической слепоты пестрит вся история постсоветского либерализма”³³.

ЦИВИЛИЗАЦИОННО-ЭТНОГРАФИЧЕСКИЙ РОМАНТИЗМ

Мною выделен еще один вариант подхода к объяснению природы конфликта в Чечне, который можно назвать цивилизационно-этнографическим романтизмом. Его заимствуют некоторые ученые, многие публицисты и часто политики. Изначальная суть этого подхода или в “конфликте цивилизаций”, исламской и христианской (с подзаказки уязвимой конструкции Сэмюэля Хантингтона), или в несовместимости этнических систем и непонимаемости российскими политиками глубинной специфики чеченского общества. Как объясняет ситуацию один из ведущих специалистов-востоковедов, Алексей Малащенко, “у чеченцев свой образ жизни и мыслей, свои представления о нормах поведения, своя вера. Там сложилась специфическая система общественного устройства, названная этнологом Я. Чесновым “вайнахской демократией”... В плане историко-философском противостояние двух социокультурных систем, их взаимное и постоянное отторжение неизбежно. Не было мира в Чечне ни при одной из политических систем... Чечня, похоже, всегда будет разительно отличаться от Смоленской области или Приморского края. И поэтому когда-нибудь она обретет свою независимость, и, дай Бог, чтобы на границах у России было одним дружественным государством больше”³⁴.

Что же касается этнолога Я. Чеснова, то его версия современно-го чеченского общества, как основанного на глубоко традиционных социальных структурах представляет собой распространенный в этнографии пример конструирования культурного комплекса профессионалом-аутсайдером, для которого полевое исследование – это главным образом сочиняемый с отсылками на информаторов исторический экскурс³⁵.

Определенный элемент абсолютизации традиции вайнахской военной демократии при объяснении высокой степени мобилизации чеченцев в конфликте присутствует и в оценках ведущего специалиста по проблемам Кавказа Сергея Арутюнова. “Процессы, с которыми мы сталкиваемся, на самом деле носят куда более глубинный характер. В регионе полным ходом идет возрождение дремавших до времени форм раннефеодального и предфеодального бытия”³⁶, – пишет ученый. Однако, безусловно, вышеназванные авторы внесли серьезный вклад в интеллектуальные усилия ученых по объяснению чеченского кризиса.

То, что я называю этнографическим романтизмом, имеет гораздо более глубокую природу и степень воздействия, чем это может казаться. Чеченский кризис породил или актуализировал богатую псевдонаучную мифологию об истории и современном облике народа, который из академических и литературно-публицистических текстов перешел в массовое сознание, в том числе и самих чеченцев. Один из таких доминирующих мифов – миф об исключительном природном свободолюбии и благородстве народа, которые он демонстрирует на протяжении всей своей истории, особенно двухвековым сопротивлением русскому колониализму.

Природа этого мифа носит во многом литературный характер, и среди его главных авторов – всемирно известного писателя Лев Толстой, для которого повесть “Хаджи Мурат” была своего рода личным икупительным актом и реализацией творческой темы обличения самодержавного деспотизма. Создавая “образ другого” в лице полного благородства и доблестей чеченца Хаджи-Мурата, писатель фактически писал о проблемах российского общества и о постоянном поиске человеческого идеала среди “мерзостей обыденной жизни”. Но своим мощным пером Толстой подарил “образ народа” современному читающему поколению чеченцев, который в какой-то степени со временем стал частью его массового сознания.

В сочинениях академических романтиков постоянно присутствуют рассуждения о “невозможности горца быть без оружия”, о “национальной чеченской культуре военных действий”, об отсутствии традиции подчинения властям и писаному закону, о решающей роли старейшин и т.п.

Другой усиленно насаждаемый миф – это миф об исключительной древности чеченского народа, который черпает свои аргументы из историко-лингвистических изысканий московских и петербургских (а за ними и местных) ученых о родстве с современными вайнахскими языками хурритоурартских языков, распространенных во 2–1 тысячелетиях до н.э. в Закавказье, восточной Малой Азии и северной Месопотамии³⁷. Именно ссылаясь на этот чисто академический постулат, президент Джохар Дудаев сформулировал политический лозунг, который гласит: чеченцы как “старейший народ Кавказа” должны по праву играть роль общекавказского лидера.

Если абстрагироваться от политико-идеологической мотивации, во всех этих интерпретациях присутствует ограниченность объективистской методологии, предпочитающей доискиваться в социальном процессе (или в событийном ряде) до неких глубинных причин и исторических закономерностей. Такой подход игнорирует объяснение, основанное на современной частной стратегии и личностной мотивации, на роли постоянно меняющихся диспозиций участников социального пространства, в том числе в сфере властных взаимоотношений, и, наконец, на роли случайных, эмоционально субъективных и моральных побуждений и действий. Крупное социальное со-

бытие, а тем более масштабный военный конфликт представляются слишком серьезным явлением, чтобы объяснять его происхождение казалось бы поверхностными обстоятельствами, как, например, личностные амбиции лидеров или моральные установки на реванш после пережитой коллективной травмы.

Сегодня уже неприлично заниматься критикой хантингтоновской теории столкновения цивилизаций по причине изначальной неясности, что есть цивилизация, и ее политической заданности. Суть теории состоит в том, что после одной “большой битвы” должна обязательно следовать другая и ныне наступила эпоха защищать Запад от “враждебных цивилизаций” (прежде всего от исламской и, возможно, православной). Казалось бы, в случае с Чечней цивилизационный разлом налицо: православные русские против чеченцев-мусульман.

Мой анализ не позволяет принять данную схему даже в ее самом слабом варианте. Схожесть чеченцев с остальным населением страны, прежде всего с русскими, гораздо больше, чем их отличительность. Эта в ценностных ориентациях, в личных стратегиях людей и даже в культурном поведении существовала как до конфликта, так и после него.

Конечно, война обозначила для чеченцев гораздо более жесткую дистанцию по отношению к представителям других групп и укрепила ощущение чеченской отличительности не только на уровне самосознания. Однако невозможно согласиться с тезисом, что мои партнеры и герои интервью принадлежат к иной цивилизации. Полевые материалы не дают оснований для этого. Радикальная разница жизненных ситуаций – бесспорна. Ряд важных культурно-отличительных характеристик – также налицо. Но мною обнаружено, что между московским русским профессором и профессором-чеченцем из Грозного больше близости, чем между профессором-чеченцем и чеченским боевиком из горного села, откуда родом, кстати, и сам профессор. Культурный разлом происходит в результате конфликта внутри социума, и этот разлом имеет место как между теми, кто пребывает в “разорванном обществе”, так и теми, кто вне его или на его периферии.

ЧАСТНЫЕ ОБЪЯСНИТЕЛЬНЫЕ МОДЕЛИ

В литературе о войне в Чечне имеет место, позиция в духе теории заговора. Другими словами, разные внешние заявления, как с федеральной, так и с чеченской стороны, рассматриваются не более чем как камуфляж скрытых мотивов и интересов, за которыми стоят или более мощные силы, манипулирующие политиками и генералами, или вообще война видится как заговор и геополитический сценарий внешних сил.

Один из доминирующих вариантов сводится к поиску у событий некой мощной экономической подоплеки или “истинных причин” войны в Чечне. Такими причинами эксперты называют чаще всего нефть и деньги.

«Если взять оценку беспристрастную и непредвзятую, без оглядки на лица, то при видимой сложности все предельно просто. Сегодня существуют всего две линии вывоза стратегических товаров из России: балтийская и кавказская, проходящая в первую очередь через Чечню. За контроль над этими линиями, а точнее над самим вывозом, и происходит вся борьба. А потому какие-то смены руководителей, кадровые перестановки, конфликтные ситуации – не более чем отражение этой борьбы..., – считает Эдвард Ожиганов, один из бывших экспертов Аналитического центра Государственной думы. – ...Корни конфликта находятся не в Грозном, а в Москве. На балтийском направлении российская государственная мафия уже нащупала каналы вывоза товаров и сырья, и там больших проблем не возникает. В Чечне же ситуация принципиально иная. Режим Дудаева не согласился на роль “клиента”: ему куда больше импонировала роль патрона. Тем более что речь шла о деньгах поистине фантастических. “Бизнес” развивался по трем направлениям: торговля оружием, нефтепродуктами и краденными машинами. Плюс присутствовала возможность неконтролируемого вывоза из республики валюты и ее последующего размещения на счетах в иностранных банках. Поэтому в определенный момент команда Дудаева просто заявила о своем исключительном праве на все эти доходы и перекрыла “чеченский канал” для России. Этот отказ и обусловил кризис»³⁸.

Безусловно, экономический фактор, в том числе в его криминальном аспекте, играл важную роль в эволюции чеченского конфликта, и это невозможно игнорировать. Хорошо известным стало выражение заместителя Председателя Правительства РФ Сергея Шахрая о Чечне как “свободной криминальной зоне”. Из Аналитического центра при Президенте вышла версия-сравнение Чечни и режима Дудаева с Медельинским картелем в Колумбии и режимом генерала Норьеги в Панаме. Ее изложили Эмиль Паин и Аркадий Попов³⁹. В ежегодном президентском послании Федеральному собранию “криминальная” природа событий в Чечне стала уже официальной версией федеральной власти, а вернее президента и его окружения. В выступлении Б.Н. Ельцина перед Федеральным Собранием сказано, что “на территории Чеченской республики в результате вооруженного мятежа был установлен самый настоящий диктаторский режим. Сращивание криминального мира и власти – то, о чем непрестанно говорили и политики, и журналисты как о главной опасности для России, – в Чечне стало реальностью. Это был полигон для подготовки и распространения криминальной власти на другие российские регионы”⁴⁰.

Почти аналогичная оценка чеченского кризиса дается представителями крайне правых националистических сил в России. 14 декабря 1994 года Центральный совет Русского национального единства

(баркашовцы) принял заявление по событиям в Чечне, в котором содержится следующая характеристика:

“Не является секретом и то, что в результате деятельности режима Дудаева практически прекратилась любая экономическая и хозяйственная деятельность в Чечне. Следствием этого стала экспансия чеченских криминальных групп на территорию всей России, что поощряется нынешней чеченской администрацией как практически единственный приносящий доход промысел. Нынешняя администрация превратила Чечню в паразитарно-грабительский конгломерат и тем самым опустила свой народ на уровень раннего средневековья”⁴¹.

Другой подход объясняет конфликт как неудавшийся вариант блицкрига против самопровозглашенной независимой Чечни. Война была затеяна Центром, прежде всего президентом и его окружением, чтобы решить ряд политических задач, связанных с укреплением и сохранением власти в условиях углубляющегося экономического и политического кризиса в стране. Этот взгляд на чеченский кризис сложился главным образом среди политической и интеллектуальной оппозиции, причем независимо от политического спектра. Для политиков и экспертов радикально-демократического направления Чечня – это заговор “силовиков”, ближайших помощников и даже “охранников” президента с целью покончить с демократическими преобразованиями и установить авторитарный режим, основанный на “державности” и национал-патриотической идеологии. Как заявил Е.Т. Гайдар, силовое решение чеченской проблемы представляет собою практический шаг к формированию полицейского государства в России⁴².

“Руки прочь от Чечни!” был и остается лозунгом радикальной демократии, хотя аргументы последней несколько меняются: сначала на первом плане были симпатии в пользу “национального самоопределения” чеченцев, после начала войны и в период ее нового цикла с осени 1999 г. – озабоченность массовыми нарушениями прав человека, прежде всего со стороны российской армии.

Помимо историко-культурного и социально-политического планов чеченский конфликт, на наш взгляд, включает в себе решающие по значимости элементы личностного, эмоционального и морального воздействия, которые не могут быть объяснены в привычных категориях позитивистской казуальности. В качестве примера приведу лишь один пример крайне персонифицированного характера, который обрел конфликт, особенно в его решающий момент: это личное отношение президента Ельцина к Дудаеву. В одном из интервью президент Татарстана Ментимир Шаймиев сделал, казалось бы, мелкое, но, на наш взгляд, крайне важное замечание: “Ельцин был почти готов к переговорам с Дудаевым по татарстанской модели, но тут ему передали, что Дудаев негативно о нем отозвался”. Видимо, с какого-то момента Ельцин (под безусловным влиянием помощников и некоторых членов Правительства, пестующих

президентское “эго”) вычеркнул Дудаева их числа тех, с кем ему возможно как-либо общаться, и возвел его в ранг главного врага после того, как остальные были сокрушены или умиротворены. Лучшее подтверждение тому – свидетельство еще одного контактирующего с президентом политика. Обозреватель “Известий” Валерий Выжutowич спросил директора ФСБ Сергея Степашина, с каким вопросом президент обращается к вам чаще всего в последнее время? Ответ: – «Чаще всего с одним и тем же: “Когда поймаете Дудаева?”»⁴³.

Именно данный аспект конфликтологического анализа был нами избран в качестве доминирующей линии при рассмотрении событийного ряда и социально-культурного контекста конфликта⁴⁴. Кроме того, войну в Чечне, особенно ее внутреннюю логику, интенсивность и драматичность, невозможно понять без рассмотрения фактора воздействия современных средств массовой информации на конфликт, ибо это была первая “телевизионная война” на территории бывшего Советского Союза. Нас интересует не столько проблема освещения конфликта в СМИ, а проблема СМИ как участников конфликта, ибо профессионалы электронных образов и газетных текстов создают версию (или версии) конфликта в рыночно-драматических формах и возвращают эти версии самим участникам, оказывая на последних не просто воздействие, но и подчиняя своим оценкам поведение участников порою сильнее воинских приказов. В моем интервью с командиром “афганского батальона” Чечни Балауди Мосаевым, взятым 23 февраля 1995 г. на территории Ингушетии, полевой командир многократно упоминал радио и телевидение (“хотя его у нас на передовой нет”), как бы косвенно подтверждая роль СМИ в качестве активного участника происходящей драмы. Вот некоторые из наиболее характерных заявлений:

“Даже когда Дудаев объявлял по телевизору о всеобщей воинской мобилизации, то люди сидели дома и смеялись” (это сказано в связи с тезисом федеральных властей о создании регулярной армии в Чечне);

“По телевизору показывают, что бомбежки прекращены, а мы сами объезжали город и смотрели как эти точечные удары наносились по мирным людям” (в связи с недоверием сообщениям СМИ);

“Вот если мне скажут политики, объявят по радио..., что остановили войну, что мне нужно сдать оружие... тогда я пойду и сдам это оружие” (а это уже пример полного доверия СМИ).

В современных конфликтах электронные средства массовой информации представляют собою огромную мобилизующую и сражающую силу. Это такой же боевой ресурс, как танки и артиллерия, ибо с помощью телевидения и прессы достигаются такие важнейшие цели, как рекрутирование и боевой дух рядовых воинов и общественная, в том числе международная, поддержка конфликтующих сторон. В период нового цикла войны, особенно после удачной съемки подбитого вертолета российского генерала в Дагестане, че-

ченские командиры, по некоторым сведениям, вообще не выходили на крупные операции без телекамеры, чтобы срочно передавать в эфир кадры очередных своих побед. После неудачного применения примитивной практики (времен второй мировой войны) разбрасывания листовок с воздуха глава российского ФСБ сделал характерное признание: «Да, информационная война российской властью проиграна. Как блистательно работает министр информации Чечни Мовлады Удугов, как искусно и ловко он запускает в прессу всякую ложь, искажения, передержки!.. А мы оттолкнули журналистов: “Никуда не пускать, ничего не давать!” Да и сам я долгое время не хотел высказываться»⁴⁵.

Специалисты уже отмечали огромную воздействующую роль СМИ в конфликтах. Особенно это было очевидным на примере Боснии, когда там начала вести репортажи для СНН одна их телезвезд горячих точек, Кристиана Аманпур, открыто солидаризовавшаяся с боснийцами-мусульманами. Ее воспламеняющие репортажи повернули в пользу Боснии не только мировое общественное мнение, но и придали мощный стимул к войне замелькавшим на собственных и на мировых экранах мусульманам Боснии.

Чем объясняется особая роль СМИ в постсоветских конфликтах? Во-первых, в бывшем СССР граждане привыкли и продолжают верить освященным авторитетом телеэкрана или газетного листа версиям событий и оценкам гораздо в большей степени, чем в граждански зрелых обществах. Во-вторых, постсоветские граждане составляют поголовно грамотное и активно читающее население и тем самым подвергаются воздействию внешних версий гораздо сильнее, чем жители таких стран, как Сомали, Мексика или Индия, где также имеют место открытые конфликты и внутренние войны. В этом отношении с бывшим СССР могут сравниться только другие бывшие социалистические страны, в том числе и Югославия, где уровень читающей и просвещенной публики высок. Наконец, в России в годы перестройки в СМИ пришло фактически новое поколение молодой и амбициозной журналистики, утверждающее себя в этой опасной и ответственной профессии, в том числе и через мотив “я и конфликт”. Общеразделяемого этического кодекса профессии применительно к освещению конфликтов и войн российская журналистика пока не имеет. Некоторые уроки и правила можно было наблюдать в период новой военной кампании, но и она давала серьезные сбои, как, например, с журналистом “Радио Свобода” Андреем Бабицким.

Рассматривая историографический и теоретический контекст нашего исследования, мы хотели бы выделить и объяснить одну из основных концептуальных новаций данной работы, а именно идею демодернизации общества, переживающего глубокий насильственный конфликт.

ДЕМОДЕРНИЗАЦИЯ КАК АНТРОПОЛОГИЧЕСКОЕ ЯВЛЕНИЕ

Известные теории модернизации и постмодернизма при всем их стилевом различии исходят из общей эпистемологии поступательно-го развития общества и знания о нем. Рассматриваемая нами ситуация не вписывается в этот контекст. Она более напоминает состояние определяемое в антропологии как аномия, но только это скорее внешнее сходство. *В Чечне имеют место не быстрые перемены, с которыми общество не может справиться и впадает в состояние аномии, а перемены в жанре хаоса, при которых само понятие общества исчезает.* Анализ показывает, что в период вооруженного конфликта чеченского “народа” и даже чеченского “общества” как агента социального действия не существует. Есть навязанные объяснительные версии, большинство из которых редуцировано до упрощенных лозунгов и мифов, в свою очередь создаваемых преимущественно активистами среднего уровня. Эти разные и даже несовместимые редукции подчиняют сознание населения, мотивируя личные стратегии и действия и порой уживаясь вместе в одной и той же голове.

Начиная с 1990 г. Чечня живет в противоречиях и терзаниях, в условиях глубокого разброда и деконсолидации, хотя доминирующий взгляд на Чечню строится на постулате невиданной групповой солидарности и целеустремленности, которые, якобы, продемонстрировал чеченский народ в ходе войны. Достаточно прочитать пространную книгу одного из главных идеологов чеченской сепаратистской Зелимхана Яндарбиева, чтобы понять, что упоминаемый на каждой странице “чеченский народ”, который “только и способен вершить крупные события и определять свой выбор”⁴⁶, это в данном случае что-то мифологическое и неопределяемое. Ибо если вычесть из “народа” всех, кого автор называет как “комбюрократия”, “гнилая галстучно-пиджачная интеллигенция”, “подголоски Завгаева”, служители Москвы и имперские прислужники, трусливые элементы, растерявшиеся трусы, ненадежные попутчики, провокаторы и прочее, кто не относится к вершащему историческое действие “чеченскому народу”, то остается крайне узкая группа людей, очерчиваемая понятием “мы”. Впоследствии – это просто вооруженная часть населения, которая на протяжении всей войны не превышала пяти тысяч человек и которая значительно выросла после ее окончания.

В ходе и в результате войны в Чечне произошло масштабное распропагандирование бытового сознания до уровня почти всеобщих мотиваций, которые в свою очередь возводились на упрощенных мифах, доставшихся от советской идеологии и частично заимствованных из арсенала “национально-освободительной” риторики внешнего мира. Поразительно оскудевший и без того небогатый багаж представлений о политической жизни и об управлении общест-

вом, о государстве и его предназначении, о сути преобразований в конечном счете свелся к одному безальтернативному варианту вооруженной борьбы. Как писал тот же Яндарбиев, “исход борьбы за независимость предreshен. Народ знает, что делает... Народ, желающий быть свободным и строить независимое государство, должен уметь действовать решительно и быть готовым к жертвам. Каждый отец, каждая мать должна быть готова, как говорится в наших эпических песнях, отдать своего сына для дела народа...”⁴⁷

При анализе конкретных жизненных историй мы не встретили ни одного случая следования этому рецепту со стороны отца или матери чеченского боевика, но безусловно сам по себе столь мощный постулат радикально сузил информационное поле и набор вариантов действий чеченцев в пользу варианта “жертвы во имя нации”. Явление, “когда люди умирают за нацию”, психолог Пол Стерн объяснил именно ограниченной информацией о доступных вариантах действий, а не неким “базовым” инстинктом или человеческой потребностью⁴⁸. Вырваться из этого состояния отдельному индивиду крайне трудно. Здесь действует не просто логика коллективного поведения, когда следование за другими сулит каждому часть общего дивиденда. В ситуации вооруженного конфликта и войны действуют предписания гораздо более мощные, в том числе и насильственное принуждение. Таким образом, важнейшим признаком состояния демодернизации возможно назвать *узурпацию ментального мира упрощенными и ограниченными версиями происходящего, как в прошлом, так и в настоящем.*

Другим проявлением состояния демодернизации мы можем назвать *исход из общества альтернативных сил*, способных составить необходимую повестку дня для современной жизни этого общества и обеспечить в этой повестке такие ключевые моменты, как хозяйственное и политическое управление, образование и культурное производство, социальная забота. Такой исход имеет разные причины и разные формы, но в целом он наш характер неприятия или протеста. Из Чечни сначала была вынуждена уехать подавляющая часть представителей нечеченского населения, а также некоторые наиболее просвещенные и социально удачливые чеченцы. Затем вооруженный конфликт вытолкнул многих пострадавших от разрушений жителей городов и ряда сел. Но в то же время Чечню покидали и те, кто не хотел оставаться, а тем более оставлять своих детей в обществе, которое оказалось ввергнутым в разрушительный конфликт. Наконец, после войны из Чечни уехали и те, кто не мог или не хотел связывать свою жизненную стратегию с призывом строить новое чеченское государство. В итоге свыше половины населения Чечни, причем его социально продвинутая часть (прежде всего в образовательно-профессиональном смысле) покинули полуразрушенную войной республику.

В данном случае число и качество совершивших исход по отношению к общей численности населения республики обретает принципиальный характер, ибо меняет социально-культурное содержание самой группы. Вместо достаточно отчетливо осознающего и воспроизводящего свою культуру и идентичность чеченского народа, находившегося в многоэтничном окружении, мы имеем этнически гомогенное население Чечни, власть над которым узурпировала вооруженная его часть. Подобные ситуации многократно случались в истории и имеют место в ряде современных глубоких конфликтов, но только они никогда не рассматривались в контексте идеи демодернизации.

Демодернизация означает такое радикальное изменение социальных связей и институтов, при котором утрачивается казалось бы всеобщая способность человеческих коллективов к самоорганизации. Это, конечно, не означает полный социальный хаос, ибо общество сохраняет такие основополагающие институты, как, например, семья и даже управление на уровне местных общин. Хотя последние также подвергаются мощной эрозии. Семьи и семейные связи оказываются нарушенными, сложившиеся нормы отношений меняются, мораль и психологический климат диктуются переживаемыми травмами и непереживаемыми до этого жизненными проблемами. В управление на уровне малых территориальных сообществ, помимо избранных авторитетов или назначаемых лидеров, вторгаются самозванцы, диктующие волю остальным с помощью автомата Калашникова. Власть на более высоком уровне также базируется не на политическом процессе отбора и легитимации лидеров, а на вооруженной силе.

Особенно характерно появление лжекоалиций и мифических социальных структур как возможное спасение от хаоса или как средство нового контроля и социальной стратегии в ситуации глубокого конфликта. Такими лжекоалициями (т.е. вызванными войной и только ей) в Чечне стали не только объединения по принципу “зон командования” и “военных фронтов”, или партии ветеранов-комбатантов, но даже и те, что камуфлируются под традиционную форму клановых (тейповых) коалиций. Наш анализ показал, что вооруженные группировки – это крайне эфемерные коалиции, а солидарность боевиков не распространяется дальше преданности членам микрогрупп – обычно выходцев из одного села, над которыми может быть “городской” командир. Что касается тейпов, то за этой метафорой в каждом конкретном случае легче и определеннее вычлняются или расширенные родственные связи, или солидарность по местности происхождения и проживания, или же комбинация первого и второго.

Чеченское общество в период конфликта отличает еще одна черта – уход в прошлое для обоснования (аргументации) современной жизни и действий, а также пародирование (копирование) заим-

ствованных (чужих) проектов. Фактически вся аргументация чеченского сопротивления (или чеченской революции) была построена на драматической презентации прошлого, а именно, Кавказской войны XIX в. и коллективной травмы сталинской депортации. Поиск в прошлом якобы утраченной нормы (своего рода идеального, несуществовавшего чеченского общества) сохраняется как главная тема элитных дебатов и в послевоенной Чечне. Местные газеты в 1996–1999 гг. были заполнены на 70–80% статьями историков, фольклористов, археологов или журналистско-публицистическими очерками на эту тему.

Что касается внешних заимствований, то они также сопровождали чеченское общество до, во время и после войны. Сначала переписывались тексты документов литовского Сайюдиса и эстонского Народного фронта для составления собственных политических платформ. Затем копировались действия и атрибутика вооруженных комбатантов из других исламских регионов мира и не только из них. Наконец, был заимствован Суданский кодекс шариатского права для утверждения сходной модели в самой Чечне.

Подобные явления характеризуют недостаток собственной компетенции общества, пожелавшего выйти из существующей системы, что само по себе распространено в период радикальных трансформаций. *Демодернизацией можно назвать ту часть заимствований, которая явно не соответствует принятым в данном обществе и разделяемым его населением на протяжении длительного периода нормам и ценностям.* Таковыми для Чечни являются европейские нормы, даже при том, что они утвердились в деформированных советским режимом формах и сосуществовали с так называемыми традиционными институтами и ценностями. Хотя, как отметили Джабраил Гакаев и Сергей Арутюнов, чеченское общество заключало в себе и изрядную долю “ценностей”, условно называемых “азиатскими”, если к таковым относить прежде всего нормы и обычаи, связанные с исламом.

Но главная проблема обращения к прошлым нормам и к заимствованиям – это отказ обществу в собственном творчестве и в тех инновациях, которые порождены прежде всего местной спецификой. Состояние постконфликтной демодернизации – *следствие того, что хотя общество и может преодолеть кризис, но оно неспособно это сделать без внешнего содействия.* Это, например, касается системы жизнеобеспечения, поскольку в результате войны формальная экономика оказывается разрушенной, и люди из нее уходят ради обеспечения личного выживания. Такой вариант наблюдается почти во всех вооруженных конфликтах⁴⁹, и Чечня не является исключением.

Еще одна черта демодернизации – *состояние апатии и пренебрежения к человеческой жизни и к общеразделяемым жизненным нормам.* Безысходность как доминирующий мотив настроений

встречается достаточно широко в постконфликтных ситуациях. Весной 1992 г. вочию наблюдал ее Цхинвали (Южная Осетия, Грузия), а в октябре 1995 г. особенно отчетливо в Чечне. Приводимые в книге свидетельства показывают среди кого и в каких формах проявляется это состояние.

Социальные психологи выделяют явления постконфликтной травмы или посттравматического стресса, что является скорее медико-биологической категорией и концептом психоанализа. Мы же обращаем внимание на более широкий социальный контекст того же самого явления. Апатия особенно фиксируется в годы, которые следуют сразу за разрушительной войной. Она обрела в Чечне массовый характер и выражается в отказе от собственной политики, в готовности следовать любому варианту “порядка”, даже самому фантастическому в виде дальних внешних спасителей. Апатии подвергаются все группы населения, но особенно мужчины, хотя женщины могут чаще выражать подобные чувства.

Прекрасный пример – свидетельство жительницы Грозного Марины, которое относится к 1997 г. Здесь весь набор феномена постконфликтной апатии, но привлекает внимание одно важное обстоятельство: в отличие от большинства мужчин, в том числе и в собственной семье, Марина продолжает заниматься делом. Она торгует на рынке.

“Сейчас по-прежнему торгуем на рынке. Сегодня только чувство безысходности, нет перспективы, денег нет, жизнь дорожает. Хуже, наверное, не будет... Ваххабизм – это тоже игра, это политический спектакль. Во время войны говорили, что нас передали Англии. Мы радовались, что наведут порядок. Но пока что-то ничего не видно. От Москвы нам ждать нечего. Масхадов ездит в Америку, Турцию, но народу легче не становится. Масхадов свою роль сыграл. Люди очень верили ему, но он разочаровал их. Теперь должен придти новый человек, незапятнанный. Они все связаны: нет разницы что Масхадов, что Басаев. У ваххабистов есть и хорошие черты – сплоченность, прежде всего, уважение друг к другу, и у них есть деньги. Люди уже говорят, пусть даже они придут. Может хоть тогда жизнь наладится, дети будут учиться. Мы бы хотели достаток в среднем 100 долл. в месяц на семью на самое необходимое. Это уже превратилось в мечту. О роскоши мечтать не приходится. О себе даже не думать, никакого самообразования, мы все оупели. У нас регресс, народ откинут на 50 лет. Сложно сказать, чем все закончится”.

Наконец, возможно выделить особое состояние симбиоза нетерпимости и конформизма. В период войны особо эффектными выглядели массмедийные демонстрации храбрости и щедрости чеченцев, когда они выпускали из плена офицеров и солдат федеральной армии. Особенно театрально-драматично выглядело это действие, когда совершалось в присутствии солдатских матерей. Собственно само движение возникло по причине установки на демонстрационный эффект освобождения. Последующие события в Чечне показа-

ли сохранившуюся поведенческую модель жестокого отношения к человеку, особенно к вооруженному противнику и даже не противнику (например, убийство дагестанских и ставропольских милиционеров, расстрел пленников, калечение заложников), и показательно-демонстрационную (вполне может быть искреннюю) установку на прощение противника в наиболее унижительной форме.

Все вместе перечисленные факторы позволяют определить состояние общества, которое мы предлагаем назвать состоянием *де-модернизации* или *демодекна*. *Это ситуация разрушенных вооруженным конфликтом социальных институтов и связей, а также радикального ослабления ресурсов общества, которые не позволяют ему восстановить свой статус-кво, тем более обеспечить развитие, и порождают стратегию обращения к давно забытой норме или к неадекватному внешнему заимствованию.*

Собственно говоря, никакое общество не гарантировано от возврата к прошлым нормам, но *ситуация де-модернизации – это обязательно возврат или движение вспять*. Это может быть также избобрение или заимствование неприемлемых проектов и правил, которые в данный момент существуют в других обществах. *Социальный де-модерн может вполне существовать в контексте самых современных человеческих технологий и пользоваться их услугами, например, средствами электронной коммуникации и масс медиа, включая аудиовизуальные записи как часть технологии современной торговли людьми (пленники-заложники за выкуп).*

Выход из ситуации де-модернизации крайне труден и обязательно возможен. Никто и никогда не доказал, что общественная эволюция всегда имеет некую “прогрессивную” направленность. К тому же война и политическое насилие в эту категорию никогда и не попадали, если только позднее не переосмысливались как “освободительные”, “революционные”, “справедливые”, чтобы обрести историческую легитимность.

Какие возможны внешние рекомендации со стороны изучающего феномен войны и конфликта? Во имя чего и для кого выполняется исследование, жанр которого объявлен как “публичная антропология”, т.е. антропология срочной общественной значимости и задачей которого является стремление с научных и гражданских позиций найти пути и союзников преодоления глубокого кризиса? Эту “нормативную” часть исследования я сохранил для заключительной главы книги и для помещенных в приложении авторских документов.

¹ См. ряд общих работ и обзоры зарубежной литературы: *Gurr T.R., Harff B. Ethnic Conflict in World Politics*. Boulder; San Francisco, 1994; *Horowitz D. The Deadly Ethnic Riot*. Berkeley, 2001; *Stavanhagen R. Ethnic Conflicts in the Nation-state. Nationalism and Ethnic conflict; an International Security Reader / Ed. M. Brown. Massachusetts, 1997.*

² См., например: Балканы: Между прошлым и будущим. М., 1995; *Мартынова М.Ю.* Балканский кризис: народы и политика. М., 1998; *Романенко С.А.* Югославия: Кризис, распад, война: Образование независимых государств. М., 2000; Косовский кризис. Международный аспект / Под ред. Д. Тренина, Е. Степановой. М., 2000; *The Yugoslav War, Europe and the Balkans. How to Achieve Security?* Ravenna, 1995; *Woodward S.* Balkan Tragedy. Wash., 1996; *Why Bosnia? Writings on the Balkan War* / Ed. R. Ali. Connecticut, 1993; *Malcolm N.* Bosnia. A Short History. L., 1994.

³ *Searching for Peace in Africa. An Overview of Conflict Prevention and Management Activities*. Ed. M. Mekenkamp, P. van Tongeren, H. van de Veen. Utrecht, 1999.

⁴ См.: *Stiefel M.* Rebuilding after War: A summary report of the war-torn societies project. Geneva, 1998; *Carbonnier G.* Conflict, Postwar Rebuilding and the Economy. A Critical Review of the Literature / The War-torn societies project occasional paper, 1998. N 2. *Sorensen B.* Women and Post-conflict Reconstructions. Issues and Sources. The War-torn societies project occasional paper Geneva. 1998. N 3.

⁵ *Tishkov V.A.* Understanding Violence for Post-Conflict Reconstruction in Chechnya. Centre for applied studies in International Negotiations Report. Geneva, Jan. 2001.

⁶ См. обобщающую работу: *Конфликты в современной России. Проблемы анализа и регулирования* / Под ред. Е.И.Степанова. М., 1999.

⁷ *Гакаев Дж.* Чеченский кризис: Истоки, итоги, перспективы: Политический аспект. М., 1999.

⁸ Фундаментальную библиографию по проблемам антропологического изучения войны и мира см.: *Ferguson B.* with *A. Farragher.* The Anthropology of War: A Bibliography. N.Y., 1988. В 1988 г. вышел первый скромный указатель антропологов, занимающихся проблемами мира, международной безопасности и разрешения конфликтов: *Directory of anthropologists working on topics of peace, international security and conflict resolution* / Ed. R.A. Rubinstein and M. LeCron Foster. / Commission on the Study of Peace International Union of Anthropological and Ethnological Sciences. 1988.

⁹ См., напр.: *Premdas R.* Ethnic Conflict and Development: The Case of Fiji. Aldershot, 1995; *Idem.* Ethnic Conflict and Development: The Case of Jnyana. Aldershot, 1995; *Nnoli O.* Ethnicity and Development in Nigeria. Aursot, 1995.

¹⁰ *Peace and War: Cross-Cultural Perspectives* / Ed. M.L. Foster, R.A. Rubinstein. New Brunswick, 1986; *R.A. Rubinstein, M.L. Foster.* The Social Dynamics of peace and Conflict: Culture in International Security / Ed. Boulder, 1988.

¹¹ См. соответствующую оценку этого направления современного антропологического знания: *Rubinstein R.A.* Collective Violence and Common Security // *Companion Encyclopedia of Anthropology* Ed. *Ingold T. L.*, N.Y. 1994, P.983–1009.

¹² Подробнее см.: *Tishkov V.* Ethnic Conflicts in the Former USSR: The Use and Misuse of Typologies and Data // *Journal of Peace Research.* 1999. Vol. 36, N 5, P. 1–21.

¹³ *Lustick I.*, *Unsettled States, Disputed Lands: Britain and Ireland, France and Algeria, Israel and the West Bank-Gaza.* Ithaca; L. 1993.

¹⁴ *David D.* Laitin. Identity in Formation. The Russian-Speaking Populations in the Near Abroad. Ithaca; L. 1998.

¹⁵ *Brubaker, R.* Nationalism Reframed. Nationhood and the National Question in the New Europe. Cambridge, 1996; *Suny R.G.* The Revenge of the Past. Nationalism Revolution, and the Collapse of the Soviet Union. Stanford, 1993.

¹⁶ Релятивистская теория нации / Под ред. А.Г. Здравомыслова. М.,

¹⁷ Conflict: Human Needs Theory / Ed. J. Burton. L., 1990; *Burton J.* Conflict: Resolution and Prevention. L., 1990.

¹⁸ *Sandole D.*, Conflict Resolution in the Post-Cold War Era: Dealing With Ethnic Violence in the New Europe. Working Paper N 6. Institute for Conflict Analysis and Resolution: George Mason University, Fairfax, 1992. P. 12.

¹⁹ *Fisher R.* Needs Theory, Social Identity and an Alectetic Model of Conflict // Conflict: Human Needs Theory. J. Butron. A., P. 92–93.

²⁰ Конфликты в современной России. С.324 (перечень этих “потребностей” см.: Там же. С.324–325).

²¹ *Gurr, T.R.* Minorities at Risk. A Global View of Ethnopolitical Conflicts. Wash. 1993; *Gurr T.R, Harff B.* Op. cit.

²² *Païc K.* Во имя национальных интересов // Pro et Contra. 2000. Весна. Т. 5. № 2. С. 103–120.

²³ Об этом проекте см.: Working Papers State Failure Task Force Reportю 1995. 30 Nov.; Inventory of Security Projects. Projects on World Security Rockefeller Brothers Fund. N.Y., 1997.

²⁴ О самоопределении см.: *Hannum H.* Autonomy, Sovereignty and Self-Determination. The Accommodation of Conflicting Rights. Philadelphia, 1990; *Thomas D. Musgrave.* Self-Determination and National Minorities. Oxford, 1997; *Starovoitova G.* National Self-Determination: Approaches and Case Studies. *Thomas J. Watson Jr.* Institute for International Studies. Occasional Paper. Providence, 1997. N 27.

²⁵ О правах и свободах народов см.: “Права и свободы народов в современных источниках права: Сб. документов / Отв. ред. Р.А. Тузмухамедов. Казань; 1995; *Абашидзе А.Х.* Защита прав меньшинств по международному и внутригосударственному праву. М., 1996. Специально вопросы самоопределения в контексте прав меньшинств см.: *Соколовский С.В.* Права меньшинств: Антропологические, социологические и международно-правовые аспекты. М., 1997; *Старовойтовой Г.В.* Op. cit.

²⁶ *Musgrave T.D.* Self-Determination and National Minorities. Oxford; 1997. P. 256–257.

²⁷ *Trudeau P.* Against Nationalism // New Perspectives Quarterly. 1990. Vol. . P. 60.

²⁸ *Бутрос-Гали Б.* Повестка для мира. Нью-Йорк, 1992.

²⁹ *Перепелкин Л.С.* Чеченская Республика: Современная социально-политическая ситуация // ЭО. 1992. N 1. С. 5.

³⁰ *Петров Н.В.* и др. Чеченский конфликт в этно- и политико-географическом измерении Изд. 2-е, перераб. и доп. // Политический ландшафт России. Бюллетень. 1995. Янв. С. 21.

³¹ *Bennigsen A., Wimbush S.E.* Mystics and Commissars. Sufism in the Soviet Union. L.

³² Chechnia Report. International Alert. L., 1992. P. 56.

³³ Известия. 1995.7 февр. Статья И. Клямкина.

³⁴ Независимая газета. 31.12.1994. 31 дек. Статья А. Мальшенко.

³⁵ Независимая газета., 22.09.1994. 22 сент. Статья Я. Чеснова.

³⁶ Арутюнов С.А. Законы гор вне законов равнин // Итоги. 1999. 19 янв. С. 14–16.

³⁷ См., например: Нунуев С.-Х. Нахи и священная история. Ярославль, 1998.

³⁸ Общая газета. 1995. 9–15 февр.

³⁹ Известия. 1995. № 23–26. 7, 8, 9, 10 февр.

⁴⁰ Независимая газета. 1995. 17 февр.

⁴¹ Русский порядок. 1995. № 1–2. С. 8.

⁴² Московские новости. 1995. 25 дек.

⁴³ Известия. 1995. 2 марта.

⁴⁴ Тишков В.А. Чеченский кризис: (Социально-культурный анализ) // Тишков В.А. Очерки теории и политики этничности в России. М., 1997. С.405–477.

⁴⁵ Известия. 1995. 2 марта.

⁴⁶ Яндарбиев З. Чечения – битва за свободу. Львов, 1997.

⁴⁷ Там же. С. 15, 43.

⁴⁸ Stern P. Why do People Sactifice for Their National? // Political Phychology. 1995. Vol. 16. N 2. P. 217–235.

⁴⁹ Об экономических проблемах реконструкции постконфликтных обществ см. Carbonnier G. Conflict, Postwar Rebuilding and the Economy. A Critical review of the Literature. The War-torn societies project occasional Paper. Jeneva, N 2. 1998.

Глава III

ПОЛИТИКА РЕПРЕССИЙ И ПОЛИТИКА ПРЕСТИЖА

*У меня возник вопрос, если предали они свою
землю, свою родину, то почему же тогда они ее
так любят. Все плачут. Все страдают. Все меч-
тают.*

О том, что предал, страдать не будешь

Хажбикар Боков

О ПОЛЬЗЕ И ВРЕДЕ ИСТОРИИ ЭТНОГРАФИИ

Одна из устойчивых отечественных традиций обществоведческого (в том числе этнографического) анализа – поиск ответов на современные проблемы в истории, причем, чем глубже этот экскурс, тем убедительнее представляется объяснение проблем. На академическом языке такой подход называется *историзмом*. Как писал выдающийся советский этнограф С.А.Токарев, “основной принцип этнографической науки в понимании советских ученых, как и основной принцип всего марксистского мировоззрения, исторического материализма, – это принцип *историзма*”¹. Другими словами, каждое явление, особенно культурное, можно понять только в его развитии и с учетом “этногенетических” факторов.

Не является исключением чеченская “национальная революция” и война в Чечне, породившие массу интерпретаций с тотальным использованием в дебатах всей известной (и выдуманной) истории чеченцев, Чечни и отношений этого региона с остальной Россией. Совсем неслучайно родилась после подписания договора с Асланом Масхадовым в Кремле в мае 1997 г. фраза Бориса Ельцина: “Мы покончили с 400-летней враждой”. Конфликт и его объявленное разрешение казались двум лидерам и их идеологам результатом прежде всего давней истории. Эта фраза – блестящая иллюстрация воздействия на политиков плотного исторического дискурса, в котором видится современное социальное действие.

На десятках конференций и дискуссий, посвященных чеченской войне, в которых мне довелось участвовать за последние годы, шли преимущественно дебаты об истории Чечни и России или истории непосредственно самого конфликта. Даже на конференции, названной “Чечня: что дальше и где ключи решения проблемы?”. Организована и проведена Московским центром Карнеги 20 января 2000 г.) докладчики Шамиль Бено и Эмиль Паин и участники дискуссии говорили фактически только о том, что произошло в прошлом.

Моя методологическая позиция исходит из того, что исторический и этнический факторы не лежат в основе конфликтов в регионе бывшего СССР, включая Чечню и в целом Северный Кавказ². Это прежде всего современные конфликты современных участников (акторов) социального пространства и по поводу современных проблем и устремлений. К подобному заключению приходит также ряд исследователей, изучающих эту проблему в странах бывшего СССР и в других регионах мира³. Тем не менее, мы отдаем должное истории как мощному объяснительному и мобилизационному ресурсу, а также как одному из жанров академического нарратива.

И все же насколько глубоко необходимо заглянуть в прошлое, чтобы не просто рассказать о сегодняшней Чечне и о чеченцах, но и взять из этого прошлого аргументы, объясняющие происходящее. Вообще, возможен ли в рамках отечественной обществоведческой традиции взгляд на современность с полезным привлечением материалов истории или мы обречены полагать, что современность – это не более чем плохо осознаваемая нами реализация прошлого или же своего рода кара за его игнорирование или незнание? Наконец, сколько и какого прошлого требуется, чтобы понять суть и динамику конфликта в Чечне или же обеспечить ложную версию как одну из его составляющих?

Сразу же отмечу, что знание, а точнее, сведения о Чечне и о чеченцах и понимание насильственного конфликта – это разные вещи. Как справедливо заметил один из писателей, кто был на войне, может чувствовать войну и не понимать ее; кто не был на войне может понимать, но не чувствовать войну. Тем не менее знание и понимание тесно связаны между собой. Имеют прямое отношение к пониманию конфликта в Чечне имеют и историко-этнографические сведения. Это только внешний мир как бы впервые услышал слова и “открыл” для себя Чечню и чеченцев в начале 1990-х годов. В какой-то мере то же самое можно сказать и о новом поколении россиян, включая журналистов и ученых. Но в целом багаж гуманитарного знания в области отечественного кавказоведения достаточно обширен и представлен многими выдающимися именами ученых и их трудами⁴. Хотя этот багаж, а тем более обращение к нему тоже требуют критической оценки с точки зрения избранных мною темы и метода анализа.

В самом начале XX в. известный российский ученый, академик Лев Штернберг написал краткую статью “Чеченцы” для Энциклопедического словаря Брокгауза и Ефрона (1903. Т. 76. С.785–786). Этот текст отразил как имевшийся этнографический материал и теоретический уровень науки, так и некоторые стереотипы европоцентристской и колониалистской по духу российской этнографии. Другой этнографии, кроме как взгляда “европейцев” на “дикие народы” или на “инородцев” в ту пору в мире и не существовало. Пре-

жде чем привести извлечения из статьи Штернберга, сделаем несколько предварительных замечаний.

До рождения профессиональной дисциплины в конце прошлого века за “этнографию” часто выдаются описания, дневники и отчеты о разных местах и населяющих их народах, которые были составлены путешественниками, миссионерами, писателями, охотниками и очень редко – учеными-исследователями. Территория нынешней Чечни не была полем активной деятельности ранней российской науки. Одними из самых первых могут быть названы труды профессора Петра Палласа, который совершил в 1773 г. путешествие по Кавказу и положил начало этнографическому описанию народов северо-восточной части региона. В самом начале XIX в. территорию проживания чеченцев и ингушей обследовал Генрих Клапрот, которого интересовали языки, быт, устройства горских поселений. В 1959 г. историк А.П.Берже написал первую книгу о Чечне и чеченцах⁵. Во второй половине XIX в. были выполнены труды по археологии Кавказа Всеволода Миллера, который открыл миру уникальную каменную архитектуру Чечни и Ингушетии. Появились этнографические описания ученых и просветителей из числа самих кавказских народов, и среди них работы ингуша Чаха Ахриева и чеченца Умалата Лаудаева⁶.

Из ранних сведений некоторые принадлежат иностранным авторам и содержат помимо интересных деталей довольно упрощенные взгляды как на культурную мозаику региона, так и на оценки политической ситуации внутри и вокруг Северного Кавказа. А.И.Мусукаев и Й.Маттис недавно издали русские переводы некоторых из таких источников. Составленная в Лондоне в 1788 г. “Записка к карте стран, расположенных между Черным и Каспийским морями, с перечислением кавказских народов и словарей их языков” никаких особых сведений, кроме уже известных из работ Палласа, не содержит (обычное грубое деление на “черкесов” и “татар”). Другой источник – “Отчет Эдинбургского миссионерского общества за 1817 год с приложением географического и исторического описания миссионерских пунктов в азиатской России” выделяет народ кисты из черкесов, поскольку они “говорят на отличном от других племен языке”: “Кисты – очень сильный и многочисленный народ и делятся на три племени: чеченцев, карабулаков и ингушей. Все племена говорят на одном и том же языке, но диалекты немного отличаются друг от друга. Чеченцы являются одним из самых воинственных и беспокойных племен, живущих вдоль русских укрепленных линий. Они заселяют высокие неприступные горы и непроходимые теснины, и любая попытка вытеснить их из этих созданных природой крепостей обречена на неудачу”⁷.

Однако вернемся к статье Штернберга, в которой чеченцы определялись как “кавказская народность восточно-горской группы, занимавшая до войны (имеется в виду Кавказская война XIX в. – В.Т.)

Чечня, жители с. Мелхисты. 1939 г. (Архив ГМЭ)

территорию между реками Аксаем, Сунжей и Большим Кавказским хребтом, а ныне живущая смешанно с русскими и кумыками в Терской области, между Терекком и южной границей области”. Всех чеченцев, не считая ингушей, числилось на 1887 г. 195 тыс. Свое название они ведут от названия аула Большой Чечен, “служившего некогда центральным пунктом для всех собраний, на которых обсуждались военные планы против России” (?). О древнейших судьбах чеченского племени не имеется никаких данных, кроме фантастических легенд о чужеземцах (арабах), основателях этого народа. До 1840 г. отношение чеченцев к России было более или менее мирное, “но в этом году они изменили своему нейтралитету и, озлобленные требованием со стороны русских о выдаче оружия, перешли на сторону известного Шамиля, под предводительством которого в течение почти 20 лет вели отчаянную борьбу против России, стоившую последней огромных жертв. После войны часть чеченцев эмигрировала в Турцию, а часть переселилась с гор на плоскость”.

Далее автор написал несколько десятков строк, в которых перемешались фантазия и более точные данные и которые со временем превратились в этнографический стереотип. «Чеченцы высокого роста и хорошо сложены. Женщины отличаются красотой. В антропологическом отношении чеченцы представляют тип смешанный... (далее идут антропометрические данные). Чеченцы считаются людьми веселыми, остроумными (“французы Кавказа”), впечатлительными, но пользуются меньшими симпатиями, чем черкесы,

Чеченец с. Саярсана Ножай-Юртовского района. 1970 г. (Фото Б.А. Калоева)

вследствие их подозрительности, склонности к коварству и суровости, выработавшихся, вероятно, во время вековой борьбы (?). Неукротимость, храбрость, ловкость, выносливость, спокойствие в борьбе – черты чеченцев, давно признанные всеми, даже их врагами. В обыкновенное время идеал чеченцев – грабеж. Угнать скот, увести женщин и детей, хотя бы для этого пришлось ползти по земле десятки верст и при этом рисковать своей жизнью – любимое дело чеченца....Во время своей независимости (?) чеченцы, в противоположность черкесам, не знали феодального устройства и сословных разделений. В их самостоятельных общинах, управлявшихся народными собраниями (?), все были абсолютно равны (?). Мы все “уздени” (т.е. свободные, равные), говорят теперь чеченцы. У немногих только племен были ханы, наследственная власть которых ведет свое на-

чало от эпохи магометанского нашествия. Этой социальной организацией (отсутствие аристократии и равенство) объясняется та беспримерная стойкость чеченцев в долголетней борьбе с русскими, которая прославила их геройскую гибель (?). Единственным неравноправным элементом среди чеченцев были военнопленные, бывшие на положении личных рабов...».

Этот канонический текст фактически не подвергался сомнению почти сто лет. Более того, он стал отправным для многих кавказоведов и специалистов по Чечне, которые работали в последующем. В 1920–1930-е годы были созданы новые искусствоведческие, лингвистические, археологические и этнографические работы, а также написаны историко-краеведческие очерки чеченского писателя Халида Ошаева⁸. С 1935 г. в Чечено-Ингушетии начала работать Северокавказская археологическая экспедиция Института археологии АН СССР под руководством известного археолога Е.И. Крупнова, который не только опубликовал солидные труды по древней истории Северного Кавказа⁹, но и позднее сыграл важную роль в воспитании молодых ученых из числа чеченцев и ингушей после возвращения их из депортации.

Р.М. Мунчаев, нынешний директор этого института и участник Северокавказской экспедиции в 1950–1960-е годы, так оценивает этот момент в истории изучения истории и культуры региона:

«С Евгением Игнатьевичем Крупновым связано становление гуманитарной науки Чечено-Ингушетии. Он начал вести археологические раскопки в центральной части Ингушетии с середины 1920-х гг. и сделал там несколько открытий древних могильников и средневековых курганов. Все работы организовывались с активным участием местных специалистов и рядовых жителей из числа молодых людей. У него там было много друзей, и он любил этот край и ценил культурные традиции местного населения. Затем он ушел на фронт, а потом рассказывал, что он плакал, когда из рядов его фронтовых товарищей “выдергивали” ингушей и чеченцев и отправляли их в ссылку. После окончания войны Крупнов возобновил раскопки и перенес исследования в Чечню. Он тогда говорил нам, что мы все в долгу перед этим народом и нужно срочно ликвидировать отставание в изучении его прошлого и культуры. Это было не просто, когда даже упоминания чеченцев и ингушей стали редкими. В рамках Северокавказской экспедиции с 1956 г. высоко в горах Чечни начал работать отряд В.И. Марковина. Я с отрядом начал раскопки у Сержень-Юрта, где с 1955 по 1967 г. проводил ежегодные работы. В Чечне Крупнов работал еще почти двадцать лет главным образом в районе села Бамут, где были найдены два могильника и поселение эпохи бронзового века. Это очень интересные памятники, и мы издали вместе с Крупновым две монографии.

Северо-Кавказская археологическая экспедиция, 1961 г., село Бамут. Среди студентов Грозненского университета начальник отряда Р.М. Мунчаев (в центре), слева от него В.Б. Виноградов.

В 1957 г. был создан при нашем содействии Чечено-Ингушский научно-исследовательский институт истории, языка и литературы во главе с А.А. Саламовым, а его заместителем был прекрасный чеченский ученый и писатель Халид Дудаевич Ошаев, который кроме научных трудов¹⁰ написал талантливую книгу “Конец вендетты”. Тогда не было никакого серьезного учебного пособия по истории Чечено-Ингушетии, и Крупнов поставил такую задачу. Он даже пригласил на раскопки Василия Прокопьевича Любина, который нашел памятники времен палеолита. Тогда был подготовлен первый проспект древнейшей истории региона»¹¹.

В своей обобщающей работе по археологии Кавказа в эпоху ранней бронзы Р.М.Мунчаев приходит к следующему выводу о культурно-историческом развитии Северного Кавказа, Закавказья и Дагестана, Кавказского Причерноморья: “Развиваясь во взаимовлиянии между собой и с культурами смежных территорий, племена раннебронзового века Закавказья и Северного Кавказа создали оригинальные культуры, отличные по своему материальному облику друг от друга, а в еще большей степени от культур сопредельных с юга и севера областей... Возникают, естественно вопросы: кто же носители этих самобытных и оригинальных культур Кавказа изучаемой эпохи, на каком языке или на каких языках они говорили и, наконец, можно ли считать их хоть в какой-то степени отдаленными предками современных коренных народов Кавказа?”¹². Как настоя-

Северо-Кавказская археологическая экспедиция, 1962 г., село Сержень-Юрт. В центре сидят В.И. Козенкова и Е.И. Крупнов. Сзади стоит третий слева М.Б. Пиотровский, будущий директор Эрмитажа.

щий профессионал, ученый осторожен в своих заключениях о так называемых “этногенетических связях”, его смущают слишком прямолинейные и малообоснованные культурно-языковые параллели, особенно с древнейшими очагами человеческой цивилизации в Вавилонии и Месопотамии, где в последующем проводил свои исследования Р.М. Мунчаев. Тем не менее именно вокруг этих сюжетов потом расцветут паранаучные построения чеченских радикальных националистов и идеологов “чеченской уникальности”, о которых пойдет речь в последующих главах книги.

За последние десять лет число пишущих и количество написанного превзошло все, что было сочинено до этого о Чечне и чеченцах. Незыблемым и расцвеченным современным фантазиями остался только образ “французов Кавказа” – своего рода новое издание колониальной этнографии, но уже направленное против “мини-империи” – Российской Федерации.

В задачу книги не входит обстоятельный исторический анализ. Однако XX век, в том числе и последние десятилетия, оказали столь сильное воздействие на Чечню и на чеченцев, что обращение к истории и ее новое прочтение необходимы, чтобы показать уязвимость некоторых устоявшихся историко-этнографических версий и найти новые ракурсы для объяснения произошедшего конфликта. В этой и последующей главе меня прежде всего интересует социально-культурная эволюция чеченцев как этнической

общности, а также как части населения Чечено-Ингушетии, затем Чеченской республики и остальной страны (СССР, затем Российской Федерации).

Самым слабым, хотя и наиболее привлекательным, представляется подход, который якобы реконструирует глубокое прошлое чеченцев как специфическое по своей социальной структуре и системе ценностей общество, неведомым для всех остальных образом дожившее до наших дней. Именно социальная структура (прежде всего тейпы и исламские вирды) вместе с традиционным правом, “в котором большую роль играло право (и обязанность, и институт) кровной мести”, породили общество, которое “культивирует (и предполагает), с одной стороны, сильнейшие ценности свободы и равенства, нежелание и, можно сказать, неспособность подчиниться какой-либо внешней и принудительной власти, с другой – развитие стремление к соперничеству (в рамках своего мира, своей социальной среды) и чувство чести”. Строя эти заключения на основе статей ряда авторов, редактор-составитель книги о Чечне Д.Е.Фурман делает вывод “о самом глубоком факторе”, определившем современный путь Чечни: “Эта система ценностей, в значительной мере сохранившаяся до сих пор, чеченское свободолобие и своеобразная динамика “анархической” разобщенности и сплоченности – важнейший источник того, что политическое развитие Чечни пошло по совершенно иному пути, чем у других народов и общая позднесоветская–постсоветская модель была здесь модифицирована “до неузнаваемости”¹³.

В чем уязвимость данной интерпретации, в плену которой оказались как искушенные специалисты, так и неофиты в области этнических проблем и “конфликтологии”? Во-первых, мировой социально-культурной антропологии неизвестны подобные общества “свободы и равенства”, “чести и достоинства”, кроме как в колониалистской традиции конструирования образа или общества “гордого дикаря” (*noble savage*). Этой традиции отдали дань не только Фенимор Купер и Лев Толстой, но и многие известные ученые, как, например, Л.Г. Морган и Н.Н. Миклухо-Маклай.

Современных поборников “гордой архаики” из числа активистов – защитников “меньшинств” и “аборигенов” огромное количество. В последнее время к ним добавились неуывающие воины “холодной войны”, борцы против коммунизма, переквалифицировавшиеся на борьбу против “имперских наций” (преимущественно русских, сербов и отчасти китайцев). Подобные открытия “самодостаточного общества”, в котором “в спокойной обстановке чеченцев, очевидно, еще долго жили бы своими тейпами”¹⁴, сейчас делаются довольно часто именно в тех ситуациях, когда нужно осудить “страшную внешнюю угрозу – русское завоевание” (опять же слова Д.Е. Фурмана) или объяснить, почему не получается эффективного политического управления или государственного принуждения в тех или иных ситуациях.

Один из наших чеченских информантов (бывший школьный учитель) сказал фразу в ее казалось бы обыденном смысле: “видимо, история ничему не учит”. Однако в данном случае есть основание говорить не столько о пользе, сколько о вреде истории, когда дальние исторические экскурсы и культурные параллели (чеченцы сравниваются с древними эллинами, Энеями с гранотометами¹⁵) освобождают от более жесткого и, возможно, политически некорректного анализа. Не может же захват чужой собственности или денежное вознаграждение за исполнение насилия сравниться с литературной красотой толстовского Хаджи Мурата или с высказыванием Солженицына о чеченцах в депортации как представителем единственной нации, никому не подчинявшейся в условиях ГУЛАГА!

В практике использования антропологом исторических аргументов, вероятно, самый оптимальный подход – это прежде всего взгляд на жизнь современных поколений, т.е. на непосредственную, лично пережитую историю (конкретный опыт или практика). Все остальное передается через устную традицию, печатные тексты и пропаганду тех, кто специально этим занимается или возложил на себя добровольную миссию “сохранить (открыть, восстановить) историческую правду”. Никакой “генетики” в ее буквальном смысле слова здесь нет и быть не может, а поэтому и использование самого понятия типа “генетическая память” научно несостоятельно.

Еще более значим период исторического времени, который прожило поколение идеологов и лидеров вооруженной борьбы. Что, скажем, означает “их” история Чечни для Джохара Дудаева, Зелимхана Яндарбиева и Алана Масхадова, и как она соотносится с их личным жизненным опытом? Наконец, если можно это считать историей, каков прожитый личный опыт молодых чеченских боевиков: имеет ли он собственный смысл или же он полностью подчинен версии истории, предложенной старшими поколениями, а также непрожитой, вычитанной версии “древней истории”?

XX ВЕК И ЧЕЧЕНСКИЕ ВЕРСИИ ИСТОРИИ

Что мы обнаружили в чеченской версии истории, так это огромное значение исторического мифа о происхождении народа и периода сталинской депортации 1944 г., особенно для взрослого населения. Депортация – это начало истории современного поколения. Об этом свидетельствует тот простой факт, что у большинства взрослых чеченцев место рождения – это районы Казахстана и Киргизии. Период до депортации представляется довольно скупо: это в основ-

ном воспоминания дедушек и бабушек или пересказываемые семейные истории предков. Их глубина невелика, и редко какая из них составляет семь и более поколений, которые, как считается, должен знать каждый чеченец*. Но дореволюционный и ранний советский периоды в семейной памяти чеченцев присутствуют. Это время обычно связывается с государственной службой или с контактами, которые имели чеченцы с русскими и с другими соседями. Некоторые мои собеседники и друзья-коллеги из числа чеченцев были поздними детьми и имели престарелых родителей (отцов), которые прожили значительную часть жизни до и сразу после революции 1917 г. В их рассказах есть ряд важных моментов об истории чеченцев в этом столетии.

Один из сообщников, Хажбикар Боков родился в 1935 г., когда его отцу уже было 69 лет. Его мать была на 23 года моложе отца (см. фото родителей Х. Бокова на с.). Она родила 14 детей и, как сказал Хажбикар “была матерью и домохозяйкой-работницей”.

«От матери осталось только рассказов, что мне хватило сюжетов на всю жизнь. Отец хорошо говорил по-русски. Он служил в Польше и Финляндии. Был участником гражданской войны на стороне красных. А в 1933 г. его посадили за что-то на несколько лет. Только в 1978 году получил на него реабилитацию**. Отец был без средств и не мог мне обеспечить обучение, но никогда не мешал мне учиться, хотя было очень трудно. Я даже в школе прерывался на два года, чтобы работать. А писать я начал еще в школьные годы, и первые мои публикации были в “Павлодарской правде”. В 1955 году я встретил Валентину, она приехала из Орла в Павлодар работать инженером (см. фото Хажбикара и Валентины на с.). Когда я решил жениться на Ва-

* Здесь Джабраил Гакаев оспорил этот тезис, указав, что не только лично он, но и многие, кого он знает, хорошо осведомлены о своих родословных: “Я помню 14 поколений. Дудаев называл семь по матери, но не по отцу. Есть записи родословных, а я выучил от отца. Среди чеченцев есть самородки с прекрасной памятью. У меня был родственник по имени Мед. Он прожил сто лет. Служил еще в царской Дикой дивизии, нес службу в Зимнем дворце. Потом он даже преподавал историю в казахском селе в “совхозе имени Сталина” Чаыновского района Южно-Казахстанской области (любопытное соединение в советской топонимике имен палача Сталина и его жертвы Чаынова, сохранившееся в послевоенный период! – В.Т.). Он не только учил истории, но и многим рассказывал их родословные. У чеченцев есть элитные роды, и мой кейский род - это элитный род, среди членов которого устная история была очень сильной. Я назвал своего старшего сына в честь Меда. А сын самого Меда, Исмаил, тоже наследовал этот дар, и он был замечательный рассказчик”.

* Вот текст этого документа, написанный на бланке Верховного суда Чечено-Ингушской АССР (бланк на трех языках: чеченском, ингушском и русском): “Алихановой Х.Б., гор. Малгобек, ул. Горданова, 118. Справка. Постановлением Президиума Верховного Суда Чечено-Ингушской АССР от 27 апреля 1978 года в отношении постановления Тройки при ПП ОГПУ СКК и ДССР от 10 июня 1933 года в отношении БОКОВА Хакяша Дасхоевича, 1866 года рождения, ингуша, беспартийного, ранее не судимого, отменено и делопроизводство прекращено за недоказанностью предъявленного ему обвинения. Председатель Верховного Суда Чечено-Ингушской АССР К.Д.Бурмистров”.

лентине, родственники отговаривали брать “чужую”, а отец на это сказал: “Вот несчастные. Они думают, что Аллах только их и создал”. Он, бывало, любил попросить сварить ему борщ. Валентина проработала 25 лет деканом географического факультета и заведующей кафедрой экономической географии ЧИГУ. У нее у самой отец был расстрелян в 1937 году».

В воспоминаниях многих чеченцев о дедушках и прадедушках красной нитью проходит тема служения революции и необоснованных репрессий, которые обрушились на чеченцев без всяких причин и без разбора. Кто-то на кого-то писал, вернее, как вспоминает Жовзан Зайналабдиева, “поставил свои пальцы” под бумагами-доносами, ибо многие были неграмотны.

«Мой дедушка по отцу тоже был репрессирован. Его отец был знатным человеком (шейхом), так как на его могиле был домик*. Мой дед был за красных, он был первым председателем Энгинойского сельсовета, но ему поставили в вину, что он говорил: “пока все не наладилось, нужно сохранить обучение в школах на арабском алфавите, а с коллективизацией тоже не торопиться”. На это завели дело, и двое чеченцев поставили свои пальцы, что он так говорил.

Мой отец не помнил отца, помнил только, как уходил человек и погладил ему голову и сказал, что пока не вернется, голову ему пусть не бреют**. Ему так ни разу и не побрили голову, а только стригли волосы. Хотя у чеченцев есть обычай мальчикам и девочкам один раз брить голову. Для этого даже ищут хорошего (доброго) человека, чтобы был похож на него, когда вырастет. А вот отца потом стригли, но так и ни разу в жизни не побрили. Мой отец первый раз увидел фото своего отца уже в следственном деле. Это было маленькое фото, на котором мой дед в национальной рубашке и его глаза как бы спрашивают “За что?”».

В целом для современных чеченцев политика “глубоких воспоминаний” строится на тезисе о том, что их дедушки и прадедушки были верноподданными российского государства, несли разные службы, вплоть до воинской в императорской гвардии, а когда пришла революция 1917 г., то они приняли сторону большевиков и даже вступили в Красную Армию или исполняли различные гражданские должности вплоть до руководства местными органами совет-

* Жовзан, видимо, имеет в виду один из типов родовых святынь – *сиелинг* – каменные столбы особой формы, воздвигавшиеся в честь умерших, предков рода. Около них относившие себя к этому роду устраивали моления.

** Это распространенный обычай, заимствованный у тюркских народов. Чтобы ребенок рос здоровым и удачливым в раннем возрасте (3–5 лет) совершали обряд «первого бритья головы». При этом резали обычно жертвенного барана и звали родственников на угощение. Жабраил так рассказал мне про свой случай: “Отец побрил меня года в четыре, оставив на макушке клочок волос. Это было в году 1947–1948, во время ссылки. Я так с хохолком ходил пока волосы не отрасли. Но все равно детей брили и до, и после “первого бритья”. Обычно делали это пару раз в году. Иногда родители или кто-то из родственников сами стригли детей и друг друга. Парикмахерских в селах не было. Ездить в город было дорого».

ской власти. Однако многие из них были несправедливо репрессированы сталинским режимом.

Только с момента “национальной революции” начинают выстраиваться “новые генеалогии”, которые восходят к тем немногим чеченским “абрекам”, которые оказывали сопротивление как царской, так и советской власти на территории Чечни или за ее пределами в эмиграции. Два портрета из этой новой героической линии (известный абрек Зелимхан Харачоевский и бандит Хасу Шатоевский) Муса Гешаев включил в составленную им книгу “Знаменитые чеченцы”, изданную в Бельгии в 1999 г., но арестованную российской таможней. Новоявленные герои должны были доказывать тезис чеченцы никогда никакой власти, в том числе и советской, не подчинялись, а то, что они “способствовали победе большевиков”, так это они просто “попали в ловушку”¹⁶. Именно по причине радикального пересмотра чеченской истории в условиях и под влиянием конфликта, а также в целом постсоветских идеологических ревизий, было бы полезным изложить менее политизированный взгляд на историю чеченцев в XX в.

ПОЛИТИКА КОРЕНИЗАЦИИ

В советский период в культурной эволюции чеченцев, равно как и других этнических меньшинств СССР, произошли сложные и глубокие перемены. Советская политика коренизации¹⁷ 1920-1930-х годов, наряду с созданием этнотерриториальной автономии для чеченцев и ингушей, способствовала быстрому распространению у них грамотности и появлению интеллигенции. В борьбе за ликвидацию отсталости “национальных окраин” ранние установки большевиков предусматривали перевод образования на родной язык, что, в свою очередь, означало необходимость наличия письменности.

В 1914 г. в Чечне было 154 школы, имелся первый чеченский букварь на основе арабской графики. Школы действовали не только в Грозном – растущем центре российской нефтепромышленности, но и в некоторых горных селах. Однако среди чеченцев грамотных было менее 1%. Как отмечает исследовательница этого вопроса Зулай Хамидова, поскольку в XVIII–XIX вв. в их общественной жизни господствовал ислам, арабская письменность использовалась не только для религии, но и в делопроизводстве, официальной и частной переписке. В чеченском языке этого периода появляется значительное количество арабских слов. “Развитие чеченского языка в этот период происходило и за счет внутренних ресурсов при все более тесном взаимодействии носителей разных диалектов и говоров, что способствовало их сближению, стиранию различий между ними и выработке общих норм речевого поведения. Открытие школ, гимназий, появление новых букварей и учебников на чеченском языке способст-

вовало зарождению учебно-педагогической терминологии, употреблению языка в новой для него сфере деятельности. В этот период появляется чеченская интеллигенция”¹⁸.

Необходимо было избрать основу литературного языка, т.е. осуществить определенный выбор из довольно большого числа разных вариантов чеченского языка (так называемых “диалектов”). Небольшой круг образованной интеллигенции принял в этой работе активное участие. Был выбран диалект населения равнинных районов, прежде всего жителей Грозного и прилегающих к нему сел. Первоначально письменность была создана на арабской графике, и в 1921 г. появляется новый чеченский букварь. К обучению грамоте привлекались учителя мусульманских школ. Уже в 1923 г. 50 человек, начали работу по ликвидации неграмотности в селах. За период с 1924 по 1932 г. в “ликпунктах” были обучены грамоте 69 333 человека взрослого населения, в том числе 2120 женщин-чеченок¹⁹.

Очень скоро ориентации советской власти поменялись в пользу латинской графики, чтобы, как выразился один из тогдашних лидеров, А.И. Микоян, “разбить стену между европейской и мусульманской культурой”, “сблизить Запад и Восток”. В 1925 г. принимается решение о переходе на латинскую графику и в Чечне, несмотря на сильное сопротивление мусульманского духовенства. В 1926 г. в Ленинграде был изготовлен латинский шрифт для чеченской письменности, с 1927 г. первая чеченская газета “Серло” (“Свет”) стала выходить на латинской графике. В 1928 г. начала работать радиостанция на чеченском языке, а в 1929 г. создан Союз писателей Чечни. С 1930 г. в СССР вводится обязательное всеобщее начальное образование. Кампания по его внедрению разворачивается и в Чечне, несмотря на такие трудности, как отдаленность и труднодоступность горных сел, глубокая религиозность населения, недостаток учителей и учебных материалов. В 1931 г. открылся первый национальный театр.

Это были годы бурного развития чеченской культуры и языкового строительства. Вышли первые учебники с использованием латинской графики: арифметика, чеченский язык, природоведение, книга для чтения, словари, сборники фольклора. В Грозном начал работать Институт национальной культуры, действовали два педагогических, два нефтяных, два сельскохозяйственных, один медицинский техникумы, нефтяной и педагогический институты. На национальном языке выходят первые произведения местных писателей. После объединения в 1934 г. Чечни и Ингушетии в Чечено-Ингушскую автономную область был принят единый алфавит на основе латиницы.

Местные власти энергично осуществляли политику “коренизации”, и в феврале 1936 г. Областной совет принял постановление о подготовке национальных кадров, вовлечении чеченцев и ингушей в производство, распространение среди них родных языков. Документ

Чечня, жители с. Урус-Мартан. 1939 г. (Архив ГМЭ)

гласил: “Игнорирование и противодействие мероприятиям по созданию национального пролетариата, коренизации госаппарата и переводу делопроизводства на родной язык будут рассматриваться как контрреволюционная вылазка классового врага”. Этим же постановлением советы всех уровней должны были “довести к концу 1936 г. удельный вес чеченцев и ингушей в аппарате до 60%, разработать вопрос преподавания в сельских школах на родном языке, ввести родной язык во все школы, средние, профессиональные и высшие учебные заведения в городе; организовать курсы по подготовке работников для советского аппарата – секретарей, машинисток, бухгалтеров, счетоводов, инструкторов и т.д., организовать спецкурсы по изучению коренного языка для других национальностей, постоянно работающих в области и не владеющих чеченским и ингушским языками; утвердить организацию 70 школ в районах для малограмотных и неграмотных работников чеченцев и ингушей на родном языке и 22 школ по изучению коренных языков для работников других национальностей; выделить на все мероприятия деньги”²⁰.

К началу 1937 г. “коренизация” аппарата была произведена на 70%! Работу и престижные назначения получили, как пишет Зулай Хамидова, “все, кто имел хоть какое-то образование и авторитет среди населения”²¹. Они еще только приступили к своей работе, а в ночь с 31 июля на 1 августа 1937 г. по составленным НКВД спискам была проведена по всем селам и районам “генеральная операция по изъятию антисоветских элементов”. В результате 14 тыс. человек были арестованы, часть из них расстреляна, многие сосланы в концлагеря. Аресты продолжались до ноября 1938 г. Только в аппарате власти было арестовано 137 человек – почти все чеченцы и ингуши. По некоторым данным, в репрессиях 1930-х годов в Чечено-Ингушетии пострадало около 200 тыс. человек²².

Насколько эти данные являются точными, судить довольно трудно, но хорошо известно, что среди арестованных было много чеченцев, которые занимали престижные должности, начиная с главы правительства и кончая простыми чиновниками сельских советов. При этом происходило характерное для советского общества того времени довольно быстрое замещение репрессированных кадров (своего рода эффект стандартизированного по своим функциям советского активиста, которому был предписан четкий набор функций, позволявший осуществлять массовые социальные эксперименты²³) и сам процесс развития чеченской культуры не был остановлен.

В 1938 г., помимо уже действовавших вузов и культурных учреждений, начали работать Национальный театр песни, музыки и пляски, музыкальная школа и музыкальный техникум. Были организованы профессиональные союзы писателей, художников, архитекторов и композиторов. Открылись Музей изобразительных искусств, Дом народного творчества. Всего перед второй мировой войной в Чечено-Ингушетии издавалось 16 газет, действовало 408 школ, 5 те-

атров, 248 библиотек и 212 изб-читален. Неграмотность была ликвидирована среди 75 % населения²⁴. Как справедливо замечает Зулай Хамидова, “успехи культурной революции, таким образом, несмотря на террор, были грандиозны. Но, пребывая в СССР и РСФСР, Чечено-Ингушетия полностью зависела в своем развитии от изменений в идеологии и политики России, Москвы, причем зависела не только в таких вопросах, как административное устройство, но и в том, что значительно глубже, что непосредственно связано с самой национальной идентичностью – в языке. Чеченский язык становился жертвой российских перемен”²⁵.

Действительно, уже в 1938 г. в СССР принимается решение перевести все новописанные языки на русскую графическую основу. Это решение затронуло около 70 этнических групп, включая и все народы Северного Кавказа. Переход был связан с большими трудностями. Нужно было учить новый алфавит, переиздавать все учебники, менять шрифт, упорядочивать орфографию и терминологию, осуществлять новые переводы общественно-политической, сельскохозяйственной, медицинской и технической литературы. Встала проблема издания новых учебников для чеченских и ингушских сельских школ. После этой реформы чеченский и ингушский языки и литература сохранились в школе только как предметы, а все остальные дисциплины стали преподаваться на русском языке. С этого момента начался процесс интенсивной языковой ассимиляции чеченцев в пользу русского языка. Одновременно в эти же годы были заложены основы научного изучения чеченского языка, фольклора, литературоведения, которое продолжилось уже после второй мировой войны²⁶.

ПОСЛЕДСТВИЯ КОЛЛЕКТИВИЗАЦИИ И ИНДУСТИАЛИЗАЦИИ

За многие века освоения долин и предгорий как чеченцами и ингушами, так и русскими жителями в Чечено-Ингушетии образовался обширный фонд пахотных земель (около 400 тыс. га в 1937 г.), не считая огромное число мелких частных участков в горных селениях и индивидуальных огородов в долинных районах. Были еще фруктовые сады и даже семейные (родовые) рощи дикоросов (орехи, ягода, черемша). Малика Сальгириева рассказывала, что до сих пор хорошо знает, и знает все окружающие соседи, где в родном горном селе проходят границы ее родовых участков: *“Никто ни одной груши не сорвет. Все знают, кому принадлежат эти деревья”*.

Проект осуществления всеобщей коллективизации в Чечено-Ингушетии оказался менее успешным по сравнению с “культурной революцией”. Против коллективизации сначала выступали местные казачьи общины, но казаков как “контрреволюционный элемент”

Чечня, группа живогноводов с. Игум-Кале на пастбище. 1970 г. (Фото Б.А. Калоев)

большевики подвергли жестоким репрессиям и значительную часть их выселили с Северного Кавказа, в том числе и с территории Чечено-Ингушетии, еще в 1920-е годы. Одновременно коллективизация вызвала не только протест, но даже открытые выступления со стороны чеченцев. В конечном итоге созданные колхозы и совхозы существовали здесь как навязанная структура, в рамках которой или за ее пределами чеченцы находили много вариантов жизнеобеспечения. И все же на первое января 1937 г. в республике было (или числилось) 480 колхозов, в которые входило 84% всех крестьянских хозяйств. Колхозы располагали 300 тыс. га земли и собирали богатые урожаи кукурузы и неплохие урожаи других культур. Поголовье скота в колхозах республики в 1939 г. составило 121 тыс. голов²⁷.

Но по другим сведениям, колхозов было меньше и уровень коллективизации пастбищ и скота был ниже. К моменту депортации в 1944 г. в ЧИАССР насчитывалось 146 сел (не считая мелких населенных пунктов, особенно горных аулов), 137 колхозов, 14 совхозов, 24 МТС, 439 промышленных предприятия. В сельской экономике преобладало единоличное хозяйство (кстати, это положение сохранилось и в последепортационный период). Например, в Итумкалинском районе в 1943 г. крупного рогатого скота было 15 тыс. голов, из них в колхозах 800 голов (13%), в Шатойском – 7600, из них в колхозах 332 (4%), в Итумкалинском – 28 тыс. голов овец, из них в колхозах 1800 (6%), в Галанчожском – всего 13 700 овец, из них в колхозах 2637 (19%)²⁸. Видимо, речь в данном случае следует вести о большом различии в характере аграрной экономики между равнинной и горной частями республики.

Что касается промышленности, то ее основу еще с дореволюционных времен составляла добыча нефти (второе место в России после бакинских промыслов). Нефтепромыслами владел частный капитал, как зарубежный, так и российский, включая и нескольких крупных чеченских промышленников (Тапа Чермоев). После революции и гражданской войны грозненская нефтепромышленность была восстановлена очень быстро, а с 1924 г. началась реконструкция и строительство новых заводов. К 1940 г. Чечено-Ингушетия уже не просто добывала, но и перерабатывала нефть. В период советской индустриализации в Чечне были созданы новые отрасли: машиностроение, электроэнергетическая, газовая, химическая, лесная и деревообрабатывающая. В республике с ее многочисленным коренным населением стала быстро развиваться легкая промышленность, где активно использовался местный женский труд: обувная, швейная, консервная.

Предвоенная Чечено-Ингушетия жила по правилам, которые можно назвать своеобразным симбиозом советских норм и законов с народными правовыми нормами *адата* при сохранении некоторых исламских традиций и ценностей. Подавляющее большинство простых людей не вступали в ряды большевиков и не были открытыми врагами ре-

жима. Они пробивались по жизни точно так же, как это делают люди в любом другом обществе. С началом в 1941 г. войны с гитлеровской Германией 29 тыс. чеченцев ушли на фронт защищать свою страну – Советский Союз. Хотя некоторые чеченские авторы теперь и берут слово “свою” в кавычки²⁹, тогдашнее поколение чеченцев было настроено патриотично и воспринимало СССР как родину.

Вот одна из драматических историй того времени. Она была изложена в письме на имя Председателя Президиума Верховного Совета СССР К.Е. Ворошилова жителем Магадана В.А. Алиевым уже после войны. Автор письма “отбыл свой срок, досрочно освобожден”.

«Я родился в селе Чечен-аул Атагинского района бывшей Чечено-Ингушской АССР в 1924 г. Мой отец Алиев Аметхаджи – рабочий-сапожник, активный участник гражданской войны, получил увечье и инвалидность в боях (100-дневные бои в гор. Грозном) с белоказаками. Мать – крестьянка, домашняя хозяйка. Оба они были неграмотными. С первого класса я обучался в русской школе. Благодаря Коммунистической партии СС я получил образование, сын неграмотных родителей – я учился в институте; будучи чеченцем по национальности – самой отсталой национальности – благодаря Советскому правительству я получил вместе с образованием и широкий кругозор. Я начал свою сознательную жизнь октябренок, а перед арестом в 1944 г. был кандидатом в члены ВКП(б).

Меня воспитала пионерская организация, комсомол и партия. Я работал председателем Совета пионерской дружины, секретарем первичной комсомольской организации и с сентября по 25 декабря 1942 г., до ухода добровольцем в ряды РККА, секретарем Атагинского РК ВЛКСМ по пропаганде и агитации.

В 1943 г. на плацдарме у р. Днепр под г. Канев я был принят в кандидаты ВКП(б), как отличившийся в боях. За эти же бои я два раза был представлен к правительственным наградам: ордену Отечественной войны и ордену Красной Звезды. В мае месяце 1944 г. после тяжелой болезни в госпитале гор. Тула врачебной комиссией я был признан ограниченно годным 2 степени с переводом в глубокий тыл, но я знал, что Родине нужен каждый человек на передовой, и остался в строю. Ведь в армию я уходил добровольцем, о нашей инициативной группе по набору добровольцев-активистов в ряды РККА широко писала чечено-ингушская республиканская пресса (газета “Ленинский путь” за вторую половину декабря 1942 г.)...»

Далее следует жуткий рассказ об аресте, ложных признаниях вины под угрозой расстрела и осуждение... Но что в этой истории явно не укладывается в доминирующий стереотип о чеченцах, так это отсутствие тех самых черт тотального диссидентства, отказа служить кому-либо, а тем более советской власти. Не только начавшаяся языковая ассимиляция, но и глубокая советизация, включая советский патриотизм и лояльность власти, были характерны для большинства чеченцев и ингушей. Возможно, не все шли добровольцами, но отказывались служить в армии или дезертировали единицы.

Такова была общая картина по всей стране с некоторыми отличиями только в аннексированных в 1940 г. регионах – западная Украина и Белоруссия, Прибалтика и, возможно, Крым. Из данных довоенного времени образ чеченского “гордого дикаря” или “вечного бунтаря” никак не складывается, и этот патерналистски-шовинистический (по сути, неоколониальный) стереотип должен быть отвергнут. Тем более такой образ не подходит для чеченцев второй половины XX в.

ПОВСЕДНЕВНОСТЬ ССЫЛКИ

Восприятие чеченцами сталинской депортации отчетливо распадается на два периода: до либерализации конца 1980-х годов и после нее. В советское время наиболее характерным было замалчивание депортации. Люди старались не говорить об этом, ибо как бы существовала некая коллективная вина, пусть даже и несправедливо наложенная на народ и за нее ему приходится расплачиваться. Степень замалчивания у тех или иных народов была разной. Среди калмыков, например, существовал почти всеобщий “заговор молчания”, особенно взрослых по отношению к молодым. Эльза Гучинова рассказала мне, что в детстве и ранней молодости вообще ничего не слышала о депортации калмыков в Сибирь ни от своих родителей, ни от других людей.

Довольно важные моменты обнаружены мною в чеченских историях. Вот как объясняет восприятие депортации в своей семье Хеда Абдуллаева:

«О депортации говорили мало и в каком-то отвлеченном виде: это было до “ардаар” (что на чеченском языке буквально “вывели из дома”). Когда мама что-нибудь рассказывала, то она часто говорила, вот когда нас “ардаале”, или когда нас “уза даькича” (буквально “вернули”). У меня в голове все никак не укладывалось: куда вывели и куда привели? Я очень долго всего этого не понимала. Это было неправильно и надо было все-таки рассказать.

Я помню, это было в классе пятом. У нас был урок истории, и учительница была русская. Я ее спросила: а что это такое? Она на меня посмотрела и спросила: а где ты это вычитала? Я говорю, что просто слышала. Прочитать об этом было невозможно.

Она сказала:

Спроси об этом у отца.

Я стала спрашивать маму:

– Вот вы в Казахстане жили, почему вы там жили, вы не хотели дома жить?

Она говорит:

Нам пришлось.

– Что значит “пришлось”? Вы сами туда уехали?

– Нет, говорит, – нас просто попросили. Нам сказали, чтоб мы ушли.

Только в классе восьмом до меня дошло, что нас выслали, всех выслали!»

Интересный момент обнаруживается в ментальности части чеченцев более старшего поколения, особенно среди тех, кто занимал элитные должности и(или) вполне лояльно относился к советскому строю (последних было подавляющее большинство в Чечено-Ингушетии). Период пребывания в ссылке в Казахстане назывался некоторыми как период пребывания “на целине”, т.е. чеченцы как бы причисляли себя к участникам одной из наиболее громких пропагандистских и народнохозяйственных эпопей советского времени. Вот как высказался Хажбикар Боков, когда описывал одну из страниц своей прошлой жизни:

«Я прошел школу целины, где не было, чтобы руки по швам. Каждый имел свое мнение. Там же прошел и комсомольскую школу. Это была настоящая школа патриотического труда и бескорыстия ради Родины. Меня там уважал первый секретарь обкома Прокопий Иванович Черняк. Классический тип партработника. Одевался просто, ходил в телогрейке и в сапогах. Это было в Железненском районе Павлодарской области. Черняк пытался сделать меня первым секретарем райкома: у меня, говорил, нет лучше комсомольского работника. Он пытался это сделать через обком, мне не говоря ничего.

Я действительно вырос в труде. В 8 лет вывезли, был пахарем, сеяльщиком, пастухом, завклубом. Вырос можно сказать в борозде. Он мне говорил, подожди, я пошлю тебя в высшую партшколу. Зачем был нужен закон о реабилитации репрессированных народов, когда это уже было в прошлом?»

За последние десять лет история депортации чеченцев и ингушей стала предметом большого числа драматических описаний, документальных публикаций и литературно-поэтических интерпретаций. Упрощенная и политкорректная версия однозначна: депортация была “народоубийством”, самым страшным преступлением сталинизма, который исковеркал жизнь нескольких поколений и судьбу чеченского народа в целом. Именно такую ссылку я слышал неоднократно в высказываниях почти каждого чеченца – члена делегации, с которой были переговоры во Владикавказе 11–13 декабря 1994 г., а также когда началась чеченская война. Какой бы вопрос ни обсуждался, все чеченцы напоминали членам делегации из Москвы о том, что их народ был подвергнут всеобщей депортации.³⁰ Детство большинства их ровесников прошло в Казахстане или в Киргизии, но молодые годы они провели в крупных российских городах, где обучались в советских вузах (Московский университет, Юридический институт в Свердловске, Танковое училище в Туле и другие). “Свердловск – это лучшее время в моей жизни и этот город я никогда не забуду”, – сказал мне во Владикавказе заместитель министра юстиции прокурора Чеченской республики Абу Алиев.

Безусловно, сам акт депортации чеченцев и ингушей, как и других народов, был чудовищным насилием и огромной травмой, память о которой стала одним из главных моментов чеченской версии

прошлого. Однако в литературных и исторических текстах, а также в политической и повседневной риторике преобладают рассказы о самом акте выселения и о тяжелом переезде в забитых людьми вагонах для скота, когда многие погибли от холода, голода, болезней и от рук охранников. Этнография жизни в ссылке почти не рассматривается, кроме упоминаний спецкомендатуры, ограничений на передвижение, жестоких наказаний каторгой за отлучки с местожительства.

Д.Д. Гакаев в своей обстоятельной книге, посвященной политической истории Чечни в XX в., так описывает этот период:

“После прибытия к местам ссылки началось колхозно-совхозное распределение депортированных. Непосредственной властью над народом была спецкомендатура во главе с комендантом – офицером НКВД. Комендант был полноправным хозяином жизни сотен тысяч бесправных и незащищенных людей. Всюду в местах расселения депортантов было объявлено, что спецпереселенцы обязаны беспрекословно выполнять распоряжения властей, соблюдать режим, регламентирующий их жизнь. Все работоспособное население использовалось в качестве рабсилы за вознаграждение в виде продовольственной карточки. Категорически запрещалось всякое передвижение или уход на расстояние более трех километров от места проживания. Два раза в месяц спецпереселенец должен был отмечаться в комендатуре, подтверждая, что он на месте. За нарушение правил и режима проживания необратимо следовало наказание – каторга сроком на 20 лет без суда и следствия. По существу, спецпереселенцы были лишены гражданских прав и находились вне закона. Голод, мор, жесточайшие репрессии поставили чеченцев и ингушей на грань гибели”³¹.

Вопрос о воздействии периода депортации на чеченцев и на их культуру в литературе неизбежно рассматривается в эмоционально-политизированном тоне: исключительно с точки зрения морально-правовой несправедливости совершенного акта выселения целого народа и с точки зрения физических лишений и утрат, в том числе демографических³². Эти утраты действительно были велики, даже по умеренным оценкам чеченцы и ингуши в период депортации потеряли более одной трети своей численности³³. Однако история депортации имеет ряд аспектов, которые представляют особый интерес в контексте антропологического анализа.

Прежде всего доказательством моего тезиса о том, что чеченцы уже к периоду второй мировой войны представляли собою один из средне-модернизированных советских народов с развитой материальной и духовной культурой, является то, что в Средней Азии и Казахстане они, вместе с другими депортированными народами, зачастую выполняли своего рода цивилизаторскую миссию по отношению к аборигенному населению, особенно к местным казахам и киргизам, проживавшим в степной сельской местности. Отец Джабраила Джокала рассказывал сыну, что когда чеченцы прибыли в Среднюю Азию, то обнаружили, что многие там еще живут в земляных

жилищах или ведут полукочевой образ жизни. Чеченцы научили казахов и киргизов строить дома, печь хлеб в каменных печах, выращивать овощи и еще многим полезным вещам, о которых местное население до этого не знало. Как говорил Джокала, *“даже с лошадьми и со скотом пришлось учить обращаться, хотя казалось бы местные были в прошлом кочевниками”*.

Многочисленные истории чеченской депортации концентрируются также на лишениях и унижениях, которые пришлось пережить чеченцам и другим депортированным в ссылке³⁴. Однако меня интересовал еще ряд других важных сюжетов. Во-первых, какова была стратегия выживания депортированных и этнография их повседневности на протяжении 13 лет пребывания за пределами Чечни? Во-вторых, в какой мере депортация способствовала не только сохранению, но и консолидации чеченской идентичности, т.е. как депортация через негативное предписание быть *спецпоселением* послужила сохранению чеченской отличительности. Наконец, в результате чего в этот период у чеченцев появилось устойчивое желание осуществлять двойное отрицание, при котором негативно оценивается не только сам факт депортации, но и часть прожитой собственной жизни.

Как мы уже отмечали, наиболее страшные воспоминания относятся к моменту выселения и к первым годам жизни в депортации. Приведем несколько историй, причем, почти все они – это рассказы старших, о которых помнит нынешнее поколение. В них депортация перемешивается с более ранними репрессиями 1920–1930-х годов от которых пострадало много чеченцев и ингушей вместе с другими жителями края, особенно казачьим населением.

«Я, Жовзан (по-русски меня чаще зовут Жанна) родилась в Киргизии, в селе Новопавловка (рядом с Фрунзе) в 1954 г. Отец – Саид, мама – Куку, бабушка по отцу – Аманат, брат младший – Умар и старшая сестра – Зулаи (Зоя). В мае 1957 г. уехали всей семьей в Чечню и поселились в? Мама – из известного (“прогрессивного”) рода Сайхановых (ее деда, именем которого названа улица в Грозном, убили белогвардейцы в гражданскую войну). Ее отец, мой дед ... был репрессирован. В момент выселения ее 8-летнюю мама (моя бабушка Маршан) послала в деревню посмотреть обмолотили или нет муку. Поэтому увезли бабушку с двумя другими детьми без нее (в Киргизию), а Куку забрали с собою другие односельчане, которых отправили в Казахстан.

Куку жила в чеченской семье, где было много детей, и было очень трудно всех прокормить. Ее даже хотела удочерить одна местная русская семья, но чеченская семья, в которой жила мама, этого не хотела и была готова даже отдать ее в детдом. А бабушка Маршан стала ее разыскивать и всех распрашивать. Она говорила по-русски, так как жила в крепости Ведено вместе с военными (там работал ее отец до того, как его убили).

Бабушка искала мою маму в Казахстане и Киргизии. Она рассказывала, что киргизы прикрывали от нее ладонью текст, так как думали, что она грамотная. Когда она нашла маму (ей уже было тогда лет 13–14), то

она ее остригла под мальчика, чтобы спокойнее было перевозить по дорогам к месту поселения.

...Когда мы вернулись, в нашем доме жили аварцы. Мы несколько лет жили вместе, так как аварцы сразу не смогли уехать (им было тоже некуда ехать). Потом они еще долго навещали нас в этой деревне, потому что там были похоронены их родственники (рядом с нашим родовым кладбищем рода Энгиной). У бабушки была швейная машинка “Зингер”, она обнаружилась у аварцев и выкупила назад. Наш дом был небольшой, жили порознь, но ссор не было. Говорили с ними по-русски, а между собою на чеченском. Потом уже мой отец построил отдельный дом» (Жовзан Зайна-лабдиева).

Особенно трудными были первые годы жизни в Средней Азии. Многие семьи оказались разорванными, их соединению помогал хабар – чеченский “устный телеграф”, который работал безупречно, пересекая все кордоны.

«Были специальные люди, которые ходили по всему Казахстану и Киргизии, от одного села к другому, чтобы собирать и сообщать сведения, кто где живет и кто кого разыскивает. Таких людей было много. Это были какие-то добровольцы, которых просто кормили в пути и давали переночевать. А делать это, между прочим, было довольно опасно. Депортированным нельзя было выезжать за пределы своих поселений. Если что, могли арестовать и дать тюремный срок. Люди очень боялись даже сходить в соседнее село в гости, чтобы случайно из-за погоды или по какой другой причине не задержаться. И вот можно себе представить, что через несколько лет чеченцы и ингуши почти все нашли друг друга, узнали, кто жив и кто умер, стали писать письма друг другу, передавать разную информацию, помогать друг другу.

А первые годы были очень тяжелыми из-за отсутствия жилья (многих прямо в степь высадили) и голода (местные казахи и те голодали). У моего отца на попечении оказалось около 40 человек: своих собственных детей и разных близких родственников. Он был очень сильным и смелым мужчиной. Его авторитет был огромным. Джокалу знали все в горной Чечне, и в Средней Азии к нему люди тоже потянулись под защиту. Положение было таким, что приходилось воровать у местных скот, в основном совхозных овец.

Он как-то рассказал, что казахи верхом на лошадях однажды его догнали с овцами. А он достал огромный нож, очертил им линию и сказал: “Не подходите! У меня голодные сироты, и я буду биться на смерть”. Они постояли, лошадей повернули и ускакали от него. Испугались или поняли, что человек в отчаянии. Так отец никому не дал умереть с голоду» (Джабраил Гакае).

Шамсуддин Умаров помнит свои детские впечатления о том, что в казахском селе, где они жили, чеченцы часто собирались по вечерам у кого-нибудь в доме.

“Первые годы и электричества не было, и жгли лучину или свечку. Собирались поиграть на балалайке и пели. Был смех и были шутки. Почти в полной темноте. Поесть почти ничего не было, поджаривали картошку на печке. Помню, что только в году 1948 мама смогла повесить ка-

кую-то тряпочку на окна. Так появились первые занавески как признак лучшей жизни”.

Пребывание в Казахстане и в Киргизии было временем не только разрушения семейно-родственных связей, но сильной аккультурации чеченцев, особенно в пользу русского языка. Некоторые представители старшего поколения, как, например, Джокала Гакаев научился говорить по-русски только в Казахстане.

“Когда отец трудоустроился, а потом и стал бригадиром, то сразу же стал охранять тех же самых совхозных овец. Он потом всю свою оставшуюся жизнь замаливал на коврике этот 1944 год, когда пришлось пару раз пойти на воровство. Некоторые нынешние старики так и не показались” (Джабраил Гакаев).

Это была ситуация вынужденных, но очень активных межэтнических взаимодействий и контактов. Районы, куда были сосланы депортированные, представляли собой настоящие этнические конгломераты. Хажбикар Боков так своеобразно осмыслил судьбу чеченцев в период депортации:

«Я русский язык выучил вместе с материнским языком. Дома мать с отцом говорили по-ингушски. В школе в Казахстане все по-русски. В нашем селе было четыре класса. Поэтому пятый, шестой и седьмой классы я учился в другом селе. Километров семь от нашего села. Русские, украинцы и немного спецпоселенцев и казахов. Это был прием для разложения нации, но видимо чеченская нация была только в процессе своего сложения и в этой стадии нацию разрушить нельзя. Сотни километров шли по селам чеченцы и ингуши и составляли списки. Это величайшая сила национального единства в начальный период. А когда эта нация проходит его, исполнив свою историческую функцию, она потом уже готова раствориться. Нация – это промежуточная стадия. Мечта общества – это единство. Если движение идет по спирали, то общество было изначально без наций и к этому снова должно прийти. Я преподаю сейчас в одном институте предмет национальные отношения и говорю студентам, что поставлю пятерку тому, кто скажет какой национальности Адам и Ева. Один парнишка сдает мне экзамен и тоже в шутку говорит: “они были евреями”».

Почти все взрослые чеченцы, и даже женщины, нашли себе разную работу, их труд способствовал развитию сельского хозяйства, особенно овощеводства и животноводства. Люди, пережившие депортацию, вспоминают, что на рынках Казахстана, до тех пор скудных с точки зрения ассортимента, появились в изобилии овощи, фрукты, мясо-молочные продукты³⁵. В целом чеченцы успешно трудились и в городах на предприятиях, особенно в легкой промышленности, в различных артелях. История этой жизни фактически не написана. Мы имеем несколько фотографий из семейных альбомов чеченцев времени депортации, которые дают дополнительное представление о них, но отнюдь не такое, которое зафиксировано литературной метафорой писателя Солженицына: “Из всех спецпересе-

Коллектив швейной фабрики в Павлодаре. 1951 г.

ленцев единственные чеченцы проявили себя зэками по духу. После того, как их однажды предательски сдернули с места, они уже больше ни во что не верили...”³⁶.

На фотографиях того времени мы видим хорошо одетых мужчин в типичной послевоенной одежде: обязательно в хромовых сапогах и френчах шерстяного сукна. Одна из фотографий изображает группу работниц пошивочного ателье, на котором трудилась мама аспирантки Института этнологии и антропологии РАН Зинаиды Дзариевой. На этой фотографии, помеченной 20 марта 1951 г., в основном женщины (только двое мужчин!) самых разных национальностей. Только одна из них покрыла голову шалью и именно эта женщина - мама Зинаиды, ингушка, ныне проживающая в Назрани.

Некоторые традиционные нормы поведения, в том числе и религиозные обряды, чеченцы продолжали соблюдать и в депортации, как это делали и местные жители – казахи и киргизы, а также другие “спецпоселенцы”. В семьях и между собой говорили на чеченском языке. Однако в “публичном мире” царили советские нормы фактически принудительного труда и жесткой трудовой дисциплины, коммунистической идеологии и воинствующего атеизма.

В этих условиях чеченцы упорнейшим трудом обеспечивали свое существование, и солженицынский образ непокорных и гордых, открыто враждебных, не соблюдавших законов людей, которые “принесли в дремавший Казахстан понятия “украли” и “обчистили”, расходится с реальностью. Как ни покажется странным, но в датированной сентябрем 1957 г. докладной начальника 4-го спецотдела МВД СССР некоего полковника В. Новикова на имя министра внутренних дел СССР Н.П. Дудурова, возможно, содержится не меньше исторической правды, чем в последующих интерпретациях: “Подавляющее большинство спецпереселенцев к труду относятся добросовестно, систематически выполняют и перевыполняют производственные задания, за что многие из них награждены почетными грамотами, занесены на заводские и районные Доски Почета, награждены ценными подарками, а часть из них – правительственными наградами. Спецпоселенцы, работники колхозов и совхозов, стремятся проявить себя в проводимых сельскохозяйственных кампаниях по выращиванию и уборке урожая, увеличению производства сельхозпродукции и развитию животноводства”³⁷.

Казенный советский канцелярит! Но за ним повседневность, которую хорошо помнит старшее поколение россиян. В моей личной памяти сохранилась радость отца – школьного учителя в маленьком уральском городке, когда он принес в дом почетную грамоту. Как и чеченцам, ему в послевоенные годы приходилось регулярно являться в местную милицию для отметки, поскольку он был освобожден в 1945 г. из немецкого плена американцами и это была ситуация, при которой почти всем грозил новый лагерь.

Некоторое представление о социально-демографическом облике чеченцев и ингушей периода депортации дают архивные документы времени восстановления Чечено-Ингушской АССР в 1957 г. 8 апреля 1957 г. председатель Госплана Чечено-Ингушской АССР А. Платонов сообщал в Москву следующие данные: всего в Казахской и Киргизской ССР проживает чеченцев и ингушей 415 тыс. человек, которые составляют 90 тыс. семей. Людей в возрасте до 16 лет и старше среди чеченцев и ингушей 244 тыс. человек. Из чеченцев и ингушей, проживающих в Казахской и Узбекской ССР, занято в промышленности 38 500 человек, в сельском хозяйстве – 91 500, в различных учреждениях и организациях - 25 тыс., а всего 155 тыс. человек³⁸.

Эти скучные цифры позволяют сделать два важных вывода. Во-первых, среди чеченцев и ингушей было очень много молодежи, а это означает, что в депортации среди них сохранялась высокая рождаемость. В 1957 г. дети до 16 лет составляли 171 тыс. Следовательно за 13 лет депортации из общего числа чеченцев примерно 150 тыс. родились в Казахстане и Киргизии. Во-вторых, чеченцы и ингуши имели фактически полную занятость, причем соотношение между занятостью на селе и в промышленности было примерно таким же, как и по всему СССР. Вполне возможно, что период депортации способствовал урбанизации вайнахов, ибо, несмотря на запреты, они стремились устроиться на работу и жить в городах, а не в селах, где жизнь была значительно беднее и менее культурно комфортной. Собственных компактных сельских поселений образовывать им не давали.

Бесспорен факт очень трудной судьбы чеченской культуры в условиях депортации. Чеченские язык и культура оказались под фактическим запретом, хотя группа вайнаховской интеллигенции старалась их поддерживать даже в тяжелых условиях изгнания. В столице Киргизии Фрунзе работал Кавказский ансамбль песни и пляски, который давал концерты среди спецпоселенцев, в том числе и в Казахстане. Именно во Фрунзе сформировался талант знаменитого чеченского танцора Махмуда Эсамбаева. “Каждый месяц пятого числа я должен был являться в комендатуру и расписываться в том, что я на месте, не сбежал, – вспоминал он. – Такая процедура мне казалась унижительной. И однажды я заявил об этом коменданту”³⁹. За этот протест Эсамбаев получил штамп в паспорте, что может проживать только во Фрунзе. А когда артист демонстративно вырвал эту страницу из паспорта, то получил наказание – его отправили в горы, где он славлял лес. “Лишь года через полтора друзьям из Фрунзе удалось вернуть меня обратно в оперный театр. Кстати, как только закончилась ссылка, в 1957 г. я сразу был удостоен звания народного артиста Киргизской ССР”.

После смерти Сталина во Фрунзе стали выходить газета и радиопередачи на чеченском и ингушском языках. Но в целом многим

чеченцам, в том числе и представителям старшего поколения, пришлось выучивать русский язык, чтобы общаться с местным населением. Джабраил Гакаев рассказал мне, что его отец Джокала впервые выучил русский язык в ссылке, но поначалу когда он работал бригадиром в местном колхозе, ему помогал в качестве переводчика один из его племянников - молодой мальчик, который уже хорошо говорил по-русски.

“ТАК ЭТО БЫЛО”: ПОИСК ОТВЕТА

Большинство чеченцев демонстрировали во время жизни в Казахстане не только удивительные черты выживания и солидарности, но и стремление приспособиться к системе, интегрироваться в нее, добиться жизненных успехов, не смотря на весь трагизм “народа-изгоя”. Тот же Хажбикар Боков рассказал о себе историю, как он совсем подростком задумался над вопросом о высылке чеченцев. Он страстно захотел найти на этот вопрос ответ через учебу в системе партийного просвещения, которая, казалось бы, должна быть наглухо закрытой для депортированных чеченцев. Но были и исключения, подтверждающие что “жизнь в ссылке” есть некая тотальная метафора, которая оставляет за своими пределами очень многое и очень важное.

«В моем детском сознании не возникал вопрос: виноват народ или не виноват. Но то, что я не виноват, – это я понимал. Когда я стал старше, задачей для меня стало желание выяснить и изучить, виноват ли народ. Это была безотчетная потребность. Одни люди говорили: нет, не виноват, а другие говорили: виноваты, предали и так далее. У меня возник вопрос, если предали они свою землю, свою родину, то почему же тогда они ее так любят. Все плачут. Все страдают. Все мечтают. О том, что предал, страдать не будешь. Все разговоры, когда вместе собираются (по случаю смерти, свадьбы), были посвящены только родине. Я тогда родину свою представлял как Чечено-Ингушетию. У меня еще не было более широкого кругозора. Когда я уже начал ходить отмечаться в комендатуру, тогда стал еще сильнее задумываться.

И вот мне, ученику 8 класса в библиотеке говорят: поступи в Университет марксизма-ленинизма. Наверное, библиотекарь была такая же политически грамотная, как и я. Она не знала, что туда принимают только с законченным средним образованием и только коммунистов. Но когда в “Павлодарской правде” появилось объявление, что УМЛ при горкоме партии набирает слушателей, и я поперся туда. Я тогда уже жил в Павлодаре, а родители в 30 километрах в селе, где средней школы не было. Я жил на квартире и по вечерам работал грузчиком, зарабатывая себе на жизнь, а за квартиру с меня не брали, так как это были мои родственники. Не очень близкие, но у ингушей преувеличенные чувства родственности как у малочисленной нации. Я питался вместе с ними, при этом давал деньги на еду и покупал себе одежду. Родители не могли мне помочь.

Так вот, 1 октября вечером пришел в УМЛ. Меня спрашивают:

Ты кто? – Я говорю:

Ученик восьмого класса павлодарской школы.

– Не положено, выходите.

– Не выйду!

Позвали завуча, и она говорит:

Выходите, иначе сорвете занятие.

– Не выйду! – и взялся за парту руками. Стали некоторые помогать меня вытаскать, а у меня руки, которые уже привыкли и кнут держать, и топор, были крепче, чем у некоторых интеллигентов. У них ничего не получилось. Пошли за ректором. Ректор посмотрел на меня, послушал и говорит:

– Не знаю что делать, первый раз такое встречаю. Пусть сегодня побудет, а к следующему занятию я этот вопрос обсужу с секретарем горкома партии.

Я пришел через неделю на следующее занятие. Мне говорят:

– Вас приглашает секретарь горкома партии. – Ого, думаю, честь какая. Захожу к нему. Он спрашивает:

Зачем тебе это нужно? Отвечаю, что хочу выяснить о судьбе своего народа.

– Ну, спрашивай, – говорит он. Я говорю:

Спрашивал многих, но никто мне ясного ответа не дал. Я должен все посмотреть в источниках.

Он взглянул на меня внимательно (русский был из Москвы) и спрашивает, а в чем твоя-то вина? – Он, видимо, сам тоже не вникал в этот вопрос. Я говорю:

– Ни в чем я не виноват: мне всего было восемь лет, а отец был старым и работал извозчиком, снаряды подвозил.

– Но ведь тебе не положено учиться в университете.

– А я все равно не уйду.

Он тогда позвал ректора и говорит ему:

– Ладно, не шумите. Пусть сидит.

– Но он начинает мешать! Начинает подсказывать.

А я тогда уже не выдерживал, и когда коммунисты не могли ответить, вмешивался. У меня до сих пор сохранились конспекты. Так красиво написаны. Это потом у меня испортился почерк, а тогда я так все любовно переписывал из источников.

Прихожу я за дипломом через три года. Получил уже школьный аттестат зрелости, но мне выдали только справку, что прослушал курс УМЛ.

Действительно, возникают в жизни иногда вопросы, что ответы на них ищешь обязательно, пока не получишь. Я же на свой вопрос искал ответ и позже. И когда уже взрослый был, и когда работал секретарем обкома партии. Я все искал ответ. И находил.

Строй такой был, где личность ничего не значила, ничего не значила и совокупность личностей тоже, где во имя общего бросалось все, жила бы страна родная, но забывали, что в стране живут люди, которые ее и составляют. Я обратил позже внимание: получаю письмо из-за границы, а там сначала первым стоит твоя фамилия, твое имя, а потом страна. У нас же сначала страна, район, улица, потом уже твое имя».

Итак, у чеченцев обнаруживаются две стратегии при оценке исторического факта депортации: как замалчивание, так и поиск ответа. Именно во второй половине 1980-х годов произошел подлинный взрыв в советском и особенно в чеченском обществе в отношении к депортации. Важную роль в формировании современной травмы депортации сыграли исторические труды и публикации документов, особенно перевод книги немецкого политолога чеченского происхождения Абдурахмана Авторханова и 3-томное издание документов “Так это было” под редакцией российского филолога Светланы Алиевой⁴⁰.

Не менее значительным оказалось воздействие литературно-поэтических и музыкальных (песенных) версий. Муса Гешаев так рассказывает историю с песней Имама Алимсултанова на его слова. «Содержание ее произвело эффект разорвавшейся бомбы. Сегодня с гордостью вспоминаю, что ударной в этой программе (местная телепрограмма) стала песня на мои слова “Черные дни”»:

О черных днях поведали мне горы,
Чернее повести для горцев в жизни нет,
И временем не вылечить той боли,
С какой глядели горы горцам вслед.
То было все по страшному велению,
Хоть приговор понять мы не могли.
Нас всех приказом выгнали с презрением
С родной вайнахской обжитой земли.
И, как животных, в скотские вагоны
Грузили в тот военный трудный год.
За что наказаны в то время были горцы,
В чем провинился перед Родиной народ?
Все ужасы судьбы мы испытали,
Косил нас голод смертною волной,
Мы Сталина в молитвах проклинали,
Но он молитв не слышал ни одной.
Он трон стерег с коварным безразличьем,
По трупам шел кровавою тропой
И в ореоле грозного величья
Вознесся над запуганной толпой.
Мы для него лишь винтиками были
Машины, что себе он изобрел.
Какое время бед мы пережили
В разлуке от родных Кавказских гор!
Однажды с чемоданом друга встретил:
Ну, что везешь? Успел богатым стать?
Останки матери я вырыл, – он ответил, –
Везу на родину, чтоб их земле предать.
Наш поезд возвращался на рассвете,
Встречал встревоженно заждавшийся вокзал.
Седой старик в поношенном бешмете.
Припав к перрону, землю целовал⁴¹.

Эта песня была исполнена молодым певцом, работником Грозненской филармонии, родом из чеченцев-аккинцев, из очень простой семьи. Алимсултанов стал сразу знаменитым, ибо слышать такие слова чеченцам публично давно хотелось, а здесь – зазвучала песня! Причем драматичным и красивым голосом певца под гитару. Самодельные кассеты в тысячах экземпляров мгновенно распространились по всей Чечне. Это был вариант популярности Владимира Высоцкого 1970-х годов или Виктора Хары в Чили. Популярность добавилась, когда власти попытались наложить запрет на песню и оказать давление на автора слов и исполнителя. Кстати, переказ беседы с работниками местного КГБ, который имел Гешаев по данному поводу, говорит сам за себя.

Вот какие аргументы были у работников КГБ: “Вы можете дестабилизировать обстановку в республике. Эти выступления толкают молодежь на крайние действия, возбуждают ненависть и могут обострить межнациональные отношения”. К сожалению, эта озабоченность оказалась оправданной, и КГБ было право в том, что депортация как поэтико-драматическая версия взорвала изнутри чеченское общество. А самое главное – привлекла к этой теме внимание молодого поколения. Здесь был важен не вариант достоверности, а призыв-лозунг всеобщего зла и возмездия за это зло. По свидетельствам многих очевидцев из числа русского населения Чечни (эта тема мною особо не рассматривается), давление и насилие, которым они начали подвергаться с приходом Дудаева к власти, чаще всего оправдывались аргументом: “Вы нас выслали, теперь пришла наша очередь восстановить справедливость”.

Версию “народоубийства”, но уже с новыми, антирусскими мотивами, я зафиксировал интервью после окончания войны 1994–1996 гг. Здесь обнаруживается интересный факт, характерный для массового сознания представителей почти всех депортированных народов: проекция на этнических русских вины за депортацию, хотя главные инициаторы акции – Сталин и Берия были грузинами, а советское руководство всегда было многоэтничным по составу. Видимо, в бытовом и даже в академическом менталитете СССР и Россия часто ассоциируются с численно доминирующей этнической группой – русскими, кто бы ни управлял страной: грузин, украинец или еврей. Этот антирусский мотив в восприятии депортации распространился главным образом среди молодого поколения в период войны, для более раннего периода он не был характерен. Один из молодых чеченских боевиков рассказал:

“Я, например, русских не любил, сколько себя помню. Потому что многие рассказывали, как издевались над чеченцами в 1944 г. и потом после возвращения из ссылки. Дед и отец мой прожили в ссылке. Отец еще мальчишкой был выслан, вырос в Казахстане. Но он помнил свое село, свой дом в горах. Когда мы вернулись, для нас ссылка не кончилась. Сначала разрешили вернуться в наше село. Кое-кто даже успел восстановить

дома. Потом был приказ: поскольку в горах могут появиться бандиты или мы можем завести неучтенную скотину, всех заставили переселиться на плоскость. И все родственники наши теперь разбросаны, кто в Самашках, кто в Ермоловке, кто еще где-то. Дед всю жизнь мечтал вернуться в родное село. Но попал он туда только мертвым. Его похоронили на родном кладбище” (Хизир И.).

Таким образом, репрессии, особенно депортация в 1944 г., нанесли огромный ущерб социальной структуре чеченского общества, демографическому облику и культурному воспроизводству этнической общности. Возможно, мы никогда не узнаем всей глубины психологической травмы, нанесенной чеченцам и ингушам депортацией, но абсолютно ясно, что эта еще живая для старшего поколения история могла стать мощным фактором эмоциональной и политической мобилизации для совершения коллективных действий. В то же время негативные явления в истории сочетались с политикой поддержки и развития чеченской культуры и в целом социально-экономического потенциала Чечено-Ингушской автономной республики в рамках СССР.

- 1 Токарев С.А. Этнография народов СССР. Исторические основы быта и культуры. М., 1958. С. 8.
- 2 См.: *Tishkov V.* Ethnicity, Nationalism and Conflict in and after the Soviet Union. The Mind Aflame. L., 1997; Пути мира на Северном Кавказе. Независимый экспертный доклад / Под ред. В.А. Тишкова. М., 1999.
- 3 См.: *Preventing Deadly Conflicts.* David Hamburg’s commission report. N.Y., 1998; *Horowitz D.* The Deadly Ethnic Riot. Berkeley, 2001; *Tambiah S.J.* Leveling Crowds: Ethnonationalist Conflicts and Collective Violence in South Asia. Berkeley; Los Angeles, 1996; *Gurr T.R., Harff B.* Ethnic Conflict in World Politics. Boulder, 1994.
- 4 См. обзорную работу: Страницы отечественного кавказоведения / Отв. ред. Н.Г.Волкова. М., 1992.
- 5 *Берже А.П.* Чечня и чеченцы. Тифлис, 1859.
- 6 *Ахриев Ч.* Ингуши (их предания и верования): Сборник сведений о кавказских горцах. Вып. VIII. Тифлис, 1875; *Лаудаев У.* Чеченское племя. Сборник сведений о кавказских горцах. Вып. VI. Тифлис, 1872.
- 7 Загадочный мир народов Кавказа. Записки из архивов Эдинбургского миссионерского общества и других источников конца XVIII–XIX веков. Сост. А.И. Мусукаев и Й. Маттис. Нальчик, 2000. С. 98. Примечательно в своем роде и предисловие от составителей издания, в котором повторяется неизбывная установка отечественной этнографии, что “этнос” может быть только хорошим, а плохими могут быть только его отдельные представители. С энтузиазмом цитируя отзывы ранних путешественников о доблести, храбрости, благородстве горцев как пример ценных этнографических сведений, авторы сразу же делают оговорку по поводу неблагоприятных замечаний: “Суждения миссионеров о кавказских народах носят порой весьма субъективный характер. Они обвиняют осетин в том, что те коварны и небескорыстны в отношении путешественников и иностранцев, проезжающих по Военно-Грузинской дороге, кабардинцев, что

- они воинственны и дики, другие народы отстали и т.д. Безусловно, здесь присутствует оценка, основанная на поведении и поступках отдельных представителей того или иного этноса, но никак не народа в целом” (Там же. С. 7).
- ⁸ *Ошаев Х.Д.* В сердце Чечни. Грозный, 1928.
 - ⁹ *Крупнов Е.И.* Древняя история Северного Кавказа. М., 1960; *Он же.* Средневековая Ингушетия. М., 1971.
 - ¹⁰ *Ошаев Х.Д.* В сердце Чечни. Грозный, 1928; *Он же.* Рекогносцировочное описание памятников средневековья реки Терлой-Ахк (горная Чечня) // Археолого-этнографический сборник. Грозный, 1966. Т. I.
 - ¹¹ Интервью с Р.М. Мунчаевым, 13 марта 2001 г., Москва // Архив автора.
 - ¹² *Мунчаев Р.М.* Кавказ на заре бронзового века. Неолит, энеолит, ранняя бронза. М., 1975. С. 409.
 - ¹³ *Фурман Д.Е.* Самый трудный народ для России. Введение // Чечня и Россия: Общества и государства / Ред.-сост. Д.Е. Фурман. М., 1999. С. 8–9.
 - ¹⁴ Там же. С. 9.
 - ¹⁵ *Ливен А.* Война в Чечне и упадок российского могущества // Там же; см. также статьи Я.В. Чеснова и Г. Дерлугьяна // Там же.
 - ¹⁶ *Фурман Д.Е.* Указ. соч. С. 10.
 - ¹⁷ См.: Национально-государственное строительство в СССР. В 2 т. / Под ред. Д.А. Чугаева. М., 1968–1970; Национальная политика в России: история и современность. Отв. ред. В.А. Михайлов. М., 1997 (гл. 3 и 4).
 - ¹⁸ *Хамидова З.* Борьба за язык: (Проблема становления и развития чеченского языка) // Чечня и Россия: общества и государства. С. 134.
 - ¹⁹ Там же. С. 135.
 - ²⁰ Цит. по: Там же. С. 138
 - ²¹ Там же. С. 138.
 - ²² *Абумуслимов С.* Геноцид продолжается. Киев, 1995.
 - ²³ Об этом феномене верхушечных метапроектов в истории см.: *Scott J.C.* Seeing Like a State. How Certain Schemes to Improve the Human Condition Have Failed. New Haven; L., 1998.
 - ²⁴ Культурное строительство в Чечено-Ингушетии. Грозный, 1979. С. 20–24.
 - ²⁵ *Хамидова З.* Указ. соч. С. 140.
 - ²⁶ См.: *Яковлев Н.* Морфология чеченского языка. М., 1939; *Он же.* Синтаксис чеченского языка. М., 1941; *Дешериев Ю.* Бацбийский язык. М., 1953; *Дешериев Ю.* Сравнительно-историческая грамматика нахских языков и проблемы происхождения и исторического развития горских кавказских народов. Грозный, 1963; *Алироев И.* Чеченский язык. М., 1999.
 - ²⁷ Данные взяты из рукописи: *Насардинов С.М., Насардинов Д.С.* Технология функционирования власти. М., 2001. С. 115–116.
 - ²⁸ Репрессированные народы России: чеченцы и ингуши. Документы, факты, комментарии / Под ред. Н.Ф. Бугая. М., 1994. С. 213.
 - ²⁹ *Хамидова З.* Указ. соч. С. 141.
 - ³⁰ Участвовавший в составе делегации видный российский психолог А.Г. Асмолов описал ряд интересных наблюдений во время состоявшихся переговоров во Владикавказе, но, к сожалению, и инструменталистское отношение к депортационной травме осталось им незамеченным

- (см.: *Асмолов А.Г.* Культурно-историческая психология и конструирование миров. М., 1996.
- ³¹ *Гакаев Дж.* Очерки политической истории Чечни (XX век). В 2 ч. М., 1997. С. 104.
- ³² История депортации в литературно-художественной форме была изложена Ахметом Хатаевым, который в начале 1990-х годов возглавлял КГБ Чечено-Ингушской республики. Им опубликованы две части из запланированной трилогии: “Эшелон бесправия” (М., 1997); “Враг народа” (М., 2000).
- ³³ *Гакаев Дж.* Указ. соч. С. 104.
- ³⁴ Репрессированные народы России: чеченцы и ингуши. М., 1994.
- ³⁵ Грозненский рабочий. 1999. № 28. 28 июля – 3 августа.
- ³⁶ *Солженицын А.И.* Архипелаг ГУЛАГ. С. 244.
- ³⁷ Репрессированные народы России: Чеченцы и ингуши. С. 217.
- ³⁸ Там же. С.212.
- ³⁹ Там же. С.247.
- ⁴⁰ *Авторханов А.* Народоубийство в СССР. Грозный, 1993; Так это было. Национальные репрессии в СССР 1919-1952 годы: В 3 т. / Под ред. С. Алиевой. М., 1993.
- ⁴¹ *Гешаев М.* Знаменитые чеченцы: Кн. первая. Грозный, 1999. С. 503.

Глава IV. ПРОТИВОРЕЧИВАЯ МОДЕРНИЗАЦИЯ

Я, видишь, уже на пенсии должен быть. Но мне этой пенсии не видать как своих ушей. Вся жизнь я работал зубником-самоучкой. Диплома у меня не было, и потому работал я украдкой и все больше на дому. Работал не хуже дипломированных. Народ никогда не жаловался на мою работу. Ребят вот выучил. И хотел, как богобоязненный мусульманин оставить после себя память. Сначала на мечеть откладывал, но потом понял, что я не вытяну. И решил я мост пешеходный через Аргун построить в аккурат напротив своей улицы. Потому как, ежели идти по большаку через большой мост, немалую петлю приходится делать. Я уже тросы стальные купил. А тут как раз война – разрази ее душу

Ваха Гостиков

В этой главе меня интересует прежде всего история той Чечни, которая возникла заново после 1957 г., включая ее географические границы, хозяйство, политический статус и культурный облик. Я просил многих своих собеседников из числа чеченских ученых дать мне какие-нибудь местные книги или брошюры, рассказывающие о Чечне до 1991 г. Ответ был почти один и тот же: “Все сгорело в Грозном”. Джабраил рассказал, что у него была самая крупная в Чечне личная библиотека по истории Чечни и в целом по общественным наукам:

“Собирал и покупал книги не только в Грозном, но и каждый раз, когда ехал в Москву. Много дарили сами авторы. Все погибло, даже собственные рукописи и книги. Может быть у кого-то что и осталось, но мало вероятно. Не до книг было, когда надо было спасать себя и детей. А нашу квартиру вообще разграбили, когда мы уезжали в первый раз после начала боевых действий в 1994 году”.

Для написания этой главы я сначала обратился к самым простым источникам: книжным изданиям советского периода. В тематическом каталоге Государственной национальной библиотеки имеется несколько каталожных ящиков под рубрикой “Чечено-Ингуш-

ская Автономная Советская Социалистическая Республика”, в которых указаны книжные и другие издания более чем за полстолетие. Безусловно, многое раскрыли и “скорректировали” устные истории наших информантов. Поскольку данная глава продолжает своего рода историко-этнографический анализ явлений и событий, предшествовавших 1991 г., важным подспорьем стали научные труды российских историков и этнографов, включая ученых Чечено-Ингушетии. По проблемам этнографии чеченцев успешно работали в 1960–1990-е годы мои коллеги по Институту этнологии и антропологии РАН Б.А. Калоев, Я.В. Чеснов, Я.С. Смирнова, Н.Д. Пчелинцева, Л.Т. Соловьева.

Поскольку за годы вооруженной чеченской сецессии произошло своего рода “одичание” как самой науки о Чечено-Ингушетии (наука и образование - одни из первых институциональных жертв насильственного конфликта), так и представлений о Чечне и чеченцах (мировое общественное мнение вообще предпочитает формировать эти представления с “чистого лица” как открытие неведомого мира), приходится в этой связи напоминать о самых простых вещах. Помимо многочисленных брошюр, статистических сборников и альбомов, издававшихся к юбилеям и партийным съездам¹, одним из примечательных изданий оказалась скромно изданная в Грозном тиражом 500 экземпляров учебное пособие для учащихся 9–10 классов средней школы “История Чечено-Ингушетии”, написанное группой преподавателей Чечено-Ингушского университета². В нем излагается история республики с конца XIX в. и заканчивается главой “Чечено-Ингушетия на пути перестройки”. Кое-что из этих текстов представляет интерес наряду с нашими этнографическими материалами.

ВОЗВРАЩЕНИЕ НА РОДИНУ

9 января 1957 г. Президиум Верховного Совета СССР принял указ “О восстановлении Чечено-Ингушской АССР в составе РСФСР”, которым “в целях создания необходимых условий для национального развития чеченского и ингушского народов” признавалось необходимым восстановить “национальную автономию чеченского и ингушского народов” и которым отменялись указ от 7 марта 1944 г. о ликвидации республики и указ от 16 июня 1956 г. в части запрещения чеченцам и ингушам возвращаться на прежнее местожительство.

В феврале 1957 г. на сессии Верховного Совета уже рассматривался вопрос о порядке переселения. В докладе по этому вопросу говорилось: “Практическое осуществление мероприятий по восстановлению национальных автономий этих народов потребует известного времени и проведения большой организаторской работы по подготовке в местах прежнего жительства необходимых производст-

венных, жилищных и других культурно-бытовых условий, потребуются также большие затраты материальных и денежных средств. Поэтому переезд граждан указанных национальностей, изъявивших желание возвратиться в районы прежнего местожительства, должен производиться организованно, небольшими группами, в определенные сроки и в порядке очередности”³. Эти сроки советские власти установили для чеченцев и ингушей как наиболее многочисленных групп в течение 1957–1960 гг. На 1957 г. было намечено вернуть в Чечено-Ингушскую АССР только 17 тыс. семей.

Однако подавляющее большинство депортированных пожелало вернуться как можно быстрее, и основная масса чеченцев и ингушей оказалась в республике в 1957 г. (57 тысяч семей!). Согласно справке Отдела переселений и оргнабора рабочих Организационного комитета по Чечено-Ингушетии, на 20 января 1958 г. по плану должны были переселиться 23 503 семьи, прибыло 52 037–20 1746 человек; трудоспособных – 85 367, трудоустроены – 58 959 человек, из них в промышленности – 4043, в совхозах – 18 433, в колхозах – 21 567 человек. Нетрудоустроенных оставалось 11 427 хозяйств. В отдельных домах проживали 37 960 человек, во вновь построенных – 15 608, на подселении – 14 077 человек. Приусадебные участки получили – 2648 человек. Детей школьного возраста было 26 683, обучающихся в школе – 20 918⁴.

Следует учесть, что после 1944 г. на освобожденные от чеченцев и ингушей земли переселилось (большинство по специальным разрядам властей) из разных регионов России около 77 тыс. новых поселенцев. Часть из них была из разоренных войной районов, часть из Осетии и Дагестана. К началу возвращения и к моменту восстановления республики в Грозненской области проживало 540 тыс. человек. Многие занимали дома и городские квартиры, в которых когда-то проживали депортированные. Все это не могло не создать острых коллизий и социальной напряженности, которая неизбежно обретала межэтническую форму.

В сельской местности происходили постоянные споры и стычки из-за земельных угодий, находившихся в ведении колхозных и совхозных хозяйств. Часть бывших земель оказалась недоступной для возвращенцев: несколько горных районов были закрыты для проживания и их бывшие жители были вынуждены селиться в равнинных аулах и казачьих станицах. Какова была причина этих ограничений, точно неизвестно: либо власти опасались, что горные села могут стать плохо контролируемыми зонами, либо сказалась общая установка, что горская экономика и жизнь в горах – это наследие отсталого прошлого и бремя для государства по обеспечению социальных и культурных условий жизни людей. Как известно, в послевоенные десятилетия активное переселение с гор на равнину имело место и в других республиках Северного Кавказа.

Вернувшиеся в Дагестан чеченцы-аккинцы не смогли осесть в

своих родных селениях, так как на эти земли были переселены жители горных аулов – лакцы. Здесь уже создали новый административный район – Новолакский, а существовавший до депортации национальный район аккинцев не был восстановлен. Часть территории (978 кв.км.), где главным образом проживали ингуши, осталась в составе Северной Осетии в границах увеличенного по размерам Пригородного района. Заселение этих земель ингушами всячески ограничивалось, в том числе специальными правительственными постановлениями. Приведем несколько прямых свидетельств о ситуации тех лет.

“В Казахстане отец получил только одно разрешение на возвращение, но ему удалось вписать в него аж десять семей! Ехали две недели в тех же товарниках. Дышать было нечем. С водой и едой тоже было плохо. Мы вернулись в Чечню 13 октября 1958 г. К этому времени вместо планировавшихся 50 тысяч приехало более 200 тысяч. Начались трагедии.

– Это мой дом! - говорят чеченцы.

– А я куда пойду с детьми? - отвечают русские.

Некоторые договаривались по-мирному, а некоторые возмущались, в том числе и обездоленный войной народ из Белгородской, Курской, Смоленской, Воронежской областей” (Джабраил Гакаев).

Б.А.Калоев, посвятивший многие годы изучению этнографии чеченцев и ингушей и автор статьи “Вайнахи” в томе “Народы Кавказа” (Т. I. М., 1960) известной серии “Народы мира” под редакцией С.П. Толстого, приводит чрезвычайно интересные сведения о своей этнографической работе среди чеченцев и ингушей начиная с 1957 г., когда он получил от Института этнографии АН СССР первую командировку в Грозный. Поразительно, но отечественный этнограф оказался непосредственным наблюдателем драматической страницы в этнической истории изучаемых им народов.

«На второй день пребывания в Грозном я встречал на вокзале, можно сказать, первые эшелоны с чеченцами и ингушами, видел радостные лица прибывших от счастья встречи с родной землей после долгой разлуки, шум детей, выходящих толпами из вагонов на платформу с родителями и семьями, ожидавшими здесь грузовые автомашины для отправки по местам их прежних поселений. Меня удивило и множество легковых автомашин на открытых платформах, обладателями которых являлись исключительно молодые чеченцы, жившие и работавшие в своей массе шахтерами и металлургами Караганды и других промышленных центров Казахской республики. Известно, что в те послевоенные годы легковые машины удавалось иметь лишь некоторым счастливым. Чеченцы в этом отношении составляли исключение. Во всяком случае, привезенные ими “волги” и “победы” в немалом количестве – показатель того, что в Казахстане они жили в достатке. Появление этих машин в Грозном и в селах стало весьма заметным явлением, играло важную роль в системе транспорта. Нередко можно было наблюдать за стремительно несущейся легковой машиной по узким горным дорогам, проходившим над головокружительными пропастями. Можно было подумать, что скачет всадник на резвом коне.

Однако, как бы то ни было, чеченцы и ингуши, вернувшись на родину, встретились со многими проблемами, связанными с устройством их на прежних местах расселения... Жителям высокогорья, какими являлись верхние районы Аргуна и Ассы, было запрещено возвращаться в их родные места, а приказано поселиться преимущественно в казачьих станицах, не учитывая того, что эти так называемые немирные чеченцы, т.е. горцы, веками воевавшие с казаками, не забыли старых обид, так же как и последние. Одним словом, чеченцы-горцы обычно селились на окраинах станиц, составляя компактные поселения, работая вместе с казаками в одних колхозах и совхозах. Через два года, когда я вновь, проводя полевые этнографические исследования, ездил по этим станицам, я почувствовал между ними недобрые отношения. Чеченцы утверждали, что казаки обижают их, отключают свет, воду, не дают им должностных мест в общественном производстве и т.д. Казаки же и особенно казачки жаловались, что нет им прохода от чеченцев. Старая казачка мне с обидой говорила, что ее внучка после семи часов не может выйти на улицу или посетить станичный Дом культуры без сопровождающего. И тем не менее со временем отношения между ними наладились. Тогда же я посетил чеберлоевцев, обосновавшихся хуторами на полях большого виноградарского совхоза. Эти горцы-чеченцы, бывшие овцеводы и скотоводы из высокогорья, теперь осваивают новую профессию - виноградарей и виноделов. В разговоре с ними я почувствовал недовольство по поводу пребывания в этих безводных степях в низовьях Терека, жалость, что навсегда расстались со своей горной страной, оставив ее безлюдной...»⁵.

Б.А.Калоев посетил тогда и горные районы Чечни, в частности Советский (ныне Шатойский) район. Автобус, на котором пять часов от Грозного добирался этнограф, часто останавливался "по просьбе пассажиров-чеченцев, вышедших для совершения намаза".

«Прибыв вечером в Шатой, я встретил одних русских жителей, по их словам, выходцев из разных мест Центральной России... Здесь я застал нескольких работников райкома, одних русских, озабоченных происшедшими событиями, вызванными возвращением чеченцев в места их прежнего жительства. Они были заняты своими делами и мыслями о предстоящих переменах. Мое появление не вызвало особого восторга. Тем не менее я воспользовался их гостеприимством. Мне разрешили здесь переночевать. Утром я проснулся от грохота моторов приехавших вереницей чеченцев на грузовых машинах, нагруженных семьями и предметами домашнего обихода. Чеченцы заняли свои дома, покинутые их прежними жителями еще ночью. Вместе с последними ушли и районные руководители. Во всяком случае все мои знакомые райкомовцы куда-то исчезли. В общем паника при возвращении "злого чечена" сыграла свою роль. Разумеется, в такой обстановке не могло быть и речи о работе по сбору полевого материала среди усталых и озлобленных чеченцев. Поэтому встречи с ними я отложил на потом»⁶.

Следует отметить, что на почве отмеченных Б.А. Калоевым проблем и напряженности в августе 1958 г. в Грозном произошло массовое выступление русскоязычных граждан против возвращения чеченцев и ингушей в республику. Власти жестоко подавили эти беспорядки, фактически организованные шовинистически настроенной местной партийной верхушкой. В целом в республике сохра-

нялся своего рода моральный климат, который как бы “давал понять чеченцам и ингушам, что они помилованы, но политически не реабилитированы”⁷.

Конфликты имели место не только между чеченцами и русскими. Б.А.Калоев посетил также известное село Ведено Веденского района, где также остановился в райкоме партии, весь руководящий состав которого состоял из аварцев.

“Село было занято андийцами, выходцами из аварского высокогорья. Тогда же я узнал, что вернувшиеся чеченцы не могут занять свои дома, поскольку андийцы, ожидая получения новых мест поселений, не освободили еще это селение. Таким образом, обстановка между ними все больше накалялась, угрожая разрастанию неприязни и кровавыми столкновениями. Утром на базарной площади села я заметил две большие группы чеченцев и аварцев, разговаривавших между собой на повышенных тонах. Подойдя ближе к ним, я услышал как чеченцы обвиняли андийцев в разрушении их домов, превращении их в негодные для жилья и т.д. К счастью, в это время в село прибыла рота автоматчиков и все утихло”⁸.

Однако не везде и не всегда были только напряженность, несмотря на трудные времена.

«Когда мы приехали из Казахстана, нас в Галанчовский район не пустили. Мы поселились в Гехин-Чу, но это уже не горная часть Чечни. Тем не менее нас хорошо приняли, и моего отца очень уважали. Были, конечно, шутки по поводу “горцев”, но они были скорее из разряда всем известной притчи по поводу деления чеченцев на горных и равнинных. Это когда два брата с семьями переезжали с гор на равнину, и один из них, первым переехав пограничный мост и почувствовав себя равнинным чеченцем, кричит другому: “Эй, ламоро (горный, отсталый, дикий), как ты там?”» (Джабраил Гакаев).

Центральные власти попытались решить территориальные проблемы восстановленной республики передачей под ее контроль двух обширных районов Ставропольского края – Наурского и Шелковского (5200 кв. км.), где главным образом проживали русские, кумыки, ногайцы. Встречающееся в литературе мнение, что это было сделано, чтобы не допустить демографического преобладания чеченцев в новой республике⁹, никакими документами не подтверждается. Напротив, со стороны органов власти были осуществлены масштабные меры помощи депортированным: чеченцы и ингуши получили существенные кредиты и финансовую помощь, в том числе субсидии на строительство домов и приобретение скота, налоговые льготы, специальные поставки сельскохозяйственной техники и семенного материала, и т.п. Были осуществлены программы социальной поддержки пенсионеров, инвалидов, срочного строительства школ и больниц, учреждений культурно-просветительного характера¹⁰.

В декабре 1961 г. в партийных органах республики была составлена довольно впечатляющая справка о проделанной работе за 1957–1961 гг. и о положении в Чечено-Ингушетии. Из проживавших

Комсомольский актив Назрановского района Чечено-Ингушетии. 1959 г.

в Казахстане и Киргизии 524 тыс. человек (418 тыс. чеченцев и 106 тыс. ингушей) в Чечено-Ингушетию прибыло 432 тыс. (356 тыс. чеченцев и 76 тыс. ингушей), в Дагестан – 28 тыс. (в основном чеченцы) и в Северную Осетию – 8 тыс. ингушей. Таким образом, общее население республики составило 892,4 тыс. человек, из них 432 тыс. – чеченцы и ингуши. В Казахстане остались проживать 34 тыс. чеченцев и 22 тыс. ингушей (в этой же справке приводится и другая цифра: на 15 октября 1960 г. на территории Казахстана – около 100 тыс. и на территории Киргизии 6 тыс. чеченцев и ингушей).

Из всех прибывших 118 тыс. человек были трудоспособными и из них к 1961 г. было трудоустроено 112 223 человека, в том числе 19 тыс. – в промышленности (в 1944 г. в промышленности работали только 1077 чеченцев и ингушей). Всем вернувшимся в республику была выдана ссуда на общую сумму более 34 млн. руб. На 1961 г. 10 тыс. человек проживали в коммунальных квартирах, 73 тыс. построили или купили дома, 10 400 семей заканчивали строительство, 1600 семей снимали на частные квартиры.

За эти годы было построено 49 промышленных предприятий, химический завод, сахарный и молочный заводы, Новогрозненская ТЭЦ, завод железобетонных конструкций. Сильно выросли посевные площади в колхозах и совхозах. 57 121 хозяйство имело крупный рогатый скот.

Чеченцы и ингуши получили представительство в органах власти: из делегированных от республики 7222 депутатов Верховного

Совета ССР, РСФСР и местных советов 3997 человек (55,3%) составили чеченцы и ингуши; из 5982 коммунистов, избранных в составы обкомов, горкомов и райкомов КПСС, парткомов и бюро первичных организаций – 1182 (19,7%), среди 955 секретарей первичных парторганизаций – 122 человека. В 1961 г. было более 41 тыс. комсомольцев из числа чеченцев и ингушей.

За 1957–1961 гг. в республике подготовлено 1056 учителей, число школ возросло с 365 до 414 и учащихся с 80 до 150 тыс. Грамоте было обучено более 20 тыс. человек, в том числе 15 тысяч женщин-горянок. Женщины составили 42% всех депутатов советов. Издавалось 4 республиканских и 17 районных газет. Возобновил работу Научно-исследовательский институт истории¹¹.

ПОЛИТИЧЕСКИЙ СТАТУС И ЧЕЧЕНСКИЕ “ВЕРХИ”

Чечено-Ингушетия обрела свою территориальную автономию в рамках Российской Советской Федеративной Социалистической Республики (РСФСР) в 1934 г. как автономная область и в 1936 г. как автономная республика. Республика имела собственную конституцию, которая менялась по мере изменения общесоюзной конституции, но ее основы сохранялись до 1991 г. По этой конституции высшим органом государственной власти был однопалатный Верховный Совет, который избирался населением на 5 лет по норме 1 депутат от 6 тыс. жителей. Верховный Совет имел Президиум во главе с Председателем. Последние 17 лет до 1990 г. этот пост занимал Хажбикар Боков, ингуш по национальности, который переехал в Москву, когда, как он мне объяснил, в республике “начались митинги и нападки на власть, в том числе и на меня лично. Чеченцы захотели все забрать, и мне там места уже не оставалось”. Потом в Москве Боков стал заместителем министра по делам национальностей, в том числе и в 1992 г., когда я занимал должность министра. Хажбикар – интересный человек и фигура, далеко неоднозначная в республике. Его рассказы стали одним из источников для данной главы.

Верховный Совет республики образовывал правительство – Совет Министров. Это был орган исполнительной власти, но от него много зависело в республике, особенно управление экономикой и другими сферами повседневной жизни (социальные вопросы, правопорядок, образование, медицина, культура). Всего было около 15 министров. Чечено-Ингушетия имела представительство в Верховном Совете РСФСР и в Верховном Совете СССР. В 1970 гг. в Совете Национальностей последнего было 11 депутатов от ЧИАССР. В Чечено-Ингушетии действовали местные органы власти – городские, районные, поселковые и сельские Советы народных депутатов, которые избирались населением на 2,5 года. Верховный суд

республики состоял из двух судебных коллегий (по уголовным и гражданским делам). Судьи всех уровней также избирались населением вместе с судебными заседателями. Прокурор ЧИАССР назначался Генеральным прокурором СССР на пять лет. Он назначал городских и районных прокуроров.

Для нас фундаментальным является вопрос, что представляла собой власть в чеченском обществе и насколько именно советская власть была властью в ее истинном значении слова, т.е. институтом управления обществом. Безусловно, ответить на этот вопрос невозможно, если не учитывать два обстоятельства. Во-первых, общие основы советского режима в стране, опиравшегося на институт единственной правящей Коммунистической партии и на систему специальных служб, прежде всего КГБ. Во-вторых, – местную специфику, которая была повсюду, особенно в так называемых национальных автономиях. Другими словами, какова была советская власть в Чечне и какова была чеченская советская власть? И была ли она на самом деле, ибо, если верить современным пропагандистам, “чеченцы никогда и никому не подчинялись и при советской власти никогда не жили”, – так заявил Павел Лусканов в репортаже по НТВ из Чечни в феврале 1995 г. Это лишь одно из тысяч подобных заявлений.

Основным органом власти в Чечено-Ингушетии был местный обком КПСС. Его первый секретарь являлся “первым лицом” республики. Вторым считался Председатель Верховного Совета. Над ними была только Москва, начиная от генерального секретаря, политбюро и орготдела ЦК КПСС, который ведал назначением номенклатурных кадров. Первые лица страны редко лично посещали Чечено-Ингушетию, когда же такое случалось, то это было эпохальное событие для местной власти. Оно означало внимание, поддержку и сулило дополнительные финансы на местные проекты развития. Для Чечни после ее восстановления таким событием стало посещение Грозного Л.И. Брежневым, о котором очень ярко рассказал Хажбикар Боков:

/Три дня ждали, когда Брежнев сделает остановку в Грозном во время своей поездки в 1981 г. в Азербайджан. Не могли точно определить, где он будет останавливаться: или в Беслане (Северная Осетия) или у нас в Чечне. Из Москвы говорят: “Ждите, может быть и у вас, на вашей территории где-нибудь там в тушике. Если позволит его окружение, его охрана, вы можете встретиться с ним. Можете зайти в его спецвагон и на всякий случай можете иметь что-то с собою. Но точно сказать ничего не можем”.

Мы все три дня бегали со всеми этими делами и даже не спали: забьем выпьем и дальше. Так что состояние было дурным, когда поезд из Баку остановился. Это было часов в семь утра. На станцию Грозный подъехали руководители Кабардино-Балкарии и Северной Осетии. Из Дагестана никого не было: он там останавливался.

Брежнев еще не спустился, а уже от двери спрашивает: товарищи, как живете?

Встреча Л.И. Брежнева на вокзале в Грозном (третий справа – Х.Х. Боков)

- Как дела,
- Хорошо живем, Леонид Ильич!
- Ну, а мясо как? Мяса не хватает?
- Не хватает!
- Едят много?
- Едят, Леонид Ильич, едят мясо.

Потом на перроне под руку его взял Власов с одной стороны и Мольбахов, с другой. Во втором ряду идет Черненко. Тоже на правах хозяина я взял Черненко под руку. Мы идем. Брежнев рассказывает, как Алиев показывал ему Баку: “Я вижу, что третий раз на глаза попадает один и тот же памятник и говорю ему, что по кругу нас возишь?.. В общем поездка была сложная: туда ехали – работали, обратно – тоже. Да еще заставили играть в эти как их (показывает руками как двигают по доске шашки) ... игру (наверняка Брежнев хотел вспомнить слово нарды, но не смог. – В.Т.). Потом звонки идут ото всюду, от разных руководителей стран. Хусейн звонил - приглашал на охоту”.

Образовалась пауза, как мне показалось, нелегкая, и чтобы ее разрядить, я сказал: “Стоит туда поехать, меня он тоже приглашал. Очень хорошая у них охота”.

Черненко на меня посмотрел вопрошающе: кто это непредставленный ему так заявляет? А Власов оглянулся и я прочитал его взгляд: что, чокнулся Боков, что-ли? А я имел в виду не иорданского Хусейна, а кабардинского начальника охотинспекции Хусейна Залиханова, который был моим другом. Если бы голова была посветлее, я бы подумалб как Залиханов мог добратся до Брежнева.

Я потом года два от Черненко взгляд свой прятал, когда в президиуме сидели с ним председатели всех верховных советов республик: все ему

аплодируют и на него смотрят, а я – в сторону, чтобы не опознал во мне того ненормального, которому, как и вождю, тоже короли позванивают по телефону.

Как только он уехал, тут же через три часа был проведен расширенный пленум обкома партии с обсуждением вопроса о мероприятиях по выполнению указаний генерального секретаря Л.И. Брежнева по росту экономики и благосостояния Чечено-Ингушетии. Доклад уже был готов заранее и продолжался полтора часа. Хотя ни слова Брежнев не спросил о Чечне».

В 1970–1980 гг. Чечено-Ингушетия не была объектом какого-то особого внимания Кремля и руководства РСФСР. Эта автономия числилась среди быстро развивающихся в экономическом и культурном отношении регионов с достаточно стабильной политической и межэтнической ситуацией. В стране было много других проблемных и беспокойных мест. В свою очередь, отношения с Москвой у чечено-ингушского начальства были не столь одномерными, как об этом информируют историко-политологические тексты. В них были свои драмы и юмор, свои коллизии и своя игра. Поездки местного начальства в Москву, особенно на партийные съезды, сессии Верховного Совета и разные совещания были довольно частыми и составляли важный момент не только формальных, но и неформальных связей. Именно в этих ситуациях республиканские лидеры, утратив статус местных вождей, вели себя человечнее, позволяли слабости и демонстрировали солидарность. Именно в эти моменты они, возможно, больше всего чувствовали себя “другими”, а не только частью одного общего института власти общей страны. Боков рассказал мне на эту тему несколько историй:

«Вызывает меня однажды “первый” по телефону: “Ты сегодня не уходи пока не позову”. Зовет в девятом часу вечера. Я тогда был заведующим идеологическим отделом обкома, и мне было всего 28 лет. Дает мне запечатанный конверт. Повезешь в Москву сегодня вечером. Это - представление тебя на секретаря обкома по идеологии. Жене скажи, что в срочную командировку, а зачем - не говори”.

– Но ведь до поезда всего полтора часа?

– А тебе что надо собираться? Возьми машину и поезжай.

Поехал я вместе с Магомедом Измаиловичем Аубакаровым, который был “божьим человеком” и замечательным работником. Он заведовал сельхозотделом и его представили на секретаря обкома по сельскому хозяйству. Он был прекрасный специалист, ветеринарный врач. Бывало при любых женщинах все про скрещивание мог рассказать в самых подробностях. А нашим женщинам слушать это было и неудобно, и интересно. Но он ничего не читал и политиком не был. Однажды захожу к нему в номер в гостинице. Тогда были уже телевизоры вместе с радио. У него по телевизору идет балет, а по радио траурная музыка: кого-то в те дни похоронили. Он сидит и смотрит. Я ему поставил звук с телевизора, а радио выключил. Он говорит: “Ну так им, конечно, веселее танцевать”. Магомед подумал, что это я нашел на каналах музыку для этого балета.

Как-то первый секретарь обкома Семен Опряткин решил выдвинуть одного из подчиненных Магомеда на престижную должность. На совещании, чтобы не обидеть Абубакарова, спрашивает, что он думает насчет нового назначения товарища Орешника: “Ослабления там не будет?” Магомед ответил: “Там ослабления не будет и там усиления не будет”.

Когда мы с ним тогда приехали в Москву, к нам в номер в гостинице “Москва” пришли наши ребята и стали уже праздновать. Тогда только водка “Старка” появилась. Были молодые. По бутылке выпили и ничего. Но тут звонок со Старой площади (ставший афористическим адрес, где располагалось здание ЦК КПСС. – В.А.) уже в 11 часу вечера: приезжайте к Капитонову (всемогущий секретарь ЦК КПСС по организационным вопросам. – В.А.). Не пойти было нельзя. Давай под краном холодной воды пошолов держать и по пачке в рот “холодка”. Машину не стали просить, а пошли пешком, чтобы проветриться. Был февраль, и мы еще снежком в рот и на лицо, но все равно пришли пьяные. Правда, спрашиваем перед кабинетом друг друга: “Ну как, от меня пахнет?”

Капитонов нас обоих пригласил сразу и стал беседовать.

– Как вас зовут?– обращается к Магомеду.

– Магомед Измаилович. А Вас?

– Иван Васильевич.

– А, Василий Иванович. Виноват, у вас и в а н о в много, как у нас м а г о м е д о в.

Пока Капитонов говорил по телефону, Магомед мне по-чеченски говорит: “Ну, надо идти домой в гостиницу, еще успею заказать в ресторане выпить, деньги у меня есть”.

А на 25 съезд партии делегация ехала поездом, чтобы не дай бог не разбиться самолетом: тогда бы столь большое событие могло быть омрачено. Мы сели в поезд и стали доставать кому что жены положили. У одного оказалась черемша и у другого – Председателя Совета Министров – тоже полная кастрюля черемши. Мы ехали всю дорогу и эту черемшу ели. Ее запах очень впитывается и долго держится, даже если кастрюлю хорошо помыть. В гостиницу поселились, запах везде пошел по коридорам. Нам иногда казалось, что и от нас самих пахнет черемшой, когда мы сидели в Кремле на заседаниях».*

В своем рассказе о встрече Брежнева Боков упомянул имя Власова, который шел в первом ряду с Брежневым по перрону грозненского вокзала. Это был Александр Владимирович Власов, первым секретарь обкома КПСС ЧИАССР в 1980-е годы, про которого я слышал

* Как мне представляется, черемша, или медвежий лук (*Allium ursinum*) является тем, что в антропологии пищи относится в продукту выживания, или кризисной пище. Прежде всего потому, что появление богатой витаминами черемши в конце зимы, когда многие продукты заканчиваются, имеется острый недостаток витаминов и люди начинают болеть, черемша многих спасала от истощения и смерти. Джабраил рассказал мне, что после возвращения в Чечню время было трудное и чеченцы спасались черемшей. Как только наступала середина февраля, люди выходили в горы, раскапывали снег и собирали молодые побеги черемши. Это было спасение от малярии и цинги. Приезжие не ели черемшу, а как только чеченцы вернулись, так сразу запахло в вагонах, в трамваях. Некоторые русские ворчали “Вот, приехали вонючие”. А потом сами стали покупать и есть с удовольствием.

много позитивных высказываний от всех чеченцев. До Власова должность первого секретаря в республике занимал Титов, о котором Боков рассказал следующее:

«Федор Егорович Титов был первым секретарем обкома в 1964–1967 гг., и это был партийный руководитель крепкой закалки, простой и твердый, справедливый и честный. Таких руководителей становилось со временем все меньше и меньше. Ему однажды начальник нашего КГБ генерал Жигулин подал информацию, что в одном из совхозов директор раздает совхозный скот, чтобы кормить мусульманскую секту и прочее. Титов вызывает и говорит: “Поезжай по этому письму”.

Я поехал и написал справку, что на самом деле этот директор совершил подвиг. В том селе погиб лучший тракторист в районе, человек высочайшей квалификации, но не удержал трактор на косогоре и перевернулся. А у него на дворе ничего нет, жена да пятеро детей и никакой скотины. Не было коровы или телки, чтобы принести жертву на похоронах и накормить людей. Директор отдал на похороны корову, и кто-то сообразил об этом, видимо из местных работников КГБ. Директора вызвали на заседание бюро обкома, а мне поручили доложить. Я начал все излагать, как было, и Титов вдруг объявил перерыв, видя, что дело идет не в ту сторону. После перерыва я снова о том же, а он: “Видимо Боков не разобрался до конца и надо еще раз посмотреть. Пусть поедет с ...”.

Я говорю, что я не поеду: “Мне все ясно, и я мнение не изменю”.

Титов: “Тогда пусть сам Жигулин и едет”.

Они там долго копали, но ничего не нашли, и мою оценку подтвердили. Так потом этому директору обвинули благодарность за чуткое отношение к людям, а мне Титов сказал: “Ты молодец, и спасибо тебе, что уберег нас от большой ошибки. Если бы наказали этого директора, то восстановили бы против себя население”».

Самое важное в рассказанной истории – это свидетельство существования в советской Чечне народной традиции, связанной с похоронным обрядом, а именно – обязательное щедрое угощение мясом специально забитой коровы или другого скота (овцы, быка, теленка), что одновременно представляет собою и символическую жертву в память об умершем. Не сделать этого считается большим позором для родственников; чем больше зарезано скота и больше людей побывало на похоронах, тем достойнее представляется исполнение обряда.

Конечно, для бедных чеченцев похороны были и остаются обременительными, а в старые, колхозные времена, когда “мясная проблема” была проблемой общенациональной, забой коров для похорон был чистым экономическим ущербом. Местные власти боролись против этого обычая скорее по экономическим, а не по религиозным соображениям, но трактовали это как “религиозный пережиток”. Не случайно, уже в новые времена распространения ваххабизма его сторонники первым делом занимаются тем, что стыдят многих людей (не только родственников и друзей!), которые обычно собираются на похороны, заставляя тем самым семью умершего идти на разорительные расходы.

“Он из-за вас последнюю корову зарезал, чтобы всех накормить, а завтра детям есть будет нечего. Убирайтесь отсюда, зачем понаехали?! А тем, кто хоронит, слышать все это страшно неловко, но все знают, что они правду говорят. Люди не могут вырваться из этого обычая”.

Об этих действиях ваххабитов в Дагестане мне рассказал Энвер Кисриев. Похожая ситуация была и в Чечне.

Однако вернемся к чечено-ингушскому “правящему классу”, из свидетельств которого предстает интересная этнография чеченской жизни позднебрежневской эпохи и начала горбачевской перестройки. Это было время, когда nepoтизм и коррупция стали общими для центральной и особенно для периферийной элиты. Ситуация в Чечено-Ингушетии мало чем отличалась от ситуации в других автономиях. Интересно, что не все с ней могли согласиться и пробовали выступать против. 15 июля 1987 г. Хажбикар Боков написал письмо в политбюро ЦК КПСС. Трудно представить себе более важный шаг, который мог в те времена сделать партийный работник, государственный служащий или вообще простой гражданин. Это была высшая инстанция в стране, ее самый высший суд. Письма в политбюро направляли многие, но чтобы такое сделал глава Верховного Совета в обход первого секретаря республики – крайне редкий случай. Тем более, что в нем не содержалась личная жалобы или донос, а оно касалось деятельности прежде всего “первого лица”.

Приведем сокращенный текст письма Бокова в политбюро:

«...В конце мая т.г. Постоянные Комиссии обеих палат Верховного Совета СССР на своем совместном заседании под председательством секретаря ЦК КПСС депутата Разумовского Г.П. рассмотрели вопрос о практике применения Указа Президиума Верховного Совета СССР “Об усилении борьбы с извлечением нетрудовых доходов” в Чечено-Ингушской АССР... По возвращении из Москвы я обстоятельно доложил о характере обсуждения и принятом решении Президиуму Верховного Совета АССР с участием членов Правительства и председателей исполкомов районных и городских Советов народных депутатов республики. Было также доложено бюро обкома партии. При этом я считал себя обязанным, опираясь на конкретные примеры и факты, откровенно сказать, что среди населения республики с каждым годом все более четко вырисовывается имущественное неравенство, в основе которого не лежит честный труд и справедливое вознаграждение за него, что в республике сформировалась и продолжает почти беспрепятственно развиваться целая социальная прослойка, которая паразитирует на общественном, государственном богатстве, созданном руками честных тружеников...

Я не сгущал и не драматизировал, но и не упрощал, а говорил горькую правду, как она есть. Не думаю, чтобы руководители республики, будь то первый секретарь обкома или председатель Совмина, председатель Президиума Верховного Совета или второй секретарь обкома, бывая в селах, не обращали внимание на двухэтажные особняки с подземными гаражами и высокими металлическими или кирпичными заборами. Видели, конечно, может быть, и возмущались, отдавали соответствующие поручения: навес-

ти порядок в индивидуальном жилищном строительстве. Между тем количество особняков, не вмещающихся ни в какие архитектурные нормы, с каждым годом возрастает. Кому же принадлежат эти особняки? Механизаторам, животноводам, полеводам, агрономам, учителям, то есть тем, кто работает в поле, на ферме, учит детей или охраняет здоровье крестьян? Нет. К сожалению, самый честный и трудолюбивый тракторист или комбайнер на свои заработанные деньги не сумеет осилить подобного строительства хозяевами этих величавых домов в абсолютном большинстве являются или лица, работающие в заготовительных органах, в снабжении, торговле, партийные, ответственные, хозяйственные руководители или лица, не занятые в общественном производстве.

...Больше того, владельцами не одной сотни автомашин являются учащиеся, студенты, не сделавшие и шага в своей трудовой биографии. Необходимо заметить, что значительная часть автомобилей приобретается не в торговой сети, а у частных лиц и по спекулятивным ценам. Получается так, что, к примеру, монтажник годами собирает деньги, чтобы приобрести автомашину, а сын, скажем, заготовителя или директора торговой базы, не имеющий понятия о трудовых мозолях, подкатывает к институту на дорогом автомобиле, принадлежащем ему лично. И дочери таких родителей уже со школьной скамьи выделяются среди сверстниц украшениями, которые стоят не одну тысячу...

...А пока деревня в значительной степени живет по обычаям патриархальной старины: у кого деньги, у того и сила. Это может показаться невероятным, но это так. Конечно, в селе есть и Советы, и партийные, комсомольские организации. Здесь произносятся на собраниях и сходах горячие речи. Но все это почти не мешает материальному процветанию владельцам нетрудовых доходов. На их охране твердо стоит род со своими тайными и явными представителями в руководящих органах районов, республики, обязанными ему своим служебным положением.

Как могло случиться, что при существовавшем порядке строгого регулирования общественных процессов произошли такие социальные перекосы?... Об этом говорит то положение, что по сию пору в республике вольготно живет дельцам, спекулянтам, взяточникам. Они даже бравируют своей ловкостью и способностью “делать деньги”. А раз есть деньги, значит, по мысли этих рвачей, новоявленных баев, можно обойти и закон. И обходят разными путями и способами. Задабривают “нужных” людей, под видом кавказского или горского гостеприимства преподносят им дорогие подарки или крупные суммы денег; они стараются для своих потомков покупать все, начиная от школьной оценки, кончая студенческим билетом, вузовским дипломом и служебным креслом. И таких махинаций, проходящих безнаказанно, у нас полно.

...Иногда создается такое впечатление, что перестройка не вошла в сознание руководящих кадров и что пример высокой сознательности, принципиальности и честности в оценке положения дел не идет от многих партийных и советских работников республики...

Хотелось бы высказать некоторые свои соображения и по весьма тонкому и чувствительному вопросу внутринациональных и межнациональных отношений. Думается, что на местах к решению некоторых принципиальных вопросов, затрагивающих национальные чувства, допускается упрощенческий подход. Не учитываются глубинные перемены в экономиче-

ском, социальном, духовном развитии наций. У нас в республике кадровая политика не всегда основывается на принципах личных достоинств человека, а как правило кадры подбираются и расставляются по принципу национально-этнической раскладки: 5–4–1. И эта раскладка выдерживается как при выборах руководящих партийных, советских[органов, так и при назначении на руководящие должности. Расшифровка ее такова: пять чеченцев, четыре русских и один ингуш*... Думается, что при следовании такой раскладки в определенной степени ущемляется основополагающий принцип равенства наций, допускается отступление от партийного принципа подбора кадров не по национальным признакам, а по личным деловым и политическим качествам...».

После получения этого письма на Старой площади Разумовский прислал разобраться своего заместителя Анисимова. Фатеев решил собрать закрытое заседание бюро обкома КПСС. «Я им тогда сказал, что все творится с вашего ведома и на виду ЦК, а Анисимов ответил, что руки хочется вымыть после того как поздороваешься с этими людьми». Но едва ли ЦК что-то могло тогда изменить в республике. В марте 1990 г. Боков уехал в Москву «по переводу в Совет Министров РСФСР». Он явно испортил отношения не только с республиканской номенклатурой, но и, как иногда говорят на (пост)советском Кавказе, с «народом», который с конца 1980-х годов появился в новом облике «несистемных» активистов и митингующих.

«Незадолго перед этим в Назрани в 1989 г. “стоял митинг” 17 дней. Варили мясо и раздавали деньги, чтобы люди митинговали. Активисты спрашивали, почему ингуш Боков не едет к своему народу. Я приехал и ска-

* Джабраил Гакаев не подтвердил, что такой принцип действительно соблюдался, и объяснил эту версию Бокова скорее недовольством со стороны ингушей, которые ощущали себя на последнем месте в трехобщинном сообществе. Более того, он сказал следующее: «В разных сферах, несмотря на явное меньшинство ингушей по сравнению с чеченцами, реальное соотношение было скорее 1:2. У нас в университете был создан филологический факультет и планировалось набрать примерно 100 чеченцев и 25 ингушей, но реально получилось набрать одну студенческую группу ингушей и две группы чеченцев. Ингуши доминировали в некоторых областях и на некоторых позициях, и об их дискриминации в республике говорить будет неправильно». Что касается самого Бокова, то Джабраил сделал следующее признание: «Я ненавидел Хажбикара. Он был партийной звездой и карьеристом. Ради идей и указаний он был готов идти на все. В январе 1973 г. на областном партийном пленуме он сказал: “Вас не простили и партия может снова Вас выслать”. Он был единственный, кто такое посмел заявить. Боков сейчас сильно изменился. У него даже собственный сын стал ваххабитом. Но тогда он был самым рьяным партийным работником. Он был такой же взяточник, что и первый секретарь Фатеев, на которого он написал в политбюро. До сих пор есть много свидетелей его вредной деятельности, которая только усложнила ситуацию в Чечено-Ингушетии. Он не давал послаблений, когда они уже были нужны. Я, например, сам приходил к Завгаеву и советовал ему, что и как нужно сделать, чтобы выпустить пар. Например, говорил, что нужно издать работы Авторханова, иначе их издадут национал-радикалы и будут это использовать в свою пользу».

зал, что прежде всего я отвечаю за республику, а не за ингушей и у меня 20 районов и я мог приехать и на 20-й день.

Я им сказал тогда: “Где народ? Этот? Это не народ, а толпа. Народ работает в поле и на заводе”» (Хажбикар Боко).

В 1990 г. впервые “первым лицом” в Чечено-Ингушетии стал чеченец Доку Завгаев. О нем я услышал много разных высказываний. Жовзан, которая была секретарем и ближайшим помощником Завгаева даже в период его второго правления во время войны в Чечне, рассказала мне одну удивительную историю:

«Когда я училась в Академии госслужбы в Москве, он дал мне поручение найти в архивах документы на тех чеченцев, которые участвовали в Великой Отечественной войне, были награждены, но не получили по разным причинам свои награды. Завгаеву это было очень важно, особенно накануне 50-летнего юбилея окончания войны, который должны были праздновать в мае 1995 г. Я в московских архивах все перерыла, документы мне давали, и я нашла несколько человек. Часть из них еще были живы.

Получила эти награды и поехала в Грозный. Нашли этих людей, и Завгаев вручил награды. По грозненскому телевидению все это показали. Потом ко мне один незаметно подошел и говорит: “Тебе лучше уехать, боевики на тебя охоту объявили”. Я не очень этого испугалась. Домой поехала без всякой охраны. Мне тогда Завгаев дал двухкомнатную квартиру. Я ее с такой любовью устлавала. У меня были такие красивые обои и занавеси на окнах.

Ночью сплю с сестрой. Вдруг, даже сама не могла понять, что произошло: гром, стекла и штукатурка в лицо, с кровати сбросило. А это из гранатомета в окно выстрелили. Как получилось, что не убило, сама не знаю. Вся в крови поехала в Дом правительства. Говорят, ты же ранена, у тебя осколок за ухом торчит. Меня в аэропорт отвезли, там самолет вылетал в Москву. В Москве в больнице диагноз поставили ЧМТ (черепно-мозговая травма). Но скоро все зажило, хотя контузию чувствую. Вот так я наградила своих чеченцев советскими орденами».

Главный мотив рассказов о Завгаеве состоял в том, что он был крепким и волевым руководителем, но при нем многое стало меняться, чего простые чеченцы не одобряли. Это прежде всего кумовство, протекционизм и коррупция. Завгаев стал устраивать на престижные должности людей из круга своих близких и дальних родственников*. Он требовал беспрекословного подчинения и был мстительным. Некоторые его личностные конфликты потом сыграли роковую роль в жизни республики и в приходе к власти Дудаева. Одной из первых называют историю с Русланом Хасбулатовым, ко-

* Хеда Абдуллаева сделала здесь следующее замечание: “У нас, наоборот, многие считают, что если бы Завгаев поставил своих родственников и односельчан на ответственные посты, тогда все могло бы сложиться по-другому. Он же позволил, чтобы его окружение составили выходцы из горных сел, которые впоследствии его же и предали, как, например, министр внутренних дел Чечни Алсултанов”.

гда тот захотел стать ректором Чечено-Ингушского университета в Грозном, где уже работали его сестра и брат.

«У Хасбулатова был высокий авторитет в Чечне: окончил МГУ, стал профессором, заведовал кафедрой в Москве. И он рассчитывал, что это место должно достаться ему. Но Завгаев не послал его кандидатуру на утверждение в Москву, и это было большим оскорблением для Руслана Хасбулатова. Потом его избрали от Чечни в народные депутаты России, и он стал ближайшим соратником Ельцина во время августовского путча. А когда он встал во главе Верховного Совета России, то первым делом не простил Завгаеву старую обиду. Использовал сначала его прогорбачевскую позицию, а потом неясное поведение во время путча и решил с ним покончить».

Говорят, слышали, как он сказал: “Завгаева в Москву надо доставить в железной клетке”. А на одном из наших собраний, когда мы собрались в его квартире (бывшая брежневская квартира), он нам так и сказал: “Я – отец нации”. Нам, всем чеченцам, людям уже известным и со статусом, было это очень странно все слышать» (Джабраил Гакаев).

РАСКОЛ МЕСТНОГО СООБЩЕСТВА

Распри и разногласия внутри чеченской элиты особенно усилились именно при Завгаеве. Этому могли способствовать горбачевские перемены, когда наступала политическая либерализация и более жесткая борьба за власть вне номенклатурной системы. Но нельзя исключать и тот факт, что именно сам момент, когда стал доступен пост “первого лица” для чеченцев, породил конкуренцию, ибо до этого она была просто бессмысленной. Все знали, что на должность “первого” Москва всегда назначала русского и чеченцам не доверяла этот пост. Теперь ситуация поменялась, но она дала неожиданные результаты. Один из чеченских стариков однажды сказал мне: “Не надо было менять Завгаева на Дудаева. Завгаева и его родственников мы уже накормили досыта. Они все имели. Теперь придет новый - его снова надо накармливать”.

Первоначально меня интересовал вопрос, каким образом была организована жизнь и власть в Чечне на уровне районных и местных сообществ, а также городских общин. На этот счет у меня оказалось мало свидетельств.

«У нас в селе Беной самой важной фигурой был председатель сельсовета, его звали Кати. Сколько я помню, он был на этой должности. Он был такой большой, толстый, ходил важно. Все вопросы решал сельсовет. Он жил только немного лучше других. Тогда не было ни у кого особых особняков. Все жили примерно одинаково. Была лишь семья Минцаевых (один из них был оперный певец), которая считалась богатой. Их отец работал на мельнице. Это тогда считалось престижным местом. Все называли ее “мельницей Тагира”, хотя она может быть и не была его собственностью. Никто не выделялся

Чечня, дом колхозника в с. Маиртуп. 1969 г. (Фото Б.А. Калоева)

особо. Те, кто работал в торговле, тоже ничем особо не выделялись» (Хеда Абдуллаева).

Интересные сведения привела в своем рассказе Лидия Дьяченко, работавшая несколько лет на комсомольской и партийной работе в одном из чеченских районов.

Гораздо больше материала удалось собрать в целом о новой (последепортационной) Чечено-Ингушетии. Действительно, в 1960–1980 гг. в республике сформировалось новое общество, в котором происходили сложные процессы. Изменился демографический баланс основных групп населения. После возвращения депортированных на территорию Чечено-Ингушской республики произошло увеличение населения на 46,3% за 11 лет. Некоторые специалисты объясняют это тем обстоятельством, что в период депортации самая старая и слабая часть населения вымерла и поэтому возвратившиеся представляли собой людей молодого и наиболее репродуктивного возраста¹². Этот аргумент вызывает сомнения, ибо в 1960–80 годы рожали те, кто сам родился в депортации, что означает прежде всего высокую рождаемость, а не вымирание среди чеченцев в период их пребывания в Средней Азии.

В 1970 г. в СССР проживало 612 674 чеченцев, в 1979 г. - 755 782, в 1989 г. – 958 309. Согласно последней советской переписи, 899 тыс. чеченцев проживали в РСФСР, включая 734,5 тыс. в Чечено-Ингушетии, около 58 тыс. в Дагестане, 15 тыс. в Ставропольском крае, 11,1 тыс. в Волгоградской области, 8,3 тыс. в Калмыкии, 7,9 тыс. в

Астраханской, 6 тыс. в Саратовской, 4,6 тыс. в Тюменской области, 2,6 тыс. в Северной Осетии и 2,1 тыс. в Москве. Последняя цифра сильно выросла за последние годы, и число постоянных и временных жителей Москвы, которое составляло около 30 тыс. после войны 1994–1996 гг., возможно, с тех пор удвоилось.

В результате высокой рождаемости чеченцы и ингуши из примерно половины населения республики превратились в явное большинство, а по общему количеству стали самым многочисленным народом на Северном Кавказе, если не считать суммарное русское население всех республик. На 1 января 1989 г. в ЧИАССР жило 718 тыс. чеченцев (64% всех жителей республики), более 280 тыс. русских (24%), 14,8 тыс. армян, 12,6 тыс. украинцев. При этом уровень урбанизации среди чеченцев был ниже, чем в целом по стране. По переписи 1989 г. доля горожан в Российской Федерации составляла 73%, на Северном Кавказе – 57%, в Чечено-Ингушетии – 41%. Среди чеченцев доля горожан в Чечено-Ингушетии составляла 25%.

Небольшая территория была достаточно плотно заселена и имела хотя и скромную (0,5% национального дохода Российской Федерации при 0,8 % населения в 1990–1992 гг.), но разнообразную экономику, причем более 90% получаемого дохода направлялось на личное и общественное потребление внутри республики. С этой точки зрения говорить о “колониальном статусе” Чечни по меньшей мере неверно.

Основным природным сырьем республики была и оставалась нефть, помимо небольших запасов природного газа и источников термальных вод. Последние не использовались, как и богатые запасы строительной глины и ценные породы древесины. Тем не менее, в эти годы в республике появилась высокоразвитая промышленность, особенно нефтепромышленный комплекс, а также энергетика и машиностроение. Добывавшиеся на территории республики нефть и газ почти полностью перерабатывались на грозненских заводах, способных перерабатывать до 20 млн т. нефти, не только северокавказской, но и поступающей из других регионов. В 1991 г. на трех заводах производственного объединения “Грознефтеоргсинтез” было переработано 15 млн т. нефти. Грозный стал основным поставщиком высококачественного моторного топлива, применявшегося в советской авиации, а также другой продукции (нефтеаппаратуры, насосов, тракторных прицепов, электрографических машин, разливающих линий, электро- и медицинских инструментов).

В Чечено-Ингушетии производилось до 90% всех авиационных масел страны. В городах Грозном и Назрани были построены или модернизированы предприятия легкой промышленности (трикотаж, обувь, швейное дело). Среди республик Северного Кавказа Чечено-Ингушетия стала своего рода “промышленным гигантом”, с которым могла сравниться только промышленность Северной Осетии, где был развит военно-промышленный комплекс. Промышленность

Чечено-Ингушетии на 95% была “союзного подчинения”, и значительная доля доходов от добычи и переработки нефти шла в союзный бюджет. Подобная ситуация была довольно типичной для многих регионов СССР, включая и автономные образования (особенно Башкирия, Татария, Якутия).

Однако процесс индустриализации в Чечено-Ингушетии имел один важный этнический аспект. В республике произошло разделение экономики на два сектора: “русский” (нефть, машиностроение, системы жизнеобеспечения населения, инфраструктура) и “национальный” (мелкотоварное сельское хозяйство, торговля, отхожие промыслы, криминальная сфера, пополняемая новыми контингентами населения, вступающими в трудоспособный возраст). Парадокс был в том, что промышленность и транспорт испытывали недостаток в квалифицированных кадрах и рабочей силе в целом. Но мало что делалось для вовлечения в эти сферы чеченцев и ингушей, в отношении которых сохранялась скрытая дискриминация. В конце 1980-х годов на крупнейших производственных объединениях Грознефть, Оргсинтез, где было занято 50 тыс. рабочих и инженеров всего несколько сот рабочих являлись чеченцами и ингушами. Джабраил рассказал мне, что уже будучи заведующим кафедрой Грозненского университета и известным в республике человеком, он с огромным трудом смог устроить одного из своих племянников на грозненский завод “Красный молот”, куда почти не брали чеченцев, особенно на руководящие должности.

В то же самое время сельское хозяйство было не в состоянии поглотить прирост трудовых ресурсов коренного населения. Многие молодые чеченцы, в том числе и с образованием, были вынуждены уезжать в другие регионы страны или уходили в криминальную среду. По некоторым оценкам, избыточное население составляло от 100 до 200 тыс. человек, или до 20–30% трудоспособного населения республики. Именно эта категория приняла активное участие в последующих политических событиях и составила основной резервуар для вооруженной борьбы. Джабраил Гакаев пишет в своей книге:

«Народу республики от деятельности нефтехимического комплекса досталась лишь самая загрязненная в экологическом отношении окружающая среда и хищнически разграбленные ресурсы. Социальная инфраструктура оставалась неразвитой, особенно в сельских районах Чечни. Чеченцы и ингуши на “шабашные” деньги строили большие красивые дома, но при этом многие села были без больниц, школ, газа, дорог, т.е. без индустрии услуг, которая делает жизнь качественно иной. Настоящим бичом чеченцев и ингушей была безработица, ее следствием стало массовое отходничество, спекуляция и рост преступности»¹³.

Число так называемых “шабашников”, выезжавших на сезонные работы из республики, доходило до 100 тыс. человек. На заработки вместе с родителями выезжали и дети школьного возраста. Многие из них не смогли из-за этого окончить школу и получить об-

Грозненский нефтехимический комплекс. 1985 г. (Фото В. Щеколдина)

разование. Д. Гакаев отмечает еще один важный аспект социальной ситуации:

«Если большинство отходников зарабатывала на хлеб насущный каторжным трудом, ценой здоровья обустроивая захолустья России и Казахстана, то слой дельцов от отходнического промысла наживался на приписках, воровстве (совершалось все это в сговоре с местной администрацией) и эксплуатации не только “бичей”, но и десятков тысяч своих соплеменников. Хуже того, шабашники этой категории везли домой не только большие деньги, обретенные несправедливым путем, наркотики, но и маргинальную культуру, которая разлагающе действовала на традиционные устои вайнахского общества»¹⁴.

Именно этими обстоятельствами следует объяснять высокий уровень правонарушений среди чеченцев по сравнению с представителями других групп населения. В ЧИАССР ежегодно осуждались на длительные сроки тюремного или лагерного заключения около 4–5 тыс. чеченцев и ингушей. Некоторые специалисты считают, что действовавшая в республике пенитенциарная система была этнически

избирательной и дискриминационной в отношении чеченцев. Кроме того, чеченцы и ингуши вплоть до самого последнего времени находились под плотной “опекой” КГБ, и в их среде постоянно велась агентурная работа и слежка. Рассмотрим этот вопрос особо, ибо он имеет прямое отношение к объяснительным версиям “чеченской революции”.

“В последепортационный период среди части чеченцев сохранялись настроения социального и политического недовольства, а также сравнительно более высокий уровень внеправового поведения, вызванные прежде всего последствиями депортации и социально-экономическими проблемами восстановленной республики. Чечня и чеченцы вместе с ингушами оставались предметом особого внимания со стороны партийных органов, а также КГБ и МВД СССР, продолжавших считать эту часть советских граждан недостаточно лояльной режиму и подверженной “националистическим предрассудкам”. Так, например, 30 апреля 1966 г. председатель КГБ В. Семичастный направил в ЦК КПСС документ по поводу “оживления националистических и шовинистических (!) проявлений” среди интеллигенции и молодежи Чечено-Ингушской АССР и увеличения случаев межнациональной розни, которые “нередко перерастают в групповые инциденты и эксцессы”.

Этот документ содержит ряд примеров “распространения антисоветской клеветы на коммунистическую партию и национальную политику Советского Союза”. В частности, цитируется высказывание члена КПСС, начальника управления магистрального нефтепровода А.Ведзижева в беседе с профессором Д.Мальсаговым: “Весь мир пробуждается, все говорят о независимости... остается только колониальный Восток большевизма, где никаких прав нет... Все те же методы: казахские земли отдали узбекам, туркменскую землю в районе Мангышлака отдали казахам, нашу землю (Ведзижев был ингуш. – В.А.), отдали осетинам, чеченскую землю отдали Дагестану. Армения и Азербайджан натравлены на Нахичевань, отдают туда-сюда. Разделяй и властвуй... Клянусь вам, что наступит время, когда вынуждены будут вырезать коммунистов. Люди недовольны данным состоянием”.

Руководитель КГБ сообщал о том, что “отдельные представители творческой интеллигенции в своих произведениях и частных беседах протаскивают политически вредные суждения”. В качестве примера приводится высказывание известного ингушского писателя Идриса Базоркина (тоже члена КПСС) в беседе со своей знакомой А.: “Россия делает вид, что национальные республики самостоятельны... За границей правильно говорят, что у нас система – государственный капитализм. Они считают, что это скрытая форма колониализма... Меня подмывает взять и написать весь перечень бед и несчастий, которые Россия принесла этому народу... Чтобы там не говорили о национальной самостоятельности и национальном суверени-

тете, но все национальные народы чувствуют духовный гнет со стороны русских”. По данным КГБ, в республике среди интеллигенции и молодежи распространяются суждения, что “Чечено-Ингушетия является колонией России, чеченцы и ингуши эксплуатируются, а их богатства, в ущерб народу, вывозятся из республики”.

Глава КГБ писал, что среди чеченцев и ингушей имело место “враждебное отношение к проживающим в республике лицам других национальностей, особенно русским, стремление к вытеснению с руководящих должностей работников не местных национальностей”. Опять же источниками информации становятся высказывания местных писателей М. Мамакаева, Н. Мурзаева и некоторых других о том, что русские “засели” в руководящих органах республики, ущемляют интересы чеченцев и ингушей, надо добиваться занятия их мест и, таким образом, сделать республику “своей”. «Писатели С. Чакхийев и А. Веджижев в повестях “Золотые столбы” и “Орден” завуалированно протаскивают чуждые советской идеологии взгляды и тем самым тоже возбуждают ненависть к русским». В этом же “черном списке” называются некоторые ученые из республиканского научно-исследовательского института языка и литературы.

КГБ отмечал тенденцию “националистически настроенных лиц” ориентироваться на молодежь, которая ими рассматривалась как сила, способная занять руководящее положение в республике и сделать ее “своей”. Одним из проявлений местного национализма уже тогда становится и вопрос о возвращении республике Пригородного района Северной Осетии. Представители интеллигенции и мусульманского духовенства, “используя пережитки прошлого, стремятся разжигать ненависть к осетинскому народу, подстрекают малосознательных граждан к вредным поступкам, заявляют о необходимости при удобном случае “пролить кровь за свою землю” и силой вытеснить оттуда осетин”¹⁵.

В республике происходили такие крайне редкие для других регионов страны проявления межэтнической напряженности, как групповые столкновения, сопровождавшиеся убийствами. По данным КГБ, только в 1965 г. произошло 16 групповых столкновений и значительное количество дерзких уголовных преступлений. Всего по республике в 1965 г. было совершено 50 убийств, нанесено 185 тяжелых телесных повреждений от огнестрельных и ножевых ран, из них 19 со смертельным исходом. За три с половиной месяца 1966 г. – 26 убийств и 60 тяжелых телесных повреждений.

Примечателен анализ причин этих явлений, который давался органами госбезопасности. Среди них названы: влияние “антисоветской пропаганды зарубежных радиостанций, ведущейся на чеченском и ингушском языках”, вредное воздействие “лиц старшего поколения, в том числе части творческой интеллигенции”. Наконец, отмечалось, что “националистические и другие враждебные прояв-

ления возникают и на основе религиозных и родовых пережитков”. «Отдельные авторитеты, используя догматику ислама, проповедают ненависть к “неверным”, пророчат гибель советской власти, оказывают вредное влияние на верующих, разжигают фанатизм, стремятся сохранить и поддерживать отжившие традиции и нравы».

Примерно в те же годы и на ту же тему в ЦК КПСС направляло свою информацию и Министерство внутренних дел СССР. 7 мая 1971 г. министр Н.Щелоков сообщал, что “длительное время на территории Чечено-Ингушетии, Северной Осетии, Дагестана, Казахстана и Киргизии продолжали действовать преступники-нелегалы из числа чеченцев и ингушей. В ряде районов они совершали ограбления банков, касс, магазинов, терроризировали население, забирали скот”. В 1969–1971 гг. МВД СССР осуществил ряд мер, в том числе “оперативно-войсковую операцию” в декабре 1969 г. по “полной ликвидации преступников-нелегалов”. Как сообщал министр Щелоков, только за полтора года органами внутренних дел было разыскано 347 скрывавшихся преступников из числа чеченцев и ингушей. Сенсационной для тех “застойных” времен тоталитарного контроля над обществом представляется информация об изъятии огнестрельного оружия у населения в республиках Северного Кавказа, Казахстана и Киргизии: в 1968 г. изъято и добровольно сдано 6704 единиц, в 1969 г. – 7039 и в 1970 г. – 6787, в том числе 4 пулемета, 54 автомата, 2105 пистолетов и револьверов¹⁶.

В те годы вся подобная информация, как правило, была секретной и предназначалась для партийных органов и специальных служб. Анализ проблемы ограничивался идеологическими штампами или криминальными категориями и не был предметом общественно-ведческого анализа и гласного общественного обсуждения. Глубокие социальные и психологические причины “чеченской преступности” или “нелояльности” не исследовались. В пропаганде и общественно-ведческой литературе преобладала версия об успешно развивающейся “в братской семье народов СССР” Чечено-Ингушской республике. Такова была общая ситуация по всей стране, что и стало, отчасти, причиной “неожиданного” для политиков и экспертов этнического взрыва в годы перестройки. В то же время политика и наука “заздравных тостов” (по выражению М.С. Горбачева) имела и некоторый позитивный элемент: своим молчанием она как бы предохраняла от массовых этнических фобий, в том числе и от античеченских настроений среди советских граждан.

Кстати, мною были получены сведения и другого плана, которые отличаются от оценок МВД и КГБ. Они касаются сравнительно эффективного отправления правового порядка в Чечено-Ингушетии и о невысоком уровне криминалитета, особенно тяжких преступлений. Среди моих знакомых чеченцев есть сотрудник Миротворческой миссией Александра Лебеда на Северном Кавказе Шамсуддин Умаров, который долгое время (включая правительство Ду-

Город Грозный. 1985 г. (Фото В. Щеколдина)

даева) работал в системе внутренних дел Чечни, в том числе был заместителем министра внутренних дел и начальником ГУВД по Грозному. Шамсуддин рассказал мне, что в 1980-е годы в Грозном возбуждалось от 300 до 600 уголовных дел ежегодно:

“Абсолютно уверен, что все делалось по закону. Нам было все равно какой национальности правонарушитель. Кстати, не более 5% случаев можно было назвать конфликтами и преступлениями, вызванными национальными различиями. В большинстве это были драки, хулиганство, кражи, грабежи и убийства, в которых были замешаны самые разные люди. Единственное, что мы всегда старались соблюсти, это брать в свидетели русских как более нейтральных. Если возьмешь чеченца, то он потом или откажется, или изменит показания, но только чтобы против своих не выступить”.

Таким образом, излишняя подозрительность советских властей, особенно органов МВД и КГБ, по отношению к коренным жителям республики порождали тенденциозную установку об особой “нелояльности” чеченцев. В свою очередь, это привело к чрезвычайно “плотной” работе КГБ в республике, когда здесь оказалась самая высокая пропорциональная доля штатных и нештатных сотрудников главной спецслужбы страны, если исходить из численности населения. Вместо лояльности это порождало ответную настороженность и отчужденность среди многих чеченцев. Государство как бы само продолжало поощрять потенциальное чеченское диссидентство, которое только ждало своего момента для публичного заявления.

СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНАЯ СИТУАЦИЯ НАКАНУНЕ КОНФЛИКТА

1960–1980-е годы были периодом интенсивного социально-культурного развития чеченцев и ингушей, которых годы депортации и политических ограничений заметно отбросили назад по сравнению с остальным населением страны. Произошла ускоренная урбанизация и значительная часть населения обрела промышленные профессии, главным образом в отраслях нефтедобычи и нефтепереработки, в лесной и текстильной промышленности. В то же время темпы прироста численности горожан были невелики, а доля горожан – одна из самых низких среди народов России. В столице республики Грозном, где было сосредоточено примерно 30% населения Чечено-Ингушетии, собственно чеченцы составляли 30,5% (121 350), ингуши – 5,4% (21 346 человек), а русские вместе с украинцами и белорусами – 55,8% (222086 человек), т.е. значительное большинство.

После 1991 г. из Грозного выехала примерно одна треть русских и в столице шел интенсивный процесс заселения освобожденного или захваченного жилья чеченцами из других городов и сел. Однако

Таблица 1.

**Этнические различия в структуре занятости населения
Чечено-Ингушетии (по переписи 1989 г.)**

Категории населения	Индексы занятости на 1000 человек (в % от среднего индекса по России)			
	Все население России	Русские	Чеченцы	Ингуши
Занятые физическим трудом, всего	100	99	122	112
в том числе:				
-в машиностроении	100	105	45	35
-в легкой промышленности	100	100	331	169
-в строительстве	100	93	244	190
-в сельском хозяйстве	100	83	331	317
-на транспорте	100	100	81	63
-в торговле, общественном питании, жилищно-коммунальном хозяйстве и бытовом обслуживании	100	99	94	104
Занятые умственным трудом, всего	100	102	77	59
в том числе:				
-руководители производства	100	100	74	52
-специалисты в промышленности	100	106	50	32
-специалисты в сельском хозяйстве	100	100	180	140
-планирование и учет	100	104	74	58
-медицинские работники	100	100	78	59
-деятели науки, искусства и просвещения	100	100	100	84

основное разделение общества по социально-этническому принципу сохранилось. “Русский” сектор был представлен преимущественно горожанами, занятыми в нефтедобывающей промышленности, машиностроении, транспорте и управлении, “чеченский” - столичной интеллектуальной и управленческой элитой и сельскими жителями, занятыми малотоварным сельским хозяйством, отхожими промыслами, мелким предпринимательством (см. табл. 1).

До начала 1990-х годов среди чеченцев сохраняли высокий процент работающих в сельскохозяйственной сфере, и сравнительно низкой была доля занятых умственным трудом и имеющих высшее образование (см. табл. 2). В то же время чеченцы имели один из наиболее высоких показателей владения родным языком и высокую долю считающих родным язык своей национальности (см. табл. 3).

Еще в 70-е годы часть сельских чеченцев не знали русского языка, но в последние два десятилетия двуязычие стало почти повсеместным. Межнациональные браки среди чеченцев были распространены весьма незначительно. В случае смешанных браков в них чаще вступали чеченцы-мужчины и наиболее предпочтительными партнерами были русские женщины.

Таблица 2
Образовательный уровень чеченцев бывшего СССР, в %

	1979 г., %				
	Все	Мужчины	Женщины	Город	Село
Без образования	21,54	11,72	29,95	14,48	23,38
Начальное	21,07	18,99	22,14	14,94	22,61
Неполное среднее	30,93	33,42	27,22	30,08	30,30
Среднее	20,07	24,84	14,68	26,95	17,05
Среднее спец.	5,25	6,00	4,32	6,84	4,54
Неоконч. высшее	1,13	1,56	0,68	2,56	0,60
Высшее	2,26	3,47	1,00	4,15	1,52
1989 г.					
Без образования	14,40	6,87	20,24	9,14	15,56
Начальное	12,50	10,54	13,27	8,41	13,32
Неполное среднее	23,60	23,10	22,02	20,73	23,25
Среднее	36,23	39,21	30,29	35,85	34,14
Среднее спец.	11,58	11,90	10,26	14,57	9,68
Неоконч. высшее	1,70	2,09	1,18	3,26	0,98
Высшее	4,67	6,30	2,73	8,04	3,06

Таблица 3
Статус языка среди чеченцев, в %

Родной язык	Год			
	1959	1970	1979	1989
Свой	99,38	99,27	99,23	98,79
Русский	0,54	0,68	0,72	1,06
Другой	0,08	0,06	0,06	0,15

Владение языком (%)

Второй язык	Годы		
	1970	1979	1989
Свой	0,6	0,22	0,23
Русский	98,89	99,33	99,21
Другой	0,75	0,45	0,57

Разительный рывок в сфере социальной мобильности был основан на быстром росте образовательного уровня, на сравнительно недавно возникшей трудовой традиции доходного подрядного промысла за пределами республики, а в самые последние годы - на индивидуальной предпринимательской активности. Многие чеченцы и ингуши занялись крайне прибыльной торгово-посреднической дея-

тельностью, позволившей им составить семейные капиталы, чтобы купить квартиры в Москве и в других городах или построить простые и комфортабельные дома в родных местах. Эльберт Алеев, московский школьник, оказавшийся со мною рядом в самолете, летевшем 11 декабря 1995 г. в Назрань, рассказал мне историю своей семьи, которая выглядит довольно типичной для многих выходцев из Северного Кавказа. Он летел в станицу Серноводскую (Сунженский район Ингушетии, где примерно пополам проживают чеченцы и ингуши, а в верхнем курортном поселке главным образом русские), куда в их фамильный дом привезли его отца Шамиля Алеева, раненного (а может быть, убитого?) в Чечне. Но сначала мальчик задал мне простой и с пронзительной грустью вопрос: “А Вы не знаете, скоро война закончится?”

Отец Эльберта был известным бизнесменом и владел сетью кооперативов в Грозном, Гудермесе, Назрани. Несколько лет назад семья купила квартиру в Москве на Юго-Западе, где они жили с матерью и тремя младшими сестрами 12, 10 и 7 лет. Мать зовут Малика, сестер – Эльбика, Сабилла и Петимат. Эльберт ходил в 9-й класс колледжа, где обучение стоит 80 долл. в месяц. «Потом я буду учиться в Оксфорде», – сказал он мне. – В Москве мне хорошо, и в классе со всеми лажу: только вначале пришлось немного подраться”. Летит в Ингушетию по вызову родственников, которые сообщили, что “с отцом беда: не мог выехать из Гудермеса и в дом попала бомба. Красный Крест вывез его оттуда без руки, а дальше ничего не известно”. Если случится так, что этот красивый юноша (“на физкультуре в классе стою в строю первым”) потеряет в этой войне отца, то на его судьбу выпадут трудности и ранняя ответственность за семью, не меньшая, чем на поколение депортированных. С какими чувствами и установками вступит в жизнь этот российский гражданин – житель столичного города, ингуш по национальности, а по культуре и ингуш, и русский (“дома говорим по-ингушски, но с первого класса в школе учусь на русском”)? Этот послевоенный вопрос еще не раз придется задавать и государству, и обществу. И чем раньше на него будут найдены приемлемые и понятные для Эльберта Алеева ответы, тем лучше для этого государства. Иначе ответы будут искажаться или в устной памяти пострадавших, или в лекциях оксфордских русистов.

В целом в конце 1980-х годов ситуация в республике была внешне стабильной, что позволяло местным партийным и государственным лидерам выступать с оптимистическими докладами на различных общесоюзных форумах. Один из таких примечательных докладов сделал первый секретарь обкома Доку Завгаев на знаменитом горбачевском Пленуме ЦК КПСС, посвященном проблемам международных отношений. Однако чеченское общество и ситуация в республике были гораздо сложнее, чем это представлялось в официальных партийных рапортах. Так, например, сохранялись традиции

кровной мести, и при местном обкоме партии даже действовала общественная комиссия по примирению кровников. Наблюдались настроения межэтнической напряженности и недоверия на уровне местного населения в самой республике и в некоторых пограничных территориях, особенно в районах проживания чеченцев в Дагестане и в Северной Осетии. Несмотря на ограничения, значительное число ингушей смогло поселиться в Пригородном районе, и осетино-ингушские противоречия вылились в массовые беспорядки во Владикавказе, когда осетины выступили с требованиями выселения ингушей из республики. Эта демонстрация была подавлена властями с применением силы.

НОВОЕ ПОКОЛЕНИЕ И ЕГО КУЛЬТУРА

29 том Большой Советской Энциклопедии (1978 г.) содержит в очерке о Чечено-Ингушской республике обширные сведения о состоянии образования и культуры. Этот энциклопедический текст не так архаичен, как текст из энциклопедии Брокгауза, но только у него сегодня фактически нет читателя. А зря! Республика в 1960–1970-е годы явно переживала не только демографический, но и образовательный бум: 569 общеобразовательных школ с 288 тыс. учащихся, 29 профессионально-технических учебных заведений с 15 тыс. учащихся, 12 средних специальных учебных заведений с 15 тыс. учащихся, два высших учебных заведения (Чечено-Ингушский университет и Нефтяной институт) с 12 тыс. студентов. С 1957 по 1975 г. численность чеченцев с высшим образованием выросла в 70 раз, и в 1983 г. доля студентов на 10 тыс. жителей республики была выше, чем даже в таких развитых странах, как Великобритания и Франция¹⁷.

В 1980-е годы в республике сложилась развитая инфраструктура культурного производства. Помимо трех профессиональных театров, филармонии, краеведческого музея и музея изобразительных искусств действовало более 400 дворцов культуры и клубов, из них 371 в сельской местности. Работали 19 народных театров и более трех тысяч коллективов художественной самодеятельности. Имелось 484 публичные библиотеки с книжным и журнальным фондом около 10 млн экземпляров. Большой популярностью пользовался кинематограф: более 300 кинотеатров имели общую вместимость на 84 тыс. мест, и в 1981 г. число посещений киносеансов составило 12,2 млн человек. Активно работали дома пионеров, детские спортивные школы, станции юных техников¹⁸.

В Чечено-Ингушетии имелись развитые средства массовой информации: издавалось четыре республиканских, 14 районных и несколько сельских многотиражных газет, два литературно-художественных альманаха. Всего с центральными изданиями население рес-

Памятник и дом-музей Л.Н. Толстому в Толстой-Юрте (Фото В. Бышовца)

публики ежедневно получало около 1 млн экземпляров периодических изданий¹⁹. В республике было несколько профессиональных союзов (писателей, художников, композиторов журналистов и другие).

Однако за благополучными цифрами скрывались и серьезные проблемы. Джабраил Гакаев так оценивает ситуацию в области образования:

“В ЧИАССР школьное обучение в сельских районах, где проживало 70% коренного населения, десятилетиями велось на самом низком уровне. Не хватало средств, учителей, помещений, учебников. Многие дети вследствие нищеты и отходничества не имели возможности учиться. При поступлении в вузы выпускники сельских школ, в основном чеченцы и ингуши, не выдерживали конкуренции с русскоязычными выпускниками городских школ. В результате местные вузы (нефтяной и педагогический институты) не смогли должным образом решить задачу подготовки национальных кадров. Процент студентов-вайнахов (особенно в ГНИ) до последнего времени был невысок. К тому же многие из абитуриентов-вайнахов, имея слабую подготовку, вынуждены были платить деньги при поступлении. Такая же картина была и при внеконкурсном наборе в другие российские вузы. Эта система была создана первоначально для подготовки национальных кадров. Однако вскоре Чечено-Ингушский обком КПСС приравнял к кореным народам и русскоязычных жителей, и места, выделяемые республике по внеконкурсному набору, стали занимать более подготовленные выпускники городских школ – русские, армяне, евреи и т.д. В результате такой политики культурное отставание вайнахов, наметившееся в период их депортации, не было преодолено. Более того, разрыв в образовательном уровне по сравнению с сопредельными народами еще более увеличился.

Таким образом, в период с 1957 по 1985 г. чеченцев и ингушей не покидало чувство уязвленного национального достоинства. Они видели и не могли смириться с ограниченностью своих прав и возможностей по сравнению с русскоязычной частью населения, коренными народами соседних республик. Чеченцы и ингуши, при прочих равных условиях, должны были платить за поступление на службу, учебу, лечение, отсрочку от армии, то есть буквально за все. Причем их грабили, обирали по малейшему поводу, судили не только русские чиновники, но главным образом свои, еще более нечестные, продажные партийные, советские и судебные функционеры.

Москва спокойно взирала на существующее экономическое, политическое, правовое и культурное неравенство чеченцев и ингушей, время от времени меняя прорывавшихся секретарей обкома²⁰.

Для нас было важно сравнить эти оценки видного представителя чеченской элиты с оценками и ощущениями более низкого уровня. Прежде всего нас интересовала чеченская школа. Точнее школа в чеченском селе. Именно такой была средняя школа в крупном селе Бено-юрт, в которой училась Хеда Абдуллаева.

“Школа у нас была одна и большая. Учились вместе мальчики и девочки. Сидели на партах вместе с мальчиками. У нас была классная руководительница, русская, начиная с третьего и до десятого класса. Она была такая сильная и хороший организатор. Всегда нам что-то устраивала. Она обязательно сажала вместе. Даже одна девочка очень не хотела, но она ее заставила. Ее родители очень уважали за требовательность. Она нам всегда говорила, что мы одна семья. Но очень была против всяких романов. Когда какую-то девочку с мальчиком где-то увидели, что они целовались, так это был такой потом скандал, их так ругали.

У нас в классе было много мартовских, и мы как-то уже в девятом классе пошли все в лес встречать дни рождения. Я тогда не смогла пойти и еще одна девочка Настя - тоже. Она, кстати, похожа была на русскую - блондинка, и на нее все мальчики обращали внимание. Потом кто-то сказал, что там в лесу ребята курили и даже было шампанское, так руководительница провела собрание с родителями. Пришел мой папа (мама вообще была единственным раз в школе на выпускном вечере). Мы сидели, а она так всех ругала. Мальчиков била палкой по рукам. И они все это тогда сносили. Даже удивительно, как это так было. Она и на выпускной вечер не разрешила шампанское. Мальчики принесли тайком и в тархун его добавляли. Вообще настоящих любовных романов в школе не было, хотя сразу после школы многие девочки вышли замуж. У нас так получилось, что мало кто поступил в институты после окончания” (Хеда Абдуллаева).

Этот вопрос о поступлении в институты меня заинтересовал, и я спросил, как Хеда получила высшее образование и как она, девочка из чеченского села, в конечном итоге оказалась в аспирантуре престижного академического института в Москве? Эта история крайне поучительная и далеко не единичная, ибо московскую аспирантуру или стажировку прошли многие научные сотрудники и вузовские преподаватели Чечено-Ингушетии. Кстати, сам Джабраил Гакаев

защитил докторскую диссертацию под руководством крупного московского историка, затем академика Ю.А.Полякова. Он был первым доктором исторических наук среди чеченцев, специалистом по политической истории XX в. А вот история Хеды:

«Я поехала поступать в университет и не поступила. Я не хотела, чтобы за меня заплатили. Я все сдала, а потом не увидела себя в списке. Была бы одна, без отца, то мне кажется, я бы тогда бросилась в Сунжу. Я на них так обиделась, что вернулась в село и ничего не делала. Тогда пришла телеграмма, что кто не прошел на русское отделение, могут приехать, написать хотя бы диктант на чеченском языке и будут тогда зачислены на вайнахское отделение. Я сказала, что никакого мне вайнахского отделения не нужно и просто сидела три года дома. Работала в библиотеке и читала книги. Отец не знал, что со мною делать, но я решила, что в этот университет больше никогда своей ногою не ступлю.

Через три года поехала поступать в педагогический институт (в университет даже не хотела заходить) и поступила на заочный. Я потом встретила того человека, который принимал у меня экзамен в университет и сказала ему, что вот если бы он тогда мне поставил пять, у меня бы все сложилась по-другому.

А он ответил: “Ты как-то слишком вела себя независимо в свои 16 лет, выпендривалась. Я даже не мог понять, откуда у тебя все это было. Даже хотел поставить тройку, но это было бы неприлично”.

Я не выпендривалась. Это был устный экзамен по литературе, и я не могла сдать его на тройку. А рядом сидел преподаватель, который был на письменном экзамене. Это было сочинение. Я тогда опоздала минут на 15, забежала, а все места были заняты, и я села на первый ряд. Мне попал роман, который я очень любила - это “Как закалялась сталь” Островского, и я сразу стала писать. А он подходит и все спрашивает: “Левушка, вы ниоткуда не списываете?” А потом узнала, что поступила девочка, с которой я ходила на месячные курсы до этого. Так она делала по три ошибки в одном слове, но поступила. Там, конечно, были свои списки.

А то, что после пединститута поступила в московскую аспирантуру, то помогла прежде всего моя хорошая школьная подготовка. Это была заслуга нашего учителя по русскому языку и литературе Саидова Султана Саидовича. Я в школе знала больше, чем надо по программе. С пятого класса знала всего Есенина наизусть. До аспирантуры я поступила работать в Научно-исследовательский институт в Грозном. Это было престижно, и мне было интересно. Потом на полгода уехала на стажировку в Москву и поняла, что смогу учиться в аспирантуре.

В Москве в коллективе почувствовала себя хорошо. Это был отдел “Литература народов РФ”, который возглавляла Надъярных Нина Степановна. Она стала моим научным руководителем. Я ей многим обязана. Они меня подняли на высоту какую-то, что я даже чувствовала себя неловко. Юрий Барабаш отнесся ко мне замечательно. Как-то обо всем по-свойски спрашивал. А во время войны, если бы не они, я не знаю, как бы все вынесла. Барабаш карту Чечни где-то добыл. Каждый что-то предлагал, если у меня были проблемы. У кого-то есть дача или другая помощь. Каждый из них каждый день подходил ко мне и что-то ободряюще говорил. Я потом со многими сравнивала: ни у кого такого не было».

Коррупция и nepoтизм позднебрежневского периода, о которых сообщал в Москву Боков, действительно были причиной массового недовольства населения существующим политическим режимом. Этнические проекции этого недовольства существовали, но они не были на переднем плане общественно-политической жизни, а тем более в настроениях простых людей. Главным было недовольство партийно-номенклатурной системой и социальными условиями жизни. Было желание осуществить перемены, провозглашенные Михаилом Горбачевым, как гласность и демократизация. Чеченский этнонационализм только оформлялся как политическая платформа. В центре дебатов первоначально были экология, язык и история.

О ЯЗЫКЕ И ИСТОРИИ

Во время одного из наших бесед я попросил Хеду рассказать о своем “романе” с чеченским языком.

«Чеченский язык был со мною как бы рядом, поскольку я его знала и у меня была в школе пятерка по чеченскому. Но все это постольку-поскольку. Когда я уже закончив школу и даже институт, не услышала песню на стихи Бисултанова. Это очень философские стихи, я даже пыталась сделать перевод, но это очень тяжело. А музыку написал Бетилгириев. Это ближе всего к Окуджаве. У него схожие вариации. А когда я познакомилась с самим Бисултановым, я еще больше его и, наверное, себя поняла. При всей своей ярко выраженной национальной принадлежности, он, как мне кажется, один из гениев последнего столетия. Когда его пытаются переводить, то получается что-то жалкое. Он, конечно, самый крупный чеченский поэт, хотя я многих знаю. На всех девочек, с кем я училась и работаю, он оказал огромное влияние. Стоит с ним один раз поговорить и это остается надолго. Он не бьет себя в грудь: “Вот мы – чеченцы такие-то и такие”.

Мне попала однажды его книжка, я села и до утра не спала: прочитала ее всю. Это перевернуло всю мою жизнь.

В институте я училась на русском отделении, но там было и вайнахское. Считалось, что на русское отделение шли кто посильнее, а на вайнахское, кто недостаточно знал русский. Тогда было не модно изучать чеченский язык. Некоторые даже говорили, вот скоро в паспорте вообще не будет графы о национальности. Это казалось не актуальным. У нас вообще Надтеречный район считался как бы под очень большим влиянием русских, хотя русских в селе почти не было: только некоторые женщины, которые были замужем за чеченцами. Некоторые, кто к нам приезжал, часто говорили: “Какие вы чеченцы?”

У меня есть дядя, у него жена из Шалинского района. Там есть какое-то глухое село. Вот она всегда ругала мою маму, что она неправильно меня воспитывает. Насколько я помню, мне, например, никто никогда не говорил слово “нет”, и я не знала, что такое слово вообще существует в природе. Сказки русские на ночь читали. Отец все время возил меня в краеведческий музей в Грозном. Мы живем за сто километров от Грозного, и отец меня туда возил на автобусе каждое воскресенье. Я все-таки была

первым ребенком. Я знала каждый экспонат в этом музее. Отец меня водил и что-то всегда показывал. Историю города я знала очень хорошо.

А в семье моего двоюродного дяди, были девочки, самая младшая была на три года меня старше. Она хорошо знала чеченский язык, у нее была прекрасная дикция, и она знала целые поэмы наизусть. И вот я помню зимой (я училась, наверное, в классе втором–третьем, а она уже была где-то в пятом) старушки с нашей улицы у них всегда собирались, и она им читала поэму Мамакаева “В горах”. (Я ее потом прочитала.) Эта девочка была маленького роста, ей ставили стул, она на него вставала и начинала читать. А они сидели и плакали. Я на них смотрела и думала, что ничего не понимаю в этой жизни. Честное слово, она каждый день читала им одну и ту же поэму, и они все плакали.

Я ее ругала: “Зачем тебе это надо?”

А мой отец преподавал в школе чеченский язык и литературу и в ее классе тоже. Он мне сказал: “Ты зря так говоришь”.

У нас было два преподавателя. Вторая была такая молодая девушка и особой любви не испытывала к чеченскому языку и нам ее не прививала никаким образом.

В доме говорили на чеченском, но отец его никогда не навязывал. Он как бы подходил к этому как преподаватель и не больше. А вот эти родственники вели себя всегда как-то немножечко по-другому. У меня первый язык русский, но по-чеченски я все понимаю, но когда говорю, то использую часть русской лексики. Дома я вообще практически не разговаривала ни на каком языке. У меня было чувство своей исключительности. Я и на уроках молчала. Всех спросят в классе, а я сижу и молчу. Потом уже учитель меня спрашивает. Закончила я без медали, потому что у нас никто с медалью не заканчивал. Директор школы был против. Единственный, кто получил медаль за всю историю нашей школы, это был его собственный сын»

Эта трогательная история о плачущих старушках при декламации поэмы на чеченском языке говорит о многом. Чеченский язык уходил из городской жизни, и культурная граница проходила не столько между чеченцами и русскими, сколько между селом и городом. Значительная часть чеченцев не только перестала пользоваться родным языком, но и вообще утратила способность разговаривать на нем. Практически все остальные чеченцы стали двуязычными. Многие стали пользоваться в общении смешанным языком, который состоит из чеченских и русских слов.

Вайнахская интеллигенция обращалась с многократными петициями о введении в городских школах преподавания родного языка. Зулай Хамидова рассказывала, как она в течение 9 лет боролась за введение в расписание городских школ чеченского и ингушского языков. Только после долгих согласований эти языки стали преподаваться как предмет 1 час в неделю, тогда как на русский язык отводилось 5 часов в неделю. С 1989 г. Хамидова организовала курс по обучению чеченскому языку людей разных национальностей, проживавших в Грозном. В две смены обучались 200 человек, приходили даже семьями. Были подготовлены передачи по телевидению

“Изучаем чеченский язык” (раз в неделю по 30 минут) и “Спокойной ночи, малыши” на чеченском языке с показом озвученных на чеченский язык мультфильмов (раз в неделю по 15 минут), а также организована программа “Что ты знаешь о своем родном языке?” Впервые появились самоучители, разговорники.

Кроме языка особую актуальность обрел исторический дискурс, обсуждение версии чеченской истории. Пожалуй, нигде на территории бывшего СССР официальные трактовки добровольного вхождения (присоединения) народов (территорий) в состав России не нашли такого сильного отторжения, как в Грозном среди чечено-ингушской интеллигенции. Я не изучал этот вопрос специально, но склонен полагать, что столь сильная реакция и столь явная вовлеченность в исторические реинтерпретации (не только по вопросу вхождения) были спровоцированы конкретными лицами и вполне устанавливаемыми “событиями”. Особую роль сыграла напористость и безапелляционность шовинистически настроенного местного ученого В.Б.Виноградова - археолога, взявшегося при поддержке обкома за построение официальной версии Чечено-Ингушетии, когда среди самих чеченцев уже появились авторитетные исследователи и вышли серьезные научные труды. Особое отторжение вызывал тезис о “добровольном вхождении Чечни в состав России”.

Еще большее воздействие несколько позднее оказали работы западных авторов, писавших на тему о Шамиле и об исламе в Чечне и Дагестане (А. Бенигсен, У. Уимбуш). Самым большим интеллектуальным раздражителем стали работы чеченского эмигранта Абдурахмана Авторханова. В оценке его имени и его роли я расхожусь с общепризнанными высказываниями. Обычно приводится известное предостережение почтенного и уважаемого в научных кругах чеченского политолога, который написал Дудаеву некое наставление “не порывать с Россией”. Для меня здесь важнее не отдельное высказывание, которое можно трактовать и как банальное клише “вместе с Россией”. Именно с последнего заверения начинался каждый вариант старого и нового сепаратизма, Для меня важен эмоциональный и политический эффект драматически исполненного и крайне популярного в начале 1990-х годов произведения, одно название которого – “Империя Кремля” говорило само за себя.

Таким образом, в этой и предыдущей главах о социальной и культурной жизни в Чечне в предшествовавшие конфликту десятилетия факты и свидетельства жителей, прежде всего самих чеченцев, а также научные исследования раскрывают сложный характер социально-культурной модернизации чеченцев в советский период. До 1991 г., несмотря на советские деформации, Чечено-Ингушетия была динамичным и современным сообществом. Противоречивая этническая политика государства дала противоречивые результаты. Порожденные этой политикой проблемы стали частью причин кон-

фликта. Однако исторический и культурный факторы не лежат в его основе, равно как и гипотетическое радикальное отличие чеченцев от остального населения страны. Тем не менее интеллектуальный климат перестройки и наследованный доктринальный этнонационализм создали в Чечено-Ингушетии саморазрушительный хаос мыслей и поступков на базе отрицания прошлого и абсолютизации этнического. Заполнение этого вакуума обрело манифестные формы открытого выступления части населения против государств в начале 1990-х годов.

- ¹ См., например: Чечено-Ингушская АССР за 60 лет Советской власти. Статистический сборник. Грозный, 1977; Атлас ЧИАССР. М., 1978; *Рыжиков В.В., Зоев С.О., Гребеничиков П.А.* Чечено-Ингушская АССР. 2-е изд. Грозный, 1980; 60 лет ЧИАССР. Стат. сб. Грозный, 1982.
- ² *Автохаджиев М.Б.* и др. История Чечено-Ингушетии. Учебное пособие. Грозный, 1989.
- ³ Репрессированные народы России: Чеченцы и ингуши: Документы, факты, комментарии / Под ред. Н.Ф. Бугая. М., 1994. С. 211.
- ⁴ Там же. С. 219–220.
- ⁵ *Калоев Б.А.* Вайнахи. Рукопись.
- ⁶ Там же.
- ⁷ *Гакаев Дж.* Очерки политической истории Чечни (XX век): В 2 ч. М., 1997. С. 107.
- ⁸ *Калоев Б.А.* Указ. соч.
- ⁹ Chechnia Report. L., 1992. P. 16.
- ¹⁰ Репрессированные народы России: Чеченцы и ингуши. С. 213–233.
- ¹¹ Там же. С. 234–235.
- ¹² Chechnia Report. P. 26.
- ¹³ *Гакаев Дж.* Указ. соч. С. 109.
- ¹⁴ Там же. С. 109–110.
- ¹⁵ Архив автора.
- ¹⁶ Там же.
- ¹⁷ Атлас ЧИАССР.
- ¹⁸ 60 лет ЧИАССР. С. 108.
- ¹⁹ *Овахдов М.Р.* Чечено-русское двуязычие. Грозный, 1983. С. 26.
- ²⁰ *Гакаев Дж.* Указ. соч. С. 112.

Глава V. ЧЕЧЕНЦЫ: ВНУТРЕННИЕ ОБРАЗЫ

“Я прежде всего чеченец, но я и россиянин”

Багауди М.

Вроде бы я одной ногой среди чеченцев, а другой ногой не то в Дагестане, а, может быть, в России. Мне трудно было определить, кто я. Вся наша семья много натерпелась от того, что нас попрекали, что мы не чистые чеченцы

Шамиль А.

ПОДХОДЫ К ПОНИМАНИЮ ИДЕНТИЧНОСТИ

Эта и следующая главы посвящены анализу как конструирования чеченской идентичности и влияния насильственного конфликта на формирование групповой этнической идентификации. Под последней я имею в виду чувство групповой принадлежности по культурным признакам. Это ни в коей мере не одно и то же, что этническое самосознание (или этническое сознание), как представляют некоторые мои коллеги-этнографы¹. Тем более попытки различения двух последних понятий (сознание – как групповое, а самосознание – личностное) представляются неубедительными.

Групповая (точнее, общеразделяемая) идентификация по культурным признакам может возникать только как индивидуальный акт и затем (или одновременно) как сумма индивидуальных актов, т.е. решений по поводу, что составляет данную группу и по поводу собственного соотношения с данной группой. Решение по поводу той или иной культурно отличительной общности, т.е. того, что становится этнической группой, необязательно основывается в оппозиции к таким же “другим”. Оппозиция “мы - они” далеко не всегда имеет “родовой” характер и вообще не является обязательной для акта существования группы. Я определяю этническую группу как отличительную общность на основе культурной самоидентификации по отношению к другим общностям, с которыми она находится в фундаментальных связях².

Однако сам по себе набор культурных черт, составляющих этническую общность, крайне неоднороден и исторически подвижен. А

фундаментальные связи для акта коллективной самоидентификации могут выстраиваться по отношению к таким общностям, как, например, государство. Основной вопрос заключается в том, как возникает идентичность: из доступных современного материала и аргументов, включая внешние воздействия; или из неких более глубоких структур и из передаваемой с раннего детства информации? Или быть может этническое самосознание заложено в “генетических кодах”, как полагают некоторые авторы, пишущие на эту тему?³

Если чеченские образы и “самосознание” основываются на жестком наборе культурных свойств, тогда что нового приносит война и в каком направлении она оказывает свое влияние: групповой консолидации или социально-культурной дезинтеграции? Ниже я рассматриваю также еще и такое проявление общества в состоянии конфликта, как возникновение фантазийных и некритичных самоощущений, которые отражают абсурдность насилия и которые невозможно объяснить рациональными аргументами. Они становятся своего рода посланием внешнему миру от попавшего в беду человеческого коллектива.

Имеющиеся исследования по проблемам идентичности крайне обширны, и в последние десятилетия они пережили примечательную эволюцию, особенно под влиянием конструктивистских и постмодернистских подходов⁴. В России сравнительно недавно наряду с доминирующей парадигмой изучения так называемого “национального (этнического) (само)сознания” появились труды социологов, философов и этнологов, в которых этническая идентификация стала рассматриваться не только с точки зрения “человека в этносе” (этнофора), но и с точки зрения этничности в человеке, включая инструменталистские (утилитарные) и конструктивистские (целенаправленные) моменты данного феномена⁵.

В отношении чеченцев использование такого подхода внешне кажется абсурдным: о какой социальной (тем более ментальной) конструкции чеченской общности можно вести речь, если эта общность есть реальность войны и десятков тысяч реальных жертв? Конфликт и его крайняя форма - война казалось бы, еще более утверждают примордиальное видение этнического, расцветивая это видение невиданными фантазиями. Однако теоретическая интрига состоит в том, что именно эти фантазии по поводу “примордиальной чеченской нации” (слова А. Ливена) и есть наиболее убедительное доказательство конструктивистской природы этнического. Независимо, кто автор данных фантазий - политики или политологи, этнографы или их информаторы. Конфликт создает плотный дискурс, где различительность акторов не имеет принципиального значения.

Применительно к чеченцам вопросами этнической идентификации на основе этнографического метода занимается, пожалуй, только Я.В. Чеснов, статья которого в книге под редакцией Д.Е. Фурмана представляет наиболее полное изложение его взглядов на эту тему⁶.

Отдавая должное эрудированности автора и глубине его историко-культурных реконструкций, нам трудно принять данный теоретико-методологический подход к проблеме чеченской идентичности по целому ряду соображений. Прежде всего, достаточно устаревшей выглядит некая смесь немецкого романтизма прошлого века и вызывающего отечественного примордиализма во взгляде на этничность, что нашло отражение в отправных констатациях о “родовом теле этноса” (“...Именно чеченский материал мне позволил говорить о “родовом теле” этноса, охватывающем предков, ныне живущих людей и еще не родившиеся поколения”) и об “этническом менталитете” (“Когда говорят об этническом менталитете, то имеют в виду более или менее однородные психические характеристики какого-либо народа”)⁷.

Этническая идентичность для Я.В. Чеснова – всего лишь “отношения человека к этому самому этническому менталитету своего народа”, т.е. это вопрос “типов и стилей мышления, мотиваций и выбора”, но по отношению к уже существующему и непонятно откуда взявшемуся “этническому менталитету”, который есть автономное от личности свойство “тела этноса” и к которому человек (в данном случае каждый отдельный чеченец) только определяет свое отношение. “Родовое тело – это народное восприятие биологической непрерывности этноса. В чеченской этногонии мужские предки дают начало этносу. В ней отчетливо формируются представления о родовой телесности, которая делает этнос аналогичным и соразмерным другим телам природы, которые наделены способностью менять и закреплять место в пространстве”⁸.

Далее следуют еще более сложные рассуждения о “накоплении этнических признаков как способе порождения целостности родового тела” и о “центростремительных факторах родового тела”, среди которых главной силой выступает этика жизни, “позволяющая иноплеменнику путем образования семьи входить в состав чеченского этноса”⁹. При всем воображении невозможно представить себе как подобные “тела” и “факторы родового тела” действуют в случае признания существования архетипических этнических общностей. Как, например, в состав русского, украинского, осетинского или татарского “родовых тел этносов” входят “путем образования семьи” “иноплеменники”? Какая этика жизни родового тела позволила, скажем, Яну Чеснову жениться на женщине-украинке и ей (или ему?) “войти в состав этноса” (какого из двух?), для чего, естественно, сначала нужно выйти из “тела” другого этноса, ибо “этнофор” (на жаргоне сторонников теории этноса) может быть только носителем одного этноса, иначе он уже не может быть “этнофором”? Или у украинцев, русских, белорусов, татар, чувашей, башкир и других нет “родового тела” и нет “этики жизни”, но тогда почему она есть у чеченцев? Едва ли миллионы людей, вступающих в межэтнические браки, в том числе и чеченцы, подвергаются воздействию “центростремительного фактора родового тела”, которое позволя-

ет им как “иноплеменникам” войти в состав другого этноса или, наоборот, вобрать в свой этнос.

Усложненные рассуждения об этнических коллективных телах приходят в противоречие с реальной этнографией и социологией множества изучаемых групп, в том числе и чеченцев. Сам же Я.В.Чеснов делает гораздо более понятные и самопроверяющие наблюдения буквально в последующем параграфе своего текста: “Имя чеченцев примелькалось в радио и прочих новостях, в газетной публицистике и даже в обыденной речи граждан России. Название этого народа соотносят с теми или иными положительными или отрицательными человеческими качествами, народ превращают в категорию социальных маргиналов, деляя их исконными врагами общественного порядка или других этносов. Но чеченцы ведь просто народ, такой же, как десятки и сотни других, населяющих нашу планету. Говоря научным языком, это – этническая общность. Ни хорошая, ни плохая, но имеющая внутренние механизмы своего устройства и способная отличать себя от других общностей. В этих механизмах нет таких оценочных категорий, как жестокость или доброта, которые суть сугубо личные качества и за проявление которых люди ответственны персонально”¹⁰.

Итак, чеченцы – это этническая общность как сотни других в стране и в остальном мире. Но только не сама эта общность (по Я.В. Чеснову, “тело этноса”), а отдельные индивиды осуществляют операции, как я называю, этнической процессуальности: а) формирование чеченской отличительности (создание образа общности или что означает “быть чеченцем”), б) идентификация себя с этой общностью и в) различение от других или друг от друга среди самих чеченцев. В этом принципиальном размежевании с органистическим видением этнического открывается гораздо больше существенного, ибо сама *чеченскость* представляется более сложной и подвижной материей без прищипывания за уши паранаучной метафоры *этногонии*, а тем более без жесткого деления на внутренние и внешние образы и без приписывания обязательного “механизма узнаваемости” других и включения этих “других” в свое тело почему-то обязательно через образование семьи.

После изложения своей методологической позиции по вопросу о нации¹¹ не вижу особого смысла обсуждать вопрос об использовании самого понятия “чеченская нация”, но опять же вынужден высказать свои критически по поводу романтического воспевания некоего “этнокультурного потенциала” чеченской нации, у которой существуют “этногенетическая открытость” как “этногенетическая константа”¹². В данном контексте рассуждения Я.В. Чеснова строятся на эклектическом видении исторического, где находится место любой цитате: от Пророка до Владимира Соловьева, который вдруг стал сторонником “идеи прогресса”, а время его творчества во второй половине XIX в. представляется временем, “когда каждый думающий европеец вставал утром и ложился вечером с мыслью о прогрессе”. Все написанное

Я.В. Чесновым о “потенциале” подчинено доказательству тезиса об уникальной значимости для чеченцев, помимо “вайнахского родства”, понятий свобода и родина (под последней имеется в виду “не Россия”). К потенциалу относится и чеченский тайп как “институт гражданского общества”, “национальная идея” и “молчаливый” чеченский патриотизм “без державности и мессианства”¹³.

РАЗНОВРЕМЕННЫЕ НИЗОВЫЕ ВЕРСИИ

Ни один из беседовавших со мною чеченцев не мог узнать другого присутствовавшего чеченца, если только они до этого не были знакомы, но именно со стереотипом “узнаваемости” я встретился сразу же, когда завел речь о том, что такое образ чеченца и каково их восприятие “других”.

Я спросил Хеду: “Что же отличает чеченцев, ведь ими не рождаются?”

Х.А.: “Это еще нужно доказать, что не рождаются. Я всегда безошибочно узнаю чеченца, какого бы цвета у него ни были глаза и волосы. Вот тысяча человек идет, и я из них узнаю одного единственного чеченца. Он или она еще за пять метров, а я уже чувствую. Почему это? Среди кавказских людей я даргинку еще не сразу отличу, но аварку, кабардинку, осетинку уже смогу. Они какие-то немножечко другие. Ингушки тоже отличаются. Они прежде всего более художавы. У меня первые в жизни представления о том, что есть другие люди, кроме чеченцев, были представления о кабардинцах. Я о них прочитала в какой-то книге что-то очень красивое, а потом даже расстроилась, что в жизни они были не такие, как я воображала”.

В.Т.: “А какие представления о красоте среди чеченцев?”

Х.А.: “Для женщин, как говорится, бровастость, обязательно длинные волосы. Мужчины должны быть высокого роста*”.

В.Т.: А когда вы стали обращать внимание на мужчин как на

* Комментарий чеченского мужчины-рецензента: «Между прочим, понятия о красоте очень сильно различаются среди чеченцев. Если честно, то длина волос уже давно (сто лет, наверное!) не является определяющим качеством для девушек. Я бы назвал такие, наиболее часто употребляемые (с восхищением) качества и образ в целом: стройность, подчеркнутые черты лица (некрашенные), умение вести себя в разных ситуациях, заметная и ненапуская застенчивость, улыбочность лица независимо от настроения. Многие качества определяются “скрытым” наблюдением. Это когда невинные вопросы задаются как самой женщине, так и ее знакомым, соседям и т.д. Подчеркну, что эти черты чаще всего наиболее обожаемых женщин, но есть много исключений. Понятие мужская красота скорее связано с содержанием английского слова handsome. Чаще всего определяющими словами являются: ум, скромность, дерзость, “опыт и знание жизни”, обаятельность и значимость в окружающем “его” и “ее” обществе. Без последнего сомнительно признание внешних данных мужчины, каковы бы они ни были. Важно отметить, что чаще всего из “мыльных” телегероев, а сериалы смотрят в Чечне с потрясающей обязательностью, в основном симпатии получают многие “антигерои”, влюбленные романтики же оцениваются часто как “ничтожества”! Рост, цвет глаз и прочие внешние данные чаще всего относят к категории “было бы неплохо”, но это несущественно» (Рустам Калиев).

возможного партнера, то здесь у Вас были какие-то предпочтения, скажем, Вы смотрели не только на чеченцев, но и на русских ребят?

Х.А.: *Нет, у меня никогда не было в голове мысли о русском муже. Не знаю почему, но это так.*

Аналогичный ответ дала и Малика Сальгириева:

“Те, кто из сильных родов, за русских выходят очень редко. Это только из бедных или одиноких родов или метисы (чеченцы с ингушами или с дагестанцами), те могут выходить и даже уезжали. Я же никогда в молодости даже и в голове не имела, чтобы смотреть на русских мужчин как на предмет возможного брака и совместной жизни”.

О том, что чеченки не выходят за “других”, заверяли меня многие эксперты. Рустам Калиев назвал недавний пример, когда семья отказалась от девушки, вышедшей замуж за иорданца. Все эти утверждения, на наш взгляд, требуют критического анализа и объяснения. Здесь речь идет о сюжетах, один из которых можно отнести к разряду трудно проверяемых субъективных представлений (представления о красоте и чеченской узнаваемости), второй (представления о брачных партнерах и брачные установки) – к суждениям, которые все-таки легко проверить данными конкретного брачного поведения, хотя последние могут расходиться с миром представлений.

В первом случае мною было выявлено, что в представлениях о красоте преобладает многообразие преимущественно в рамках “европейских” норм. Нет устоявшейся оценки того, что чеченцы считают красивым” хотя моя собственная супруга пыталась меня уверить, что чеченцы любят носить дорогую кожу. Перед зимним сезоном 2000 г. Хеда купила себе турецкую дубленку высокого качества, но такую вещь с удовольствием надели бы на себя многие женщины. Никто из информантов не привел убедительных данных и об особых предпочтениях среди сельских чеченцев, а тем более на уровне внутрорегиональных различий. Женские и мужские фотографии из семейных альбомов свидетельствуют, что и в прошлые десятилетия безоговорочно преобладала одежда в соответствии с существовавшей тогда модой (см. фото на с.). Даже столетние старики – родители Хажбикара Бокова, умершие два десятилетия назад, на старой непарадной фотографии одеты в “обычные одежды”, не говоря уже о современных жителях, как городских, так и сельских. Правда, С.А.Арутюнов обратил мое внимание, что для фотографирования часто люди могли одевать самые нарядные одежды и даже одалживать их у других: *“В юности, помню, только у одного нашего товарища был настоящий пиджак, в котором мы все и фотографировались”.*

В последние годы многие мужчины, претендующие на особый статус (старейшины, начальники или “национального” лидера), начали носить гораздо чаще высокие каракулевые шапки-папахи. Причем они не снимают их в помещении, ибо считается неприличным оголять голову. Покойный Юсуп Сосламбеков просидел в моем

Столетние родители Х.Х Бокова

кабинете за разговором более двух часов, но свою папаху не только не снял, но даже ни разу ее не поправил: так ладно и привычно она сидела на его голове. Неработающие мужчины в возрасте иногда и раньше носили папахи, а сейчас это делают почти всегда.

Но что означает ношение чеченцами папахи помимо того, что это действительно красивый и дорогой головной убор, украшающий и повышающий статус мужчины? Во-первых, папаха – это во многом общий для населения Северного Кавказа головной убор, включая и местное русское население. Во-вторых, в последние годы папаха обрела политическую нагрузку как свидетельство приверженности “традиционализму”, а не “интернационализму”. Не случайно самое большое количество папах наблюдалось при съездах так называемой Конфедерации народов Кавказа, последним председателем которой был Юсуп Сосламбеков*. В-третьих, ношение папах превратилось в сигнал внешнему миру, ибо исключительно по этой детали одежды не бывавшие на Кавказе и не видевшие в глаза “живых чеченцев” миллионы внешних наблюдателей узнавали объекты своих гуманитарных и политических симпатий: “Это – чеченцы”, – сказал один из иностранцев с Запада, увидев на моем рабочем столе фотографии мужчин в папахах. Все это убеждает нас в том, что даже такое, казалось бы, “заданное традицией” явление, как представление о красоте, может

* “Какое это было замечательное зрелище, когда столько мужчин в таких красивых меховых шапках собрались и заседали в зале”, – сказала мне одна западная коллега, побывавшая на съезде КНК. “О чем они вели речь?” – спросил я. “Сейчас мне трудно вспомнить”, – ответила коллега.

стать фактором, используемым для демонстрации или конструирования политически значимой культурной отличительности.

Что касается второго, заинтересовавшего меня типа субъективных представлений относительно брачных партнеров, то в этом случае данные статистики не подтверждают какую-либо особую степень эндогамности чеченцев, в том числе и для женщин. В 1960–1980 гг. брачные связи чеченцев определялось не “культурой”, а такими факторами, как характер расселения, возрастная структура группы, социальная и пространственная мобильность¹⁴. Знаток кавказской этнографии С.А. Арутюнов считает, что число этнически смешанных семей среди чеченцев довольно велико и, как он заметил в одном из своих выступлений, «почти в каждой родословной чеченца можно найти дедушку, прадедушку или прабабушку, которые были русскими, украинцами, другими словами, “из казаков”».

Чеченский образ и “чеченская реальность”, как это и должно быть, представляют собою разные вещи. Кроме того, существует не только разрыв между внешним и внутренним образами, но и огромное многообразие внутричеченских представлений. Наконец, за годы войны произошла явная эволюция не только в представлениях о красоте и в брачном поведении, но и во многом другом. Именно эта “трудная” чеченскость, а не реконструкция некоей традиционной нормы “чеченцем быть трудно”, представляющей собой чаще всего стереотип бытового академизма, интересует меня в первую очередь.

ЭЛИТНЫЕ ВЕРСИИ

Существуют академические описания чеченцев в собственно чеченской этнографии, которая была и остается частью российского обществоведения. В энциклопедии “Народы России” (1994) статья о чеченцах была написана авторами из Грозного и представляет собой более или менее общепризнанную академическую версию до момента начала “чеченской революции”. В этой энциклопедической справке имеется весь набор примордиалистской трактовки любой из этнических групп на территории бывшего СССР: расовый тип, происхождение (этногенез), этническая история, материальная и духовная культура, “подразделения” этноса и прочее. Никаких сомнений в умеренной древности, культурной уникальности и в неподвижности границ “чеченскости” как культурного комплекса данные тексты, изданные, кстати, под моей редакцией, не позволяли.

Уже с конца 1980-х годов местные обществоведы и пропагандисты стали вносить серьезные коррективы в исторический миф и в современную чеченскую идентичность. Свой внутренний образ конструируют в обновленном варианте и простые чеченцы. Причем публичная элитная версия сначала мало отличалась от общепризнанной, но она быстро становится подверженной политике и эмоциям. В конструировании новой чеченскости конкурируют две противополож-

ные установки. Одна – включить в число чеченцев как можно больше групп, чтобы расширить культурную мощь и географическое пространство этого народа. Другая рожденная современным соперничеством за приватизируемые ресурсы и властный контроль, заключается в активизации и изобретении новых групповых коалиций обычно на основе регионально-клановых (родственных) связей.

«С приходом к власти Дудаева в Чечне впервые заговорили о мелхистинцах, орстхоевцах или аккинцах как о самостоятельных народностях. При этом отдельные мелхистинцы даже умудрились записать себе в паспорта национальность “мелхистинец”. Если в прошлом эти группы и выделялись в качестве тейпа (или тухума), то на современную национальность они никак не тянули. Дело в том, что период 1988–1994 гг. – время особого усиления позиций представителей именно этих групп среди чеченцев. Началось с накопления капиталов за счет контроля за Грозненским нефтеперерабатывающим заводом (ГНПЗ). Позже появился и “их представитель” Джохар Дудаев, что поставило под полный контроль этой группировки всю нефтяную промышленность республики. Отсюда и желание суверенизации прежде всего для собственного тейпа!» (Рустам Калиев).

* Джабраил Гакаев поставил под сомнение это утверждение Рустама Калиева: «Мелхистинцы еще до Дудаева претендовали на свою особость, а сам Джохар мелхистинцем не был, это его сестра замужем за мелхистинцем. Их позиции не усилились и они ничего особенного не получили. Это усилились ялхороевцы, такие, как Адам Албаков. В свою очередь, Ян Чеснов относит мялхистинцев к локальной группе орстхойцев, которые, по его мнению, составляли компонент в этногенезе чеченцев. Именно мялхистинцы считались в Чечне наиболее преданными сторонниками Джохара Дудаева, и “в правительственных органах Чеченской Республики при Дудаеве оказалось много мялхистинцев, что вызвало разговоры об их засилии в республике”. “Работа среди мялхистинцев убедила меня в том, что они, действительно, потомки наиболее сильного в военном отношении подразделения вайнахского этноса орстхойцев (карабулаков)... Культ воинственности, наряду с другими горскими ценностями вроде почитания женщины, гостеприимства, по мнению самих мялхистинцев отличает их от других чеченцев. Некоторые из них считают себя людьми княжеского достоинства. Другие чеченцы побаиваются решительного нрава мялхистинцев» (Чеснов Я.В. Быть чеченцем: личность и этнические идентификации народа // Чечня и Россия: общество и государство / Ред.-сост. Д.Е. Фурман. М., 1999. С. 99). Относя мялхистинцев к орстхойцам, как и представителей тейпа Ялхорой (из него происходит фамилия Дудаева), тем не менее Я.В. Чеснов не считает эту группу тейпом и не дает ее тейповую принадлежность.

Кстати, не приводится и никаких доказательств воинственности. Я проверил это утверждение через Р.М.Мунчаева, который долгое время работал и подолгу жил среди мялхистинцев, ведя археологические раскопки в окрестностях села Бамут, где мялхистинцы составляют основное население. Никакой “воинственности” или “княжескости” среди жителей Бамута он не мог отметить. Другое дело, что в районе этого села в 1970-е годы была построена одна из ракетных площадок системы ПВО СССР. Именно эти бетонные укрепления стали мощной боевой позицией для дудаевских боевиков при сопротивлении федеральной армии в первую чеченскую войну. Может быть миф (или реальность) об особой воинственности мялхистинцев не предшествовали боям вокруг Бамута, а, наоборот, возник или окреп из обычных групповых версий героизма уже во время и после событий у села Бамут? А может быть, эта версия укреплялась по мере возведения мощных бетонных сооружений военного назначения, которые волновали кровь местных молодых мужчин? Все это есть смысл проверить, ибо традиционная историко-генетическая версия Я.В. Чеснова и других авторов достоверными данными не обеспечена.

Мы здесь не обсуждаем вопрос о мотивах *суверенизации*, но то, что *неотейпизм* стал не столько “возрождением” или повышением значимости традиционного социального института, сколько прежде всего современной мобилизацией и современным конструированием новых различий, нам представляется более вероятным. Как подтвердила Хеда, “вдруг все начали спрашивать друг друга, а какого ты тейпа? А я всегда отвечала – чеченского”.

Главными конструкторами выступила чеченская элита при участии активистов среднего уровня, что совсем не означает наличие какого-либо четкого проекта “возрождения тейпов”. Как и не было проекта “национального возрождения”, о чем с конца 1980-х годов очень активно заявляла чеченская гуманитарная элита и политические активисты. В этом плане интересны представления о чеченцах Джохара Дудаева, который, не живя в Чечне и плохо зная свой народ, оказался вдруг вершителем его судеб. В 1991 г., когда Чечено-Ингушетия была еще единой, но уже провозгласили чеченский суверенитет, его позиция была следующей:

“Вайнахский народ единый и неделимый, в составе которого свое достойное место занимает каждый (так в тексте. – *В.Т.*) из пяти народностей – чеченцы, ингуши, орстхоевцы, мелхинцы, аккинцы. Сегодня история преподнесла нам единственный шанс закрепить этот факт, создав единую Вайнахскую государственность”¹⁵.

В обращении к ингушскому народу на сходе старейшин Ингушетии в декабре 1991 г., откуда и взята цитата, Дудаев высказывал не столько свое понимание, что есть народ, сколько воинственную утопию “большой Чечни” (аккинцы живут в основном в Дагестане, мелхинцы * частично в Грузии). Однако в 1992 г. он написал (скорее подписал своим именем очерк “Раб, смирившийся со своим рабством, заслуживает двойного рабства”):

“Политика “разделяй и властвуй” сыграла, конечно, свою роль. Из чеченских племен образовались два этноса: чеченцы и ингуши. Все чеченские племена объединяются под названием “вайнах”, буквально наш народ, и мы, чеченцы и ингуши (в Чечено-Ингушетии), аккинцы или ауховцы (в Дагестане), кисты или кистинцы (в Грузии), никогда себя не разделяли. Не разделяли при геноциде нас и наши враги: вместе нас выселяли, вместе мы воевали за свою независимость”¹⁶.

Дудаев не скупился на героико-романтические характеристики чеченцев, которые многократно повторялись другими чеченскими лидерами и активистами. Например:

* Джохар, видимо, перепутал с проживающими в Грузии, в основном в Ахметовском районе на границе с Чечней, кистинцами. Но среди последних есть не только чеченцы из числа относящих себя к мелхистинцам, но и к выходцам из разных мест и ущелий.

“Трудно сыскать, наверно, на этой земле более терпеливого народа. При всей нашей иногда агрессивности и вспыльчивости...”¹⁷.

“Потому что ни один чеченец не возьмет на себя это убийство (речь идет об убийстве в 1991 г. проректора Грозненского университета Кан-Калика. – *В.Т.*) и никогда не пойдет на него без очень-очень серьезных причин. Потому что пойти на такое – значит обречь весь свой род на бесперспективность и смерть”¹⁸.

“Мы – чеченцы, и это нас ко многому обязывает. По законам гор и обычаям предков мы обязаны помочь людям, нуждающимся в крове и защите. Здесь даже закон кровной мести отступал на задний план” (это о готовности предоставить политическое убежище Эриху Хоннекеру и Звиаду Гамса-хурдиа. – *В.Т.*)¹⁹.

Чеченские лидеры и пропагандисты всячески развивали идеи особой древности чеченского народа и сами, по крайней мере президент Дудаев, глубоко в это верили. Таймаз Абубакаров рассказывает как во время визита в Ливан летом 1993 г. Дудаев посетил в г. Балъбек одну из достопримечательностей – древнее каменное сооружение, у которого гигантские каменные колонны напоминали кладку средневековых башен-бойниц в горах Чечни и Ингушетии.

“На этом основании он стал утверждать, что строителями тех и других могло быть одно и то же племя, а именно: вайнахское! Мне кажется, что верность этим убеждениям он сохранил до конца”²⁰.

Кто-то подсказал и Дудаев озвучил новую версию о происхождении ислама и о его носителях.

“Согласно Дудаеву такая великая религия, как ислам, могла возникнуть не в безжизненной аравийской пустыне в обществе кочевников, а в райском уголке земли, среди людей с высочайшей культурой общения и взаимного уважения. Таким уголком земли, своего рода Эдемским садом, Дудаев видел Чечню, а его обитателей (вайнахов) предположительно назвал основоположниками исламской веры. Услышав такое, муфтий Чечни М.-Х.Алсабеков пришел в явное замешательство, особенно когда получил рекомендацию взяться за разработку нового взгляда на этногеографический источник ислама. Спорить муфтий не стал, но и согласия не дал”²¹.

В другой раз, находясь с визитом во Франции, Дудаев удивил французов неожиданной версией о Ноевом ковчеге, утверждая, что ковчег находился на вершине чеченских гор, а восемь его обитателей, включая самого Ноя, были предками современных вайнахов. Тем самым своим спасением после всемирного потопа человечество обязано именно чеченцам.

“Не знаю, верил ли он в собственные версии о месте и роли вайнахов в истории, но говорил он об этом с уверенностью человека, знающего нечто большее, чем другие. И так во всем, что касается Чечни и чеченцев!”²².

Абубакаров как экономист и финансист при Дудаеве не всегда мог проследить как попадали к его боссу все эти версии, но их источники можно установить достаточно достоверно. Это

были многочисленные писания преимущественно местных авторов из числа историков, языковедов, этнографов, археологов, философов, которые буквально ринулись переписывать историю в мистико-фантастическую версию. Позднее Вахит Акаев рассказал мне, как его приглашал Дудаев и требовал прекратить заниматься старыми разработками истории, от которых “все равно нет никакой пользы”. В ход пошли типичные националистические мифы о древности и величии, которые обслуживают боевые позиции по всему миру, от Шри Ланки и Кашмира до Ольстера и Страны Басков.

Отголоски этой мифологии мы видим в солидных книгах, которые выходят ныне большими тиражами и в богатом оформлении. Их сопровождают предисловия российских спонсоров из числа чеченских нуворишей. Приведу выдержку из предисловия к подобного рода труду:

“Один из самых драматических периодов своей истории переживает ныне чеченский народ. Нам сейчас очень трудно. Сотни тысяч убитых, разрушенные города и села, подорванная основательно экономика. Искалечены души всех, кто пережил этот ад. В умах чеченцев созрели десятки вопросов, на которые чаще всего находят противоположные, взаимоисключающие ответы. Наше вайнахское единство и согласие поколеблено, оно переживает тяжелые испытания.

Что нас спасет? Откуда следует ждать истину?...

В контексте всего сказанного, а также в целях правильного (!) формирования нашего национального самосознания представляется весьма полезным и своевременным издание книги Сайд-Хамзата Нунуева “Нахи и священная история”. В своей новой работе Нунуев раскрывает многолетние исследования далекого прошлого вайнахов, поистине сенсационные находки, дакзывают, что наши прапредки хурриты не только стояли в стороне от зарождения великой религии монотеизма (единобожия), а являются тем самым потерянном (или умышленно скрываемым) звеном, стоящим между шумерами и вавилонянами в процессе рождения подлинного Небесного писания – Ветхого Завета”²³.

Какого рода текст содержит эта книга можно себе представить, но главное даже не в этом. Главное – состоит в крайне слабой, абсолютно мифологичной профессиональной подготовке многих представителей современной чеченской гуманитарной интеллигенции. Многие из них, если не подавляющее большинство, верили и продолжают верить уже “после сотен тысяч убитых, разрушенных городов и сел”, что их соплеменников волнуют именно те самые вопросы о хурритах и шумерах как предках чеченцев и что, найдя на них ответы, они найдут и свое спасение. Уверен, что ни в одном чеченском доме, в том числе и в доме Нунуева, не говоря уже о палатках беженцев и обитаемых подвалах, эти вопросы “потерянного (или умышленно скрываемого) звена” не обсуждаются.

КОМПЛЕКС НАРОДА-ИЗГОЯ

Важнейший компонент современной чеченской идентичности составляет комплекс народа-изгоя, или синдром нации, пережившей геноцид. На этот счет имеется достаточно глубокое размышление Георгия Дерлугьяна:

“Синдром геноцида хорошо известен на примере израильтян и армян. Как правило, поколение, непосредственно перенесшее чудовищную травму, переживает ее внутренне и остается безмолвным. Лишь спустя некоторое время память о геноциде превращается в центральный комплекс национального сознания, и тогда будто прорывается плотина. Люди испытывают жгучую потребность сделать свои мысли и переживания публичными, создать символические и материальные механизмы защиты, и в этот момент никакие средства и планы не могут показаться чрезмерными для обеспечения выживания и безопасности национального коллектива. Должно пройти время и произойти какие-то события, приносящие символический катарсис, ритуально очищающие массовое сознание от преследующих его кошмаров, прежде чем произойдет нормализация национальной культуры. И в случае Армении и Израиля процесс переживания памяти о геноциде, увы, включил в себя фазу войны с имеющими лишь опосредованное отношение к геноциду соседями. Чечня сегодня проходит тот же путь, и это во многом вина властей брежневского периода, подавляющих попытки публичного переживания травм депортации”²⁴.

Эта красивая концепция из сферы социальной психологии довольно часто цитируется в контексте более широкой проблемы коллективной травмы, но у нее есть ряд уязвимых моментов. Трудно представить себе, что такое “кошмары, преследующие массовое сознание”, если в жизни каждого отдельного армянина или чеченца данные кошмары не фиксируются, разве что ими спекулируют отдельных пропагандисты-интеллектуалы, как, например, армянские литераторы Зорий Балаян или Сильвия Капутикян, для которых геноцид армян стал одной из основных тем творчества.

Поэтому здесь не менее важен механизм сакрализации травмы и трансляция историко-художественного образа геноцида как на массовый уровень, так и от одного поколения к другому. Трудно согласиться и с тем, что война в Карабахе и вокруг него произвела очищение массового сознания и тем более некую мифическую “нормализацию национальной культуры”. “Катарсис” – это столь же замысловатое для научного анализа понятие, как и справедливо критикуемое Дерлугьяном понятие чеченской “пассионарности”. И все же отрицать огромное мобилизующее влияние травмы депортации чеченцев на нынешнее поколение людей было бы неверно. Но все это скорее из арсенала политических и идеологических усилий (безусловно успешных), чем из арсенала некоего мифического “массового сознания”, где якобы пережитая травма всегда есть и обязательно должна вылиться в некий катарсис, спустя почти сто лет – среди ар-

мян, спустя 50 лет – среди чеченцев и (интересно, через сколько лет?) лет среди израильтян.

О чем свидетельствуют наши материалы?

Однажды в моем рабочем кабинете я беседовал с Юсупом Сосламбековым. Это был 1993 год, когда радикальный чеченский национализм уже полностью контролировал ситуацию, а в Москве было смятение по поводу происходящего в Чечне. Юсуп так объяснил ситуацию:

“У нас подросло новое поколение, которому нужна власть, а через нее престиж и деньги. Чеченцы не любят ходить в бедных и были готовы на все, чтобы забрать власть у номенклатуры. Отсюда и революция. А собирать разные документы мы быстро научились. Кое-кто помогал из-за границы. Прибалты всегда были готовы помочь”.

Период после 1991 г. сопровождался национально-освободительной риторикой от имени самоопределяющегося вайнахского народа, где ритуальное место занимала общедемократическая идеология перестройки и посткоммунистической суверенизации автономных образований. На этом этапе формировались постулаты радикального чеченского национализма, основанные прежде всего на отрицании существовавшего режима и на политической доктрине светского чеченского государства. Но уже в тексте Декларации о государственном суверенитете, принятой в ноябре 1990 г. при коммунистическом правлении Доку Завгаева, и в Декларации чеченского народа, принятой в июле 1991 г. проявились основные моменты новой чеченской идентичности. Она была основана на образе *народа-изгоя и народа-борца*.

На первом месте стояла “историческая несправедливость” в отношении чеченцев, которую пришло время исправить. Причем современные чеченцы представлялись как дискриминируемые, переживающие “этноцид”. Члены делегации неправительственной организации Международная тревога, посетившие чеченское правительство в 1992 г., так изложили свои впечатления:

«Принявший нас высший должностной чин исполнительной власти был Арсланбек Акбулатов, глава Президентской администрации, который предоставил нам тщательно подготовленное изложение чеченской истории, заканчивающееся изложением каким образом чеченцы продолжали до 1987 года испытывать дискриминацию в сфере найма на работу, образовании и распоряжении ресурсами. “С нами обращались как с недочеловеками при нацистах!” – заявил он. У него были под рукой и нам позднее предоставлены копии большого количества статистических и других данных относительно демографической, финансовой и экономической ситуации среди чеченцев»²⁵.

Тема депортации и невероятных страданий стала главной в чеченской публицистике, литературных упражнениях местных писателей, а позднее и в молодежной попсе военного времени, о чем речь

пойдет ниже. Приведем текст только одной из песен, где война сравнивается с очередной депортацией (кстати, именно такое сравнение приводили чаще всего чеченцы в первые дни военной кампании федеральной армии в Чечне):

Земля отцов, с чего скажи начать.
Опять вскрываю рану,
Душа от боли устает кричать,
Но не могу молчать я и не стану.
Мой отчий край, уже в который раз,
(неразб.)... пути по огненному кругу,
Ты был подавлен, как и весь Кавказ,
Судьбою и оболган, и обруган.
44-й предпобедный год, и ждет
Фашистов суровая расплата,
А здесь в горах, детей и стариков
Поставили под дула автоматов,
Так родина, коварства не тая,
Их удивила. Жизнь и смерть в опале,
А братья их, отцы и сыновья
Сражались за нее и умирали.
13 долгих лет мы шли во тьму
По выжженным и вымершим дорогам
И выжили наперекор всему,
И обрели себя по воле бога.
Нас убивали день за днем в веках,
Огнем и сталью, голодом и пулей,
Надежду в детях, мудрость в стариках.
А мы из ада этого вернулись,
Вернулись, потому что проросли
Сквозь глыбы бед, как травы через камень.
И сохранили для родной земли
Любовь, мятежный дух и сердца пламень.
И пусть тяжел...(неразб.) свинец,
Над прахом тех, кто умер на чужбине,
Для них, из наших пламенных сердец
Зажжем костер бессмертия отныне,
И этой горькой памяти верны
Крепить отчизну будем год от года,
И помнить это мы всегда должны,
Уж слишком стоит дорого свобода.

Этот текст скорее всего был сочинен уже после августа 1996 г., когда чеченские боевики вошли в Грозный и когда появляется тема “крепить отчизну”, т.е. создавать независимое государство. Но и в более ранних литературных версиях насильственное изгнание чеченцев и пребывание в депортации служило отправным моментом современной чеченской идентичности. Не было более мощного стимула для чеченской солидарности и чувства общности, чем сравнительно недавняя коллективная травма и со-

хранявшаяся дискриминация, которая должна быть устранена через установление контроля чеченцев за “своей” республикой. Чеченскими активистами много говорилось о необходимости единства всех чеченцев, в том числе и о преодолении “разделенности нации”, когда почти четверть всех чеченцев живет за пределами Чечни, что было даже записано в Декларации о суверенитете чеченского народа. В этой связи интересно отметить, что не менее 50 тыс. чеченцев остались жить в местах депортации – Казахстане, Киргизии или переехали в другие районы, но не в Чечню, после того, как им было разрешено вернуться назад.

Таким образом, новая (перестроечная, но довоенная) чеченская идентичность почти не связывалась с религией. Ссылки на ислам носили ритуальный характер и нигде чеченцы не объявлялись исламским народом. Еще меньше было ссылок на культуру и язык. В целом это была политическая идентификация, связанная с трагическим прошлым, “неправильным” настоящим и со “своим” государством, которое все это исправит. Здесь мы полностью согласны с Георгием Дерлугьяном, что привлекать исламскую религию к объяснению “необыкновенно высокого и порою болезненного уровня национального самосознания среди чеченцев в последние годы совершенно излишне”²⁶. Тем более религиозный фактор не имеет отношения к так называемой национальной революции.

КАКАФОНΙΑ ЧЕЧЕНСКОЙ ПОПСЫ

Начало вооруженного сопротивления принесло новые моменты в формирование чеченского интраобраза. Участие в войне молодых бойцов и романтика сопротивления создали условия для появления военной поп-культуры (попсы), отразившейся в песнях чеченских бардов, которые были обязательным атрибутом вооруженных групп. Японские портативные магнитофоны и набор магнитофонных записей были почти в каждом доме и в каждой вооруженной группе. По Чечне гастролировали и сами певцы-артисты. Особую известность обрели Хусейн Бетелгириев и Имам Алимсултанов, погибший на Украине уже после войны. Алимсултанов обычно писал песни на слова других чеченских поэтов, еще во времена своего членства в Союзе писателей России сочинявших патриотические тексты, но которые обрели политический смысл только в форме военной бардовой песни. Эти песни зазвучали по всей Чечне и в каждом отряде. Как выразился Рустам Калиев, “эта какофония звучала везде и во всем”.

Именно в поэтической форме появляется однозначно позитивный образ чеченца, построенный на самовосхвалении и на жесткой оппозиции врагу в лице русской империи. В основе творчества Има-

Музыкальный ансамбль боевиков (Фото О. Климова)

ма Алимсултанова и других бардов лежала мифопоэтика, в которой чеченцы стали главными и единственными борцами за свободу Кавказа со времен имама Шамиля. Другим доминирующим мотивом стал образ Чечни как единственной матери-родины, отчизны, родной земли, чего до 1994 г. не наблюдалось. Тот же Муса Гешаев писал свои стихи о Родине, имея в виду Россию. Наконец, появилась тема исключительной солидарности и братства чеченцев.

Важным представляется переосмысление чеченскими бардами образа Кавказа. До этого Кавказ был общероссийским мифопоэтическим достоянием и у него бесспорно было общероссийское авторство. “Кавказ” и кавказкость конструировались любовно, многожанрово и массовыми усилиями как интеллектуалов, так и рядовых отдыхающих туристов, особенно любителей горных маршрутов. Джабраил вспоминал, что в юности обожал стихи Пушкина и Лермонтова о Кавказе, а лермонтовскую восточную повесть “Исмаил-Бей” считал гениальным произведением, но все это им не понималось в узкочеченском смысле, а как общее культурное достояние.

В ходе чеченского и других вооруженных конфликтов в регионе образ Кавказ обретает другой смысл. Если Толстой создавал литературный миф о Хаджи Мурате, чтобы обличать царский деспотизм в защиту “диких горцев” – отечественного варианта *noble savage*, то для нынешних мифотворцев Кавказ это прежде всего вершина цивилизации и единый мир (“общий дом”) без России. Чеченцы – прежде всего

кавказцы, горцы, сыны Кавказа. Вот одна из песен Имама Алимсултано-
нова:

Сегодня я воспеть хочу Кавказ, мою печаль,
Чтоб донести потомкам жестокость тех царей,
Кто шел с войной, штыком и горцев усмирлял.
В изгнании...(неразб.) чужбина тех суровых дней,
.....
В устах твоих Кавказ, тебе клянемся мы,
В объятиях вселенной красоты,
И в клятве мы тебе всегда верны,
Клянутся вновь тебе твои сыны.
Будь проклят тот, кто травит нас в веках.
Сегодня здесь, а завтра там война,
(неразб.) детей и матерей...(неразб.) земля,
Кавказ в огне безвинных жертв,
А чья вина: абхаз, грузин, армян, азербайджан?
Грешно делить, не вправе ль быть Кавказастан!
.....
Свобода нам нужна не для границ,
Скорее б нам очистить дух и облик лиц,
Достоинство вернуть и слово "честь",
Сказать, во вселенной есть мужчины, есть.

Почти во всех песенных вариантах Кавказ это место, где живут чеченцы (или вайнахи), самый древний и самый доблестный народ с массой достоинств. У этого народа есть "свой край", который есть самое прекрасное место на всем Кавказе. У того же барда Имама Алимсултано-
нова:

Кавказ, пусть горд, прекрасен ты и солнцем, и зарею,
Но край вайнахов мне при встрече лишь туманит взор,
Здесь есть народ, которому веками
Не смогли наложить свою печать бесчестья и позора.
Если чужеземец ты на Кавказские хребты
Пожелаешь вдруг взглянуть
К нам сюда направить путь,
Весь изборозди Кавказ,
Только знай, один лишь раз
Вскрикнешь ты, вот это рай,
Видя наш вайнахов край...

Кавказская тема – прежде всего тема истории войн против Рос-
сии, которая всегда пыталась покорить этот край и его жителей. Но-
выми героями новых песен стали исторические имена, по поводу ко-
торых предшествовавшая историография занимала сдержанную по-
зицию, а в отношении самого громкого имени имама Шамиля шли
дозированные и строго контролируемые советскими идеологами
споры. Но уже с 1991 г., когда в Грозном прошла научная конферен-
ция о шейхе Мансуре²⁷, началось время безграничной апологетики и
мифотворчества. Радикальная молодежь и авторы военной попсы

сделали Мансура и Шамиля главными героями героического прошлого Кавказа.

Ниже приводятся два сочинения молодых авторов бардовских песен.

Хусейн Бетелгириев

Уходит день, и в комнате потемки,
Пока еще в ней не горит свеча,
И за столом великий князь Потемкин
Сидит о чем-то в гневе там ворча
Проклятый шейх Мансур, все ты спутал,
Как в горле ком засел в душе моей,
Зловещей тенью он меня окутал
И изумляет дерзостью своей
Страх клич Мансура вселял
Умеет этот шейх Мансур неожиданно
Появляться там, где и не ждут,
И так теперь искусен как ни странно,
Но в Петербурге это ж не поймут.
Как князю этот шейх Мансур мешает,
Он дни и ночи в думах про него,
И много золота князь обещает,
Коль сможет кто принести главу его.
И племя князь Потемкин собирает
Из прославленных на Русь полков,
Отряды их, к ним пушки добавляет
И наставляет бравых молодцов...
И был аул Алды жжен нещадно,
И женщин, и детей, и стариков.
Рубили до едины нас беспощадно,
Так гласят предания веков.
И превратив аул в одни пожары,
К соседним селам двинулись войска,
Но тут им прямо в тыл Мансур ударил,
И слышалось Аллах издалека.
Столь яростной была его атака,
Что враг где небо и земля не знал,
И так теснил солдат, пока ватагой
И прямо в реку Сунжу их загнал,
И здесь, жалея пух для отщепенцев,
На них свалишь ты целый град камней,
И потопили в той реке чеченцы,
Гласит предание уже в Чечне.

Имам Алимсултанов:

Когда спустилась туча над Кавказом,
Услышали клич звериный: О, Аллах!
И поднял флаг он первым за свободу,
Бесстрашный шейх Мансур в горах.
Ермолов шел, и все с пути сметая,
Он не щадил ни женщин, ни детей,

Дотла сжигая мирные селенья,
И на Кавказе был он, как злодей.
Клинки звенели и свистели пули,
И в горы слал орлов двуглавых царь,
Но горы головы пред ним не гнули,
Из уст сливался клич: Аллах Акбар!
И на штыки бросались смело горцы,
Жестокой схваткой был неравный бой.
Всплывают вновь истории страницы,
Чечня и Дагестан одной судьбою
Бок о бок четверть века...(неразб.)
Стояли насмерть вместе мы стеною,
Достойными сынами из...(неразб.)
В изгнании путь для горца был суровым –
Чужбины рок, насилие, обман.
Нас ...(неразб.) народом непокорным,
Разбили нас по разным берегам.
И здесь и там, что пулями пробиты
В горах сверкают пламенным огнем.
Пусть кому-то быть из нас убитым,
Но никому из нас не быть рабом.

Во многих чеченских песнях и в политических декларациях Чечня и Дагестан рассматриваются как единое целое. Идеолог Мовлади Удугов и воин Шамиль Басаев неоднократно выстраивали историко-политические спекуляции по поводу слова Дагестан. Дело в том, что в чеченском и ингушском языках слово дегџастан переводится примерно как *отчизна*. Отсюда настойчивая спекуляция, что чеченцы и дагестанцы – это одно и то же, у них общая родина. “Чечня — неотъемлемая часть Дагестана”, – было заявлено Удуговым. Естественно, новая апологетическая версия истории дагестанского имама Шамиля – это часть история Чечни и чеченцев.

Позднее, по мере военных успехов чеченцев замечается интересная метаморфоза с образом Шамиля, биография которого закончилась сдачей в плен русскому царю и проживанием под царским покровительством в русском городе Калуге. В Чечне стало встречаться словообразование “шпион Шамиль” и все чаще вспоминаться, что Шамиль воевал против простых чеченцев, разоряя их села. Флаг Шамиля уже после войны продолжает нести только Шамиль Басаев, но это, по мнению самих чеченцев, связано с тем, что Басаев происходит из дагестанцев, хотя родился на территории Чечни.

Еще одна примечательная черта военного фольклора – это постепенная актуализация темы ислама и Аллаха.

Я увидел, как рушились горы,
Я услышал, как рыдал старик,
Заглушив пустые разговоры
Совести раздался дикий крик.
Тот тиран жестокий и холодный

Вышибить его слезу не смог,
В сердце том, железном он сегодня
Растопил слезящийся комок.
... (неразб.) седой старик не плачет,
К мудрости взывая тех и ... (неразб.),
Помните Аллаха, а иначе
Гнев его обрушится на всех.
Пусть исчезнут ложь, обман, притворство,
Краснобайство, раболепство, лесть,
Пусть всегда в душе горят у горца
Имя бога, родины и честь.
Дай нам вырваться из волчьей пасти,
Остуди холодною струей
Тех, кто вверх карабкается к власти,
Тех, кто уже катится с нее.
Это плачет не старик чеченец,
Сердце начинает понимать,
Плачет не родившийся младенец,
Сына не дождавшаяся мать.
А в гусарском небе тучи тают,
В звездопаде гаснут сотни звезд,
Кто не слышал как земля рыдает,
Кто не видел стариковских слез.
Обо всем Аллах предупреждает
В темноте предгрозовой ночи,
Для глухого молния сверкает,
Для слепого в небе гром гремит.

И наши руки не ослабли,

.....

И наши кованые сабли
Еще по-прежнему остры,
Над нами только власти мало,
А выше лишь один Аллах.
Он всегда, мы знаем, с нами,
Нам потому не ведом страх,
Он знает, что на самом деле
При встрече с нами...(неразб.)
Что мы бояться не умели,
Что мы умели умирать.
Мы в волны падали с врагами,
И был подобен горячке ад,
Была нам родина Мансура,
Горели люди, лес пылал.
Мы здесь, доверчивые, жили
У наших тихих очагов,
Когда пришло несметной силы
Большое скопище врагов.
И защищая реки, скалы,
Джигиты наши полегли.
Царям всегда, наверно, мало

Своей отеческой земли.
Честь свою, как и прежде,
До этих дней мы берегли,
Нет, не последняя надежда
Родной истерзанной земли.
Так знайте же, потомки наши
Сядясь в ... (неразб.) круг,
Что мы до дна испили чашу
Утрат и боли, горя, мук.

.....
Чеченцу лучше рай на небе,
Чем ад бесчестья на земле.

.....
Это уже песни времени боевых действий, когда в текстах появляются современные реалии: солдаты, танки, броня, “железные птицы” (самолеты), взрывы и т.п. И снова исторические реминисценции с “двуглавым орлом”, но уже в современной интерпретации, ибо впервые появляется тема “кровавых денег” и “мафиозных разборок” как причина войны.

И снова над Грозным раздались раскаты,
Под тяжестью танков дрожала земля.
Вы шли к нам с войною, России солдаты,
Вместо буйных цветов запылала броня.
Горящие танки (неразбор.),
Пришедшие к нам, растоптать нашу честь,
Нет, никогда не быть нам рабами,
Судьба за нами, свобода иль смерть.
Всевышним Кораном всем на планете,
И места под солнцем довольно для всех..
Опомнись, Россия, за все мы в ответе,
И ляжет позором на нас этот крест.
Кровавые деньги, кровавые ...(неразб.)
С двуглавым орлом идет к нам орда,
Разжигают везде раздоры и войны,
Всех вас осудят и бог вам судья.
И вот над Чечнею железные птицы
Несут в своих клювах жестокую смерть,
Народы Кавказа, скорее сплотитесь,
Нужна ль нам свобода, да или нет?

.....
Простерлась ты над целым миром
И Римом третьим назвалась.
Ты зарождалась из безродства
И расплзалась как чума,
Кляня проклятьем инородца,
Себя, и сына, и творца.
Орлом двуглавым и когтистым,
Мечом, картечью и(неразб.)

Ужель Россия, мать народов,
Еще не в силах ты понять,
Что от свободного порога
Не повернуть народы вспять.
И божий суд бесстрашно грозный
Блюдет деяния твои,
И покаянием лишь возможно
И нападения безбожность
Сегодня искупить пред ним.

Их было много, я был один,
Они пришли, а я здесь жил,
Здесь дед мой жил и прадед жил,
И сотни лет под этим небом
Здесь мой народ сынов растил.
Их было много, они смеялись,
Со всех концов сюда сбежавшись,
Чтоб дом мой жечь, и пепел тот развеять,
Чтоб по миру пустить несчастный мой народ.
С плачем матерей слезами горькими,
С гранатами для маленьких детей
Они пришли, сжигая города и села,
Как враг к врагу, не как сосед к соседу.
Их было много, я был один,
Они пришли, а я здесь жил,
Под этим солнцем, вот в этом доме,
В своей семье, в своей стране.
Они смеялись, а я стоял,
Не пал я на колени,
Не смог сломить их дух мое упорство,
И гибли сыновья за родину свою.
Один в лицо мне плюнул,
Другой ногой ударил,
А третий дуло автомата к груди моей приставил,
Вдруг кто-то выстрелил в меня,
И пыль с земли родной
Я кровью напоил.

Повелела судьба — на чеченцев идут,
Чтобы вновь испытать нашу стойкость,
Не по правилам нам объявили войну,
И задели чеченскую гордость.
Все вы чеченцы – мафиози и срам,
Вы житья никому не даете.
Сколько черных страниц и базарных реклам
Всему миру в эфир выдаете.
Что чеченцы хотят развалить всю страну,
Что они все бандюги и прочее.
И кричит президент: на Чечню, на войну,
Похмелиться кровинкою хочет.
Похмелишься ты кровью своею, вампир,

Очень скоро и не за горами,
Мы, конечно, отпразднуем, вот будет пир,
И Чечня водрузит свое знамя.

.....

Нависла туча над горами,
Затмила солнечные дни,
Восстань Чечня, кричала нани*,
Россия сорвалась с цепи.
Восстань из пепла,
Ты же можешь с гяуром находить язык,
Ты не одна, Аллах поможет, —
нани вайнахам говорит.
Поднялся мой народ с неравной,
С державной силой на войну.
Народ Чечни, народ мой славный,
Я песню о тебе пою.
Грозились вы с победой в Грозный
Явиться часа через два,
Но радость оказалась ложной,
Повязли русские войска.

Песня Хусейна Бетелгириева

Не плачь, о мать, что твой единственный сын не придет,
Что твои глаза не различат его красивые черты.

Верь, в Чечне Жамирзу не забудут,
Он будет в ряду павших на газавате.

Не плачь, о мать, что твой единственный сын не придет,
Что своими глубокими мыслями он не поделится.
В этой страшной войне Жамирзой подбитые танки
И сегодня горят, враги видят их дым.

Не плачь, о мать, что твой единственный сын не придет,
Что, не успев завести потомство, он ушел.

По зову отчизны вставшие героические парни
Будут в славе жить, пока живы чеченцы.

Не плачь героического сына родившая, героическая мать,
Золотыми буквами запишут завтра их имена.

Сегодня мы, как волки, яростно деремся с врагом.
Россия в истории всегда была не права.

Посмотри, мать, империя рушится,
Часть ее горит от зажженного в Чечне огня,

Справа и слева встают другие народы,
Мечь Аллаха покажет, как Россия падет.

(Пер. с чеч. Хеды Абдулаевой)

Песня Хусейна Бетелгириева

С разбросанными мыслями стояла мать,
В город входило черное войско,
От сердца сыновьям крикнула мать,

* Мать – чеч.

Вы примите газават, Аллах вам поможет.
Какими словами прославить тебя,
Временем закаленная моя чеченская мать,
В вере учила ты отчизну любить,
Драться с врагами учила доблестно.
С застывшим комом в горле утихла мать,
Отважные братья встали на войну,
Говорят, что душа сестры, расставшейся с братьями
Не может найти покоя, поэтому она и вышла.
Какими словами прославить тебя,
Временем закаленная моя чеченская мать,
В вере учила ты отчизну любить,
Драться с врагами учила доблестно.
Враг с оружием стремится в город,
Ноющими ранами пал один из братьев,
Но те, кто были живы, мстили
И шли на залпы невиданных орудий.
Какими словами прославить тебя,
Временем закаленная моя чеченская мать,
В вере учила ты отчизну любить,
Драться с врагами учила доблестно
Хотя и нелегко было расстаться с рожденным тобою,
Ты научена терпеть горе,
Аллах восхваляет тебя за творенье,
Как цветенье, в газавате пали твои сыновья.

(Пер. с чеч. Хеды Абдулаевой)

Много спето песен о друзьях своих,
О друзьях любимых, сердцу дорогих,
Здесь у нас ведется, если в путь идешь
Значит друга верного с собой берешь.
Если с другом ты, пройдешь и через ад,
Только друг в беде помочь всегда вам рад,
На Чечне, что если друг чеченец вам
Можешь ты рассечь скалы пополам.
Если ты грустишь и страстно ты влюблен,
Ты скажи, пусть это знает он,
Только молвишь, без нее жить не могу,
Как услышишь ты в ответ, я помогу.
Я горжусь, что я чеченец всей душой,
Что я вырос и живу в Чечне родной,
Для чеченцев – это настоящий друг
И чеченский друг – лучший в мире друг.
А теперь сидим мы за столом друзья,
Собрались мы здесь, как дружная семья,
За столом мы веселимся, посмотри,
Ведь сегодня Ибрагиму 23.
Плещется вино в бокалах звонких,
Гордо на тебя компания глядит,
Пусть таких друзей, как Ибрагим
Аллах сохраняет нам на вечные века.

Эта ночь прекрасна и светла, и ясна,
Звезды в ней мерцают в синей вышине,
А друзья все вместе, как поется в песне,
Весело пируют, аж душа в огне.
Вот сидит Майрбек – наш торжества виновник,
35 ступенек жизни он перешагнул,
Все мы поздравляем, всяких благ желаем,
Так живи и здравствуй, песни пой.
Сердца благородство не измерить просто,
Для друзей открыта и щедра душа,
Безупречно честен, рыцарь слова чести,
Пусть гордится мать, что родила тебя.
Видишь, здесь собрались все, кому ты дорог,
Должен быть доволен ты своей судьбой,
Коль друзей так много, знай, светла дорога,
Чистота сердец пусть нас роднит с тобой.
Так налей бокалы, да налей полнее
Коль душа от счастья в эту ночь цветет,
Пусть же в этом деле много будет хмеля,
За Майрбека выпью бочку я вина.
Эта ночь прекрасна и светла, и ясна,
Звезды в ней мерцают в синей вышине,
А друзья все вместе, как поется в песне,
Весело пируют, аж душа в огне.

(Пер. с чеч. Хеды Абдулаевой)

Песня группы “Зама”:

Не имея друга, не познав эту жизнь,
Не умрем, братья, не умрем.
Не сложив песню о природе родной,
Не умрем, братья, не умрем.
Не зная отцов своих, не имея могилы на родине,
Не умрем, братья, не умрем.
Расставшись, не забудем друг друга,
Не умрем, братья, не умрем.
Обласканные любовью вдали от родины,
Не умрем, братья, не умрем.
Не зная отцов своих, не имея могилы на родине,
Не умрем, братья, не умрем.
Не оказав помощи друг другу, не познав традиции,
Не умрем, братья, не умрем.
Не успев отблагодарить родной народ,
Не умрем, братья, не умрем.

(Пер. с чеч. Хеды Абдулаевой.)

Здесь приведена только малая часть богатого самодеятельного творчества времен чеченской войны. Количество песен и масштаб их тиражирования были впечатляющими. Кассеты с их записью долгое время имели постоянный спрос даже на московском рынке на знаменитой “Горбушке”, где продается разного рода аудиовизуальная продукция. По некоторым сведениям, эти кассеты были распространены даже среди военнослужащих фе-

деральных войск. Чеченская молодежь поголовно была увлечена творчеством группы “Зама”, Бетелгириева и Алимсултанова. Идеологическое воздействие этой формы молодежного самовыражения нельзя недооценить. Как сказал один из боевиков, *“без гитары и песен мы бы совсем озверели и могли друг друга поубивать, но общие песни спасали. Они были вместо военных приказов”*. В любом случае это культурное наследие войны способствовало распространению чеченского языка среди чеченской молодежи и останется надолго в ее духовном арсенале. Тем более, если дело не дойдет до сочинения более солидных литературных произведений о войне.

ВНУТРИЧЕЧЕНСКИЕ ДИСПОЗИЦИИ

Я.В.Чеснов в своем исследовании этнических идентификаций среди чеченцев делает решительное заключение: *“Часто постулируемые в нашей прессе исконность и якобы существенное этнополитическое значение деления чеченцев на равнинных и горных совершенно неправильно”*²⁸. Полученный мною материал отличается от этой версии, которой явно недостает современного этнографического материала. Мои данные отличаются и от чеченской элитной версии.

Конечно, влияние упрощенной категории “чеченцы” через маскультуру и массмедиа огромно в условиях ее ежедневного цитирования в момент войны. Эти версии-клише обладают мощной предписывающей силой (тиражные публикации, телеэкран в каждом доме, постоянные контакты с “другими”, аудио и видеозаписи). Они часто имеют более завершенную и более притягательную формы. Достаточно привести пример с неожиданной популярностью в Чечне Хункарпаши Исрапилова, после того как он “сыграл” самого себя в роли жестокого воина в фильме Александра Невзорова “Чистилище” и через эту трансляцию стал архетипом современного чеченского воина.

Современные чеченцы создают свой образ и его конкретное содержание из доступного внешнего материала. Однако особенность наших историй заключается в двух вещах. Низовое восприятие более образно и подвижно, т.е. оно открыто для любой версии и включает в себя все разнообразие характеристик, которые может приписывать себе группа. В нем явно меньше стигматизации и цельности. Эмные образы больше направлены на внутренние различия, которые почти не наблюдает или придает им мифологический характер внешний обозреватель. Этот тонкий уровень низовых идентификаций, бесспорно, носит культурный, т.е. этнический, и социально-политический характер.

В результате войны многие из внутренних (эмных) и внешних (этных) представлений оказались под большим вопросом, некоторые были отвергнуты. Так, например, на задний план отошла тема дискриминации чеченцев, некоторые исторические сюжеты. Наобо-

рот, возникла новая тема внутричеченских различий и противоречий. Самой серьезной из новых диспозиций является разделение и даже усиленный войной раскол между “горными” и “плоскостными” (равнинными) чеченцами. Главное, что нам удалось зафиксировать, – это однонаправленный характер раскола чеченцев, ибо “горные” чеченцы больше осознают себя просто как чеченцы и меньше выражают какое-либо иное восприятие равнинных чеченцев.

Вот как формировалась эта новая внутригрупповая диспозиция *плоскостных* и *горных* чеченцев:

“После отъезда многих русских учителей мы чувствовали, что образовалась какая-то пустота. На улицах появилось большое количество небритых, слоняющихся без дела, нередко озлобленных людей. В любой момент могли перекрыть любую улицу, перегородить ее машинами, повозками. Я обратил внимание, что люди, распоряжавшиеся на таких мероприятиях, были из горных аулов и относились к своим распоряжениям с серьезностью, не терпящей возражения. Одновременно на лицах у них было выражение нескрываемого злорадства и даже сладострастия. Я долго не мог понять, кому они желали зла, говорили, что это шабашники, что после развала СССР они не могли уехать на заработки, и вымещали зло на всех. Может быть, так оно и было, но я чувствовал, что злоба эта накапливалась у них многими годами. Особое раздражение у них вызывало начальство...” (Али И.).

“Я в Чечне живу меньше, чем в Казахстане. У меня половина детей там, а половина – в Грозном. Я сравниваю жизнь там и здесь. Людей разных вижу. И вот что я тебе скажу, за того Дудаева почему-то все бывшие горные жители встали. В Казахстане войны-то нет, а вот, поди ж ты, люди разделились на два гурта. Которые горные, так все за Дудаева. А которые совестливые, с пониманием которые, так они помалкивают больше, но в душе-то они против. Потому как ничего хорошего Дудаев народу не дал. Один только срам и стыд, и народу погибель.

Я тебе о себе скажу. Горные, так те окаянные, все глоткой берут, да норовят нас поддеть. Мы-то сами по себе, все больше молчим, а они нас все подначивают. Вроде бы завидуют. А завидовать-то нечему. Я все своим трудом добывала с самого детства. Еще когда я девочкой была, до выселения, бывало, привезут они (горные) брынзу или курдючное сало на продажу в город – все волками смотрели, ненавидели всех. Я думаю, что прежняя власть плохо сделала, что выселяла их с гор на плоскость. Сидели бы себе при своих стадах и поныне, а то их больше числом, они и верх взяли. Тут они ненависть свою выказали. Знали же, что Дудаев много гор принес народу, но они говорят: пусть весь народ в тартарары, но только падцах пусть наши (горный) будет. А я так считаю – это бесчеловечно. Нет такого закона, чтобы народ изводить”. (Зура М.)

“Купил я оружие, опять же за свои кровные, и пошел воевать. В общем, гоняли, гоняли нас по плоскости, а потом загнали в горы. И скажу я тебе, значит, нас бомбили и расстреливали как крыс и толку от нас никакого. Вот-вот должны были добить, потому, как уничтожали нас беспрерывно днем и ночью. Вот и стал я замечать вдруг, что командир наши, значит, горный чеченец с огненно рыжей бородой, норовит каждый раз на

особенно опасное место меня подставлять. То окопы роет, а мне всегда место для окопа на опушке указывает. Тут все как на ладони. Непременно убьют. То в разведку посылает в такие места, где мне спасу не должно было быть, а ведь в нашем батальоне много было молодых, вдвое дороже меня. Да все рыжие, горные. Да и во всем батальоне нас, плоскостных, кот заплакал. А посылал нас командир на самые опасные участки. Тут меня ребята надоумили, что это он нарочно, чтобы сгнули мы.

Раньше я никогда не думал, что горные и которые с плоскости как будто два разных народа. А потом на горьком своем опыте убедился, что у горных сердца ожесточенные, а руки скаредные. Потому как на камнях они рождаются, на навозе растут. Отсюда сердца у них безжалостные, твердые, как камень, а души черные, вонючие, как навоз. Да и поселковый наш мулла говаривал мне, что, живя десятки лет среди плоскостных, горные не принимают наших обычаев и нравов. Ежели случится с ними тяжба какая, так по судам затаскают, никогда по-хорошему на мировую не пойдут. А дочь выдавать за них замуж – лучше в прорубь бросить. До войны я не придавал этим разговорам значения. А тут на горьком опыте убедился, правы были наши старики, знали они хорошо наших горных” (Саид-Хусейн).

Из этих свидетельств можно сделать несколько дополнительных наблюдений и выводов. Во-первых, внутригрупповое деление на две отчетливые категории существовало и в недавнем прошлом²⁹, ибо о нем говорили *старики*. Во-вторых, это деление сохранялось даже в Казахстане, если оно четко отслеживается нынешней жительницей Казахстана в реакции местных чеченцев на события в самой Чечне. В-третьих, для последепортационного поколения (по крайней мере, среди плоскостных чеченцев в самой Чечне) это деление уже не было столь актуальным по сравнению с представлением об *одном народе*. Наконец, самое важное, что война утверждает среди плоскостных жестко негативный образ горных чеченцев как *другого народа*. Это может быть надолго, ибо причины, породившие это новое разделение, не могут уйти из чеченского общества, пока само общество не выйдет из нынешнего конфликта.

Есть еще один фактор, который может способствовать укреплению возродившейся в условиях войны внутричеченской диспозиции. Это вопрос о вине или об ответственности за случившееся среди самих чеченцев. В самой Чечне и среди выехавших чеченцев распространяется мнение, что именно горные жители стали инициаторами вооруженного выступления против России и именно горная Чечня остается базой продолжающегося бессмысленного сопротивления. Джабраил Гакаев заметил:

“Дудаев был из горного тейпа татиньи, который составляет часть ялхороевцев. Когда он приехал в республику, тогда за ним шли большинство чеченцев, а когда он обанкротился, то и все беды свалили на горных чеченцев. Теперь чеченцы расколоты и каждый сам за себя, а общего видения ситуации нет. Склеиться вместе, чтобы обсудить общие проблемы, и то уже нет сил. Правильно говорят, что чеченцы похожи на табун ло-

шадей: когда опасность, то сбиваются вместе, а пасутся мирно, то постоянно лягают друг друга”.

Моя попытка проследить представление горных чеченцев о плоскостных, а также их внутригрупповую отличительность на уровне самопредставлений, дала следующие свидетельства горных о себе и о других:

“Я проработал в сельском хозяйстве 48 лет. В 12 лет вышел с отцом в поле еще в Казахстане. И с тех пор работал сам и детей своих приучал к труду. Так что мне эта война как лысому расческа. Дудаев-то, конечно, много делов натворил. Однако, когда его начинают ругать плоскостные, меня обида берет. Меня вывозили в Казахстан подростком, а после возвращения из ссылки в горы не пустили и всю жизнь, вот уже 40 лет прожил здесь в Закан-Юрте. Уже и горный диалект забыл. И дети все говорят на плоскостном наречии. Вроде бы все сровнялись. Ан нет! Все равно найдется кто-то, кто вспомнит о моем горском наречии. Вроде бы мы не такие культурные, не такие грамотные. В о т и з а ц е п и л с я я г о р д о с т ь ю з а Д у д а е в а. Думаю, хоть раз президент будет нашенский, горский. Некоторые говорили даже по телевизору, что предки его были евреи – таты. А мне все едино. Среди чеченцев-то много всякого пришлого люда. Есть которые из турок, из арабов, из ногайцев, из азербайджанцев. Все мы пришлые в этом мире. Однако же, когда ругают горных, меня обида берет. Я всем детям высшее образование дал. Младшая моя сейчас в институте учится. Чем же мы хуже плоскостных?!” (Иса И.).

“Спросишь, почему я не воевал? Просто не хотел. В селе наш род считался захудалым. И по материнской и по отцовской линии. И не упустили случая попрекнуть этим. Отец мой – сюли в третьем поколении (его дед пришел в село пастухом наниматься). Вот я и думал: что мне пользы от того, что победят чеченцы. Они еще большие будут пренебрегать мною. Я решил, что совсем не стоит рисковать жизнью ради чистых чеченцев” (Рамзан Б.).

«Я единственную структуру уважал всю войну – это президентская гвардия. Шамиль Басаев, Радуев – кто они? Басаев воевал в Абхазии, и я знаю грузин, которые готовы его порвать на куски. Он там, в центре города их людей убивал и издевался. Дудаева хотел навязать на всю Грузию. И мародерничали они и все, что угодно, творили. Он где-то здесь специально учился в России, какую-то диверсионную школу проходил. Он дважды-два не знал, нож приставлял к горлу учителя, чтобы он ему оценки ставил. Тем более, что он и не чеченец. Он – дагестанец, абсолютно нечеченец, даже не один волос. Кто он? – аккинец, маккинец – не знаю, в общем дагестанец, а не чеченец. И таких героев у нас оказалось много. Покопались, выяснилось, мой дед когда-то его отца купил, чтобы он коз держал или еще чего-то там делал. Тогда самовольно приходили в слуги: вот, есть нечего и готов все делать.

Еще один герой Чечни Науриди Бажиев. Он кто? Все анашисты, пьяницы, наркоманы, все бездомные дворяжки, городская ботота за ним пошла. Спецназ. Им что надо было: у убитого солдата есть аптечка желтая и там одна ампула – сильный наркотик. Они готовы были свою жизнь отдать,

чтобы эту аптечку достать. Вот такая группа была: спецназ, пожалуйста. Любую аптечку открываешь, этой иглы нет. Где? А это спецназ подмел. Урус-Мартан, короче. Эта порода страшная: придут русские – будет свадьба в Малиновке, придут другие – опять “свои”» (Ахьяд Д.).

В представлениях горных чеченцев преобладающими мотивами являются следующие. Во-первых, вера в подлинную чистоту горных чеченцев по сравнению с остальными, среди которых намешано разной крови. Ахьяд мне говорил, что даже в нынешнем правительстве Масхадова настоящих чеченцев нет: “половина – это евреи под шкурой чеченцев”. Во-вторых, идентичность горных чеченцев строится на оппозиции село–город, и городские чеченцы на равнине – это “городская ботота”, которая не имеет корней и которая испорчена алкоголем и наркотиками. Даже название чеченского города Урус-Мартан в его языке – это своего рода ругательное слово. В равной мере в языке Ахьяда звучит как прозвище-пародия фраза *аккинцы-маккинцы* (речь идет о дагестанских чеченцах, которых Дудаев и, возможно, большинство чеченцев однозначно считают частью чеченского народа).

Наконец, самое важное, на наш взгляд, это обида и протест против исторической внутричеченской сегрегации горных как низшего сословия (сюли – слово, которое на чеченском языке означает дагестанец или так называли аварцев). Фактически мною была обнаружена форма нечеченской идентичности среди сюли, которые даже не считают себя чеченцами, вернее, “чистыми чеченцами”. Эта “нечеченскость” столь сильна, что она даже определила отношение к войне.

В идентичность горных чеченцев также встроилась сравнительно недавняя обида по поводу совершенных дополнительных репрессий в отношении горных жителей, которым не позволили возвратиться после депортации в родные села и вынудили вживаться в новые, чуждые им местные общины, где они так и оставались на положении “чужаков”. Видимо, отсюда берет начало иницируемый ими спор, кто больше чеченец: они – горцы или эти – равнинные.

Деление чеченцев на две категории представляется не столь простым вопросом. Прежде всего, до конца неясно, кого называют “горными”, ибо нет единого тейпа, общины или рода, проживающего исключительно в горной части Чечни. Все тейпы Чечни имеют родовые места в горах, и в этом смысле все чеченцы имеют связь с горной Чечней. Именно поэтому неверно придавать “горным” смысл низшего сословия. При более внимательном анализе обнаруживается, что и термин “сюли” адресовывается тем “фамилиям” (мелкие подразделения в тейпах), которые действительно имеют отношение к дагестанцам, реже – к грузинам, казачеству, другим нечеченским группам. Поэтому действительно данный термин подразумевает “нечеченскость”, а точнее – “безродность”. Он только больше бытует в горных селах, где все хорошо знают друг друга и пришельцам полностью “очечениться” фактически невозможно. В горных селах хорошо и долго по-

мнят, кто из себя что представляет и горные сюли – это лучше узнаваемые потомки неместного происхождения. *Сюли*, освоившиеся на равнине, в большей степени растворились среди *плоскостных* и определить “кто есть кто” уже сложнее.

Определение “горные чеченцы” – это скорее современный внутричеченский стереотип человека из села, обязательно продудаевски настроенного, злого, небритого и невоспитанного. Те, кто называют себя “плоскостные чеченцы”, это скорее всего городские жители, которые столкнулись с явным “нашествием” сельских чеченцев в различных властных структурах и учреждениях. Горожане ревностно воспринимают новожителей и активное осваивание ими мест, которые, по их мнению, не принадлежат “этим темным горным людям”. Кстати, преувеличивается и сама численность “горных”, так как и до войны в горных селах проживала малая часть населения по причине трудных условий. После войны в горных селах осталось совсем мало жителей.

Внутричеченские народные образы в основе своей – это прежде всего проявление общечеловеческих чувств, эмоций, интересов и представлений в сочетании с многими общероссийскими характеристиками, включая фобии и ценности, что особенно это заметно среди старшего поколения. Это – вера в лидеров и их осуждение за “неправильный” курс, неприятие нажитого богатства другими и социального разделения, приоритет личного интереса и слабая общегражданская ответственность, низкая цена жизни и моральная жестокость и, наконец, неизбежный для россиян бытовой антисемитизм.

Последнее заслуживает особого комментария. Однажды в разговоре с Ахьядом меня поразили его представления о чеченцах, которые звучали как если бы я слушал кого-то из защитников взглядов генерала Макашова, чьи антисемитские высказывания на октябрьском митинге 1998 г. в Москве и позднее в Государственной думе были в тот момент в центре публичных дебатов и новостей:

*“Среди чеченцев половина это и не чеченцы, а так залезли в нашу шкуру за эти 70 лет, а может и за 300 лет. Приезжали жить многие в Чечню и оставались. Им наши люди и жен подыскивали. Так что это или евреи, или дагестанцы и хохлы. Они и управляют нами. Макашов может и правду сказал про евреев. Многие так и думают. Он, Макашов, кажется сам из Грозного”**

* По поводу этого высказывания мой чеченский рецензент сделал важное уточнение: «К евреям в Чечне осторожное, но завистливо-уважительное отношение. Их часто просто демонизируют по части их влияния и возможностей в мире. ими восхищаются, ставят в пример. Работать с евреями считается выгодным во всех отношениях, и им отдают предпочтение при выборе партнеров. И все же нельзя не сказать, что в бытовом языке очень часто можно услышать “все мутят евреи”, “еврейская работа”, т.е. повторяется общероссийская риторика “во всем виноваты евреи”. Но в целом понятие *еврей* чаще всего подразумевает идеальность, продуманность, оригинальность» (Рустам Калиев).

НОВАЯ АРХАИКА ТЕЙПОВ И “НОВЫЕ ЧЕЧЕНЦЫ”

Этот вопрос заслуживает специального рассмотрения, ибо современное словоупотребление почти ни о чем не говорит, особенно когда употребляют расхожее понятие “род”. Тем не менее бытование этих конструкций в языке чеченцев в период войны представляет интерес. Малика Сальгириева рассказала о себе:

“Мне с детства передали столпы ислама: намаз, чтить своего устаза. У ингушей только три устаза, у чеченцев их много. Есть семьи, у которых разные устазы у жены и у мужа. У меня свекровь – это Дока хаджи, а свекор – это Узум хаджи. Дети выбирают одного из устазов. Все знают место его могилы, где стоит отдельный мавзолей как место для молитвы...

Есть разные роды и разного происхождения и характера. Мелхи – это еврейские вайнахи. Они очень предприимчивые, богатые и циничные. Мастера закулисных интриг. Один из них, Адам Албаков, был министром нефтяной промышленности и был настоящим миллионером. У него был большой дом в Бамуте. Он был похож на нового русского и ездил в мерседесе болотного цвета...

У чеченцев есть не только свой род, но и родовые земли. У нас они в Шатое. Люди знают, кому что принадлежит, и даже всегда спросят, можно ли сорвать яблоки или груши с деревьев. Даже родственники не могут копать не свою землю. У меня родственник был на даче и не помогал мне копать землю под картошку, а зятю помогать – это вообще позор. Зять должен встать, если вошел родственник по линии жены”.

Жестокая война во многом оттеснила романтику неотейпизма времен прихода к власти Дудаева. Делить было уже нечего, и тейпы как коалиции для перераспределения должностей и ресурсов уже мало чем могли помочь. Хотя подозрения и обвинения в “тейповщине” сохранились. В тейповых привязанностях обвиняли вновь пришедшего к власти в 1995 г. Завгаева, потом Масхадова, а затем и Кадырова. Хотя Кадыров публично заявил, что среди членов его правительства нет ни одного выходца из родного тейпа. Тейп больше стал мифологией, чем реальностью, если он когда-то даже и был этой реальностью.

Вместе с этим актуализировалась такая форма обособления, как конструирование новых “этносов” на основе того, что до этого назвалось тейпом. Приехавший из Чечни Муса Юсупов рассказал, что 31 июля 1999 г. в Грозном состоялся 3-й съезд общественно-политического движения “За возрождение орстхойского этноса”. Делегаты были избраны от г.Грозный и 20 населенных пунктов Чечни и Ингушетии. Первоначально, десять лет назад, движение возникло как историко-культурное общество “Вошалла” (“Братство”). В то перестроечное время в общественной жизни Чечено-Ингушетии склады-

валась тенденция, приведшая в последующем к разъединению чеченского и ингушского народов.

Решающим моментом в этом “этническом процессе” было образование двух отдельных республик, т.е. две отдельные госбюрократии предписали более жесткое деление *чечено-ингушей* (такой парный этноним был также в свое время распространен, как и *вайнахи*) на две группы. Этот новый жесткий раздел (почти по линии фронта!) поставил в сложное положение часть вайнахов, которые причисляют себя к орстхойским тейпам. Последние исторически представляли собою родственно-клановые образования, которые пересекали этнические границы двух групп вайнахов³⁰.

Еще до войны представители интеллигенции “из орстхойцев” пытались осуществить некоторые акции по актуализации особой (отдельной от остальных) групповой идентичности на основе тейповой принадлежности. Но уже с самого начала доминирующим мотивом было намерение использовать тейповую солидарность в обеспечении доступа к разгосударствлению собственности и представительству во власти. Ситуация после войны вынудила чеченцев более определенно обратиться к тайповой социальной структуре. Причем чеченские тайпы впервые обретают выученную из академических текстов приставку *этно*, а некоторые тейповые союзы начинают конструировать себя как отдельные *этноссы*, т.е. народы. На упомянутом съезде орстхойцев было высказано предложение об образовании единой вайнахской нации. В программных документах были определены следующие задачи:

признание орстхойского этноса как одного из вайнахских народов;

недопустимость установления границ между Ичкерией и Ингушетией;

возвращение орстхойским селам их прежних названий;

поддержка идеи создания единого Вайнахского исламского государства³¹.

Какие новые траектории приобретет процесс формирования чеченской идентичности в постконфликтный период под воздействием огромных перемен в жизни современных чеченцев? Признаки “новой общности”, которую пока мне сложно определить, можно было заметить 14 марта 2001 г. в Колонном зале Дома Союзов, где прошел вечер памяти Зии Бажаева в годовщину его трагической гибели в авиакатастрофе 9 марта 2000 г. В тот вечер все 1500 мест этого самого красивого зала российской столицы были заняты главным образом московскими чеченцами. Многие пришли семьями и даже с малыми детьми. Говорят, еще многие хотели бы придти, но не смогли получить приглашительные билеты. В концерте участвовали самые известные российские артисты, а закончился концерт великолепным и трогательным выступлением детского чеченского ансамбля, который был воссоздан при одном из московских клубов быв-

шим руководителем Чечено-Ингушского государственного ансамбля танца.

В зале помимо скорби о талантливом чеченском бизнесмене и потенциальном лидере Чечни (“вот он бы мог вывести Чечню из кризиса и возродить Чечню!”), царило ощущение единения и гордости за свой народ. Современная, наиболее преуспевающая элита, она представляла “чеченскую диаспору” в Москве. Вместе с юными танцорами это было “будущее Чечни”, как сказал один из моих чеченских знакомых. Но не все так просто. Среди прочих последствиям трагедии войны стало возникновение многочисленной чеченской общины (около 80 тыс. человек) в самом преуспевающем и обустроенном городе страны. Такого не могло произойти в обычной ситуации (до войны в Москве проживало 2 тыс. чеченцев). Фактически большая чеченская часть Грозного переместилась в Москву и в основном уже нашла здесь свое место. Складывается новая система экономической и политической протекции этой общины со стороны крупных чеченских бизнесменов и политиков, включая депутата Государственной Думы от Чечни Асланбека Аслаханова. Начали выходить чеченские газеты и радиопередача, вещающая на Чечню.

Московская община обретает влияние, в том числе и на то, что происходит в самой Чечне. Ее пророссийская ориентация демонстрируется уверенно и античеченские настроения в стране и особенно в столице переживаются крайне болезненно. Это российские чеченцы, у которых помимо этнической (фактически внетейповой и без резких внутренних разделов) имеется и двойная лояльность по восприятию родины: малой – в лице далекой и разрушенной Чечни и большой – России в лице города своего постоянного проживания. Учитывая демографические характеристики (более высокую рождаемость и возможность перезда из Чечни новых жителей), “московская Чечня” будет расти численно и обретать все больший общественный вес через усвоение уроков социальной и политической самоорганизации абсолютно в новых условиях. *“Откровенно говоря, я не верил, что мне в мои уже немолодые годы удастся начать все сначала, потеряв фактически все в этой войне”*, – признался Джабраил Гакаев, награжденный в тот вечер премией Фонда Зии Бажиева “за выдающуюся роль в судьбе чеченского народа”.

Мне представляется, что эта часть чеченской общности уже никогда не вернется в Чечню. Эта часть чеченского народа живет и будет жить лучше в Москве, и от этого другой части чеченского народа в самой Чечне будет еще труднее восстанавливать основы жизни в республике. Это, возможно, и есть самый трагический раскол в истории чеченского народа. Драматичнее могла бы быть только массовая эмиграция за рубеж, которой сами чеченцы предпочли Россию. От того, как будут взаимодействовать эти две части одного народа и взаимовлиять друг на друга, зависит многое. Но предсказать ход событий очень трудно.

- ¹ Александренков Э.Г. “Этническое самосознание” или “этническая идентичность” // *Этнографическое обозрение*. 1996. № 3. С. 13-22.
- ² Тишков В.А. Очерки теории и политики этничности в России. М., 1997. С. 62.
- ³ Рассуждения о “генетическом коде” и “родовом теле этноса” см., например: *Лурье С.В.* Историческая этнология: Учебное пособие для вузов. М., 1997; *Чеснов Я.В.* Историческая этнология. М., 1998. Философско-психологическая схоластика при методологической всеядности во взглядах на феномен изложена в работе: *Хотинец В.Ю.* Этническое самосознание. СПб., 2000. Ортодоксальный для отечественной науки взгляд повторен в многочисленных изданиях последних лет, но назовем только две работы моих коллег по институту: *Козлов В.И.* Этнос, нация, государство. М., 1998; *Семенов Ю.И.* Философия истории. М., 1999.
- ⁴ Об этом см.: *Скворцов Н.Г.* Проблема этничности в социальной антропологии. СПб., 1997; *Тишков В.А.* О феномене этничности. *Этнографическое обозрение*, 1997, № 3.
- ⁵ Конструирование этничности / Под ред. В. Воронкова и И. Освальд. СПб., 1998, а также труды М.Н. Губогло, Л.М. Дробижевой, С.В. Соколовского, В.А. Ядова (см. библиографию).
- ⁶ *Чеснов Я.В.* Быть чеченцем: личность и этнические идентификации народа // Чечня и Россия: Общество и государство / Ред.-сост. Д.Е. Фурман. М., 1999. С. 63–101.
- ⁷ Там же. С. 64.
- ⁸ Там же. С. 65.
- ⁹ Там же.
- ¹⁰ Там же. С. 65-66.
- ¹¹ *Тишков В.А.* Забыть о нации: (Постнационалистическое понимание национализма) // *Вопросы философии*. 1998. № 9.
- ¹² *Чеснов Я.В.* Этнокультурный потенциал чеченской нации / Северный Кавказ: Этнополитические и этнокультурные процессы в XX в. Отв. ред. В.А. Тишков, С.В. Чешко. М., 1996. С. 36.
- ¹³ Там же. С. 33-51.
- ¹⁴ Данные о брачности среди чеченцев (в Чечено-Ингушетии и за пределами) на 1960-80 годы см.: *Хасбулатова З.И.* Межнациональные браки в Чечено-Ингушетии // *Новое и традиционное в культуре и быту народов Чечено-Ингушетии*. Грозный, 1985; *Она же.* Отражение социально-культурных изменений в современной семье чеченцев и ингушей (50–80-е годы) // *Этносоциальные и культурно-бытовые процессы в Чечено-Ингушетии*. Грозный, 1986.
- ¹⁵ *Дудаев Дж.* Тернистый путь к свободе. Грозный, 1992 С. 32.
- ¹⁶ Там же. С. 31.
- ¹⁷ Там же. С. 14.
- ¹⁸ Там же. С. 52.
- ¹⁹ Там же. С. 57.
- ²⁰ *Абубакаров Т.* Режим Джохара Дудаева: Правда и вымысел. Записки дудаевского министра экономики и финансов. М., 1998. С. 17.
- ²¹ Там же.
- ²² Там же.
- ²³ *Халиев Нур-Эл.* Предисловие // *Нунуев С.-Х.* Нахи и священная история. Ярославль, 1998. С. 2-3.

- ²⁴ Дерлугьян Г. Чеченская революция и чеченская история // Чечня и Россия: Общества и государства. С. 210-211.
- ²⁵ Chechnia Report. L., 1992. P. 52.
- ²⁶ Дерлугьян Г. Указ. соч. С. 210.
- ²⁷ Шейх Мансур и национально-освободительная борьба народов Северного Кавказа в последней трети XVIII века: Тезисы докладов и сообщений международной научной конференции. Грозный, 1992.
- ²⁸ Чеснов Я.В. Быть чеченцем... С. 68.
- ²⁹ Исторический анализ внутричеченских групп (родо-племенных образований и территориальных групп) см.: Мамакаев М. Чеченский тейп (род) в период его разложения. Грозный, 1973; Чеснов Я.В. Быть чеченцем... Приложение 1. С. 95-99.
- ³⁰ В позднем средневековье, XVIII и XIX вв. орстхойцы были в основном локализованы на территории нынешнего Ачхой-Мартановского района Чечни, Сунженской части Назрановского и Малгобекского районов Ингушетии. У орстхойцев есть и другое близкое по звучанию самоназвание – *аритхойцы*. В русской литературе они известны как карабулаки (наименование, производное от тюркских слов *кара* – черный, *булак* – источник). Орстхойцы приняли активное участие в Кавказской войне. После ее завершения значительная их часть переселилась в Турцию, остальные “влились” в чеченский и ингушский народы, а вернее, существовали со сложной идентичностью: орстхойцы-ингуши (в Ингушетии), орстхойцы-чеченцы (в Чечне). Языковой или хозяйственно-культурной отличительностью орстхойцы не обладают, т.е. это прежде всего родственно-клановая коалиция (см.: Юсупов М. Орстхойцы: кто они? // Бюллетень Сети этнологического мониторинга. 1999. № 26. Июль–авг. С. 60-61.
- ³¹ Вайнах. 1999, № 2 (74).